

Федеральное агентство по образованию России
Алтайский государственный университет
Министерство внутренних дел России
Барнальский юридический институт

ятчит

т

В.К.Гавло, В.Е.Клочко, Д.В.Ким

**СУДЕБНО-САЕДСТВЕННЫЕ
СИТУАЦИИ:
ПСИХОЛОГО-
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
глетЕкты**

Барнаул 2006

Федеральное агентство по образованию России
Алтайский государственный университет
Министерство внутренних дел России
Барнаульский юридический институт

В.К. Гавло, В.Е. Ключко, Д.В. Ким

СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ:
ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ

Монография

*Дорогому профессору Ванинскому
Кортоусову
написано и
напечатано по
настоятельному
желанию*

0^

и

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АЛТАЙСКОГО

УНИВЕРСИТЕТА

БАРНАУЛ

2006

УДК 343.985

ББК 67.99

П23

Рецензенты:

Драпкин Л.Я. — заслуженный деятель науки РФ, д-р юрид. наук, профессор;

Шиканов В.И. — заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, профессор;

Главное следственное управление при ГУВД Алтайского края.

Авторский коллектив:

Гавло Вениамин Константинович — д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского гос. ун-та, заслуженный юрист РФ, чл.-кор. СО АН ВШ — § 1 гл. 3; § 2 гл. 3 (в соавторстве с Д.В. Кимом); гл. 1, 2, 4 (в соавторстве с В.Е. Клочко и Д.В. Кимом);

Ключко Виталий Евгеньевич — д-р психол. наук, профессор, профессор кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии Томского гос. ун-та, заслуженный работник культуры РФ — гл. 1, 2, 4 (в соавторстве с В.К. Гавло и Д.В. Кимом);

Ким Дмитрий Владимирович — канд. юрид. наук, доцент, зам. начальника Барнаульского юрид. ин-та МВД России по учебной работе — § 2 гл. 3 (в соавторстве с В.К. Гавло); гл. 1, 2, 4 (в соавторстве с В.К. Гавло и В.Е. Клочко).

Гавло, В. К.

- П23** Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты : монография / В.К. Гавло, В.Е. Клочко, Д.В. Ким ; под ред. проф. В.К. Гавло. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. — 226 с.
15BK^T 5-7904-0534-7

В монографии на базе широкого обобщения материалов судебно-следственной практики, анализа литературы исследуются актуальные проблемы развития судебно-следственных (криминалистических) ситуаций, их роли и места в науке криминалистики. Впервые судебно-следственные (криминалистические) ситуации рассматриваются комплексно в системе «ситуация» как полидисциплинарное понятие, как элемент психологического тезауруса и многомерное явление. Особое внимание уделяется понятию, классификации, информационной структуре и разрешению судебно-следственных (криминалистических) ситуаций в ходе предварительного и судебного следствия.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических вузов, научных и практических работников.

15ВЫ 5-7904-0534-7

© Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В., 2006

© Барнаульский юридический институт МВД России, 2006

© Издательство Алтайского государственного университета, оформление, 2006

Глава 1. Введение в проблематику психолого-криминалистического аспекта следственных ситуаций

Эта книга написана авторами, представляющими разные науки — психологию и криминалистику. Многолетнее дискуссионное общение авторов позволило им увидеть неожиданные точки соприкосновения и совпадения в развитии двух наук, внешне далеких друг от друга как по предмету исследования, так и по используемым методам. Сближающим фактором оказалось соответствие в процессах становления наук, похожесть внутренних тенденций их развития, указывающая на всеобщие закономерности наукообразования.

Взаимный интерес к механизмам возникновения схожих внутренних тенденций развития разных наук привел к идее: нельзя ли, прослеживая тенденцию развития науки, предвосхитить ее ближайшее будущее? А если это можно сделать, то, будучи последовательными, нельзя ли оценить понятийный аппарат современной науки с точки зрения соответствия категорий (как уже устоявшихся в нем, так и становящихся) с точки зрения их соответствия тенденциям развития науки или как проявление этих тенденций. Не секрет, что критика возникающих как в криминалистике, так и в психологии новых теорий и, соответственно, понятий иногда превращается в строгий окрик со стороны разработчиков или апологетов теорий устоявшихся, имеющих заслуженный научный авторитет и сопутствующий ему официальный статус. Но эта критика, как правило, не в достаточной мере опирается на прослеживание тенденций развития науки и объективацию их, а исходит скорее из аксиоматики собственной теории, убежденности в непреложности используемых в них методологических принципов. Однако и в психологии, и в криминалистике происходит смена парадигм, этих общепринятых образцов научной практики, что обуславливает смену форм и уровней профессионального мышления, в силу чего теория, бывшая в свое время актуальной и перспективной, сопротивляется не другой теории, а той форме мышления, которую она несет с собой.

И для психологии, и для криминалистики характерно сегодня то, что, «переболев» гносеологизмом, они выходят за пределы двух реальностей, которые устанавливает гносеология — объективной и

субъективной (отраженной), в связи с чем сознание и психологов и криминалистов начинает оперировать явлениями сверхчувственно-го порядка. Изменения, происходящие в связи с этим, необходимо осознать во всей их глубине и высоте. В своей последней работе Р.С. Белкин¹, опираясь на исследования Т. Куна, отмечает цикличность развития науки. Он полагает, что в границах каждого цикла кумулятивное развитие науки (накопление знаний) происходит на основе исходной для данного цикла парадигмы и до тех пор, пока эта парадигма не противоречит приобретаемым знаниям. Как только исходная парадигма перестает играть роль универсального объяснения новых явлений, возникает необходимость ее разрушения и перехода к новой парадигме, удовлетворяющей условиям развивающейся науки. Замена научной парадигмы и составляет сущность научной революции.

Нам кажется, что необходимо учитывать и то усложнение науки, которое происходит в связи со все более системным переопределением ее предмета. По отношению к психологии, например, Л.И. Воробьева считает, что речь сегодня надо вести не просто о смене исследовательской парадигмы, или даже о смене всей научной методологии, не о смене методологических принципов исследования и даже не об изменении категориального строя психологии. Происходит нечто более глобальное, представленное единством многих составляющих².

С нашей точки зрения, изменение касается самих предметов наук, которые получают дальнейшее теоретическое определение. Эмпиризм, свойственный наукам на ранних стадиях их становления, уходит, уступая место теоретическим конструктам, фиксирующим сложную («совмещенную», субъект-объектную) онтологию. При этом принцип отражения, понимавшийся как главный системообразующий принцип науки, сменяется на другой, более системный. Криминалистика отреагировала на это появлением новых разделов и понятий: «криминалистическая характеристика преступлений», «криминалистическая характеристика расследования преступлений», «криминалистическое оружиеведение», «криминалистическая ситуалогия», всплеском интереса к судебным и следственным ситуациям, тактике и методике защиты, а психология ввела понятие «ситуация» в свой тезаурус. В том, что изменение предмета науки отражает процесс становления ее, нет ничего нового. Новым, в данном случае, является то, что попытки онтологизации науки³, происходящие на фоне удержания исходного дуализма объективной и субъективной реальностей (которые

методолог и психолог В. Франкл назвал «онтизацией»), заканчиваются в пользу подлинной онтологизации. Науки поднимаются к анализу сложного (системного) «со-бытия» Материи и Духа, субъективного и объективного, в силу чего «ситуации» (психологические ли, следственные ли) теряют свою «полюсность», свою отнесенность к одному из полюсов. Взамен наука получает возможность объяснить избирательность поведения человека и его детерминацию не просто «внешними причинами» или «внутренними основаниями», а тем системным единством, которое порождается при взаимодействии субъекта с объектом. Так возникают собственно психологические и криминалистические характеристики ситуации, которые кажутся некоторым исследователям, придерживающимся дихотомического разделения реальностей, навешанного гносеологизмом, околонучными «фантомами». Таковыми казались «психологические свойства внешнего» Л.С. Выготского, «транссубъектные пространства» Д.Н. Узнадзе, «жизненные пространства» К.Левина, «многомерные миры» А.Н. Леонтьева, «со-бытийные общности» В. Франкла.

В криминалистике объектом пристального внимания стали связанные с ситуациями и ситуационным подходом к расследованию такие понятия, как «следственная ситуация», «криминальная ситуация», «оперативно-розыскная ситуация», «судебная ситуация» и др. Не все они толкуются однозначно. Однако судьбу научных понятий определяет, в конечном счете, не личная пристрастность авторов, не «закон ускорения развития науки в эпоху НТР», а скорее «закон уплотнения знаний» в процессе развития науки, о котором говорил Г. Гегель. Надо попытаться представить науку как открытую систему, имеющую внутренние тенденции развития, и тогда понятийный аппарат науки может быть оценен с точки зрения тех реалий, которые пытается описать, объяснить и спрогнозировать наука.

Что сближает криминалистику и психологию? На этот вопрос можно ответить, что таким общим для двух наук методологическим основанием является то место, которое отводится в них **принципу отражения**. При всем том, что науки отличаются своими предметами и методами исследования, принцип отражения кажется наиболее фундаментальным и неоспоримым принципом мироздания, с которого начинают обе науки. «Для криминалистики приоритетное значение имеют связи с диалектической логикой, и в первую очередь с такой концептуальной категорией философии, как отражение. Можно без преувеличения утверждать, что

эта категория составляет философский, теоретический и практический фундамент криминалистики», — пишет Р.С. Белкин⁴. Из принципа отражения, еще не так давно полагали психологи, можно вывести всю систему психологии. Что такое психика, если не субъективное отражение объективной реальности? Это положение составляло суть классической психологии, считавшей, что нет ничего в сознании, что не являлось бы отражением объективной реальности.

«Свойство отражения, лежащее, по выражению Ленина, в самой основе материи, стихийно использовалось с первых дней существования криминалистики как самостоятельной науки. Одно из ее центральных понятий — понятие следа — лежало в основе всех криминалистических рекомендаций по раскрытию преступлений», — пишет далее Р.С. Белкин⁵. «Ленинская теория отражения в советской психологии выступает в роли той общей методологической платформы, которая... дает возможность определить предмет психологической науки, раскрыть логику ее проблем, разработать методы исследования», — утверждал Б.Ф. Ломов⁶, и с ним согласились бы в 1984 году многие (и не только отечественные) психологи. Иными словами, как будет понят и истолкован принцип отражения в двух указанных науках, такая внутренняя логика будет задана этим наукам.

А в связи с тем, что понятие «ситуация» является чрезвычайно значимым и в криминалистике («следственная ситуация» и др.) и в психологии («ситуация деятельности», «проблемная ситуация» и др.), сразу же возникает вопрос: по какому «ведомству» надо «прописать» это понятие? Ситуация субъективна (субъективный образ, «слепок» объективной ситуации), или она существует объективно (то, что есть «на самом деле», существует вне и независимо от человека)? Вопрос кажется пустым, не принципиальным. Первое не противоречит второму, даже предполагает его — чтобы нечто выступило в виде субъективного образа, необходимо первично иметь его предметный («вещный») аналог, с которым субъект должен вступить во взаимодействие. Между тем этот «не принципиальный» вопрос расколол психологов на два неравных лагеря. О.К. Тихомиров пишет о сложившейся ситуации следующим образом: «Перед современным отечественным психологом, изучающим природу психического, лежат, по крайней мере, два пути. Один состоит в конкретизации представлений о психике как «отражении» реальности, второй — в разработке представлений о психике как порождении новой реальности. Я выбираю второй путь»⁷.

В криминалистике «ситуацию» понимают как объективное и субъективное явление. Возникают удачные попытки более глубокого, целостного изучения системы, сложившейся в результате совершения и расследования преступлений и получившей название «следственная ситуация» (А.Н. Колесниченко, 1967; В.К. Гавло, 1968; А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков, 1971; В.Е. Корноухов, 1972; И.Ф. Герасимов, 1973; Л.Я. Драпкин, 1975 и др.)⁸, взаимодействия личности и ситуации (Т.С. Волчецкая — научный консультант Н.П. Яблоков, 1997; Д.В. Ким — научный руководитель В.К. Гавло, 1999), в рамках которой могут быть развернуты социально-психологические исследования, связанные с проблемами мотивации в сфере уголовного судопроизводства и криминалистической методики расследования преступлений.

Верно, что познание истинных мотивов и целей деятельности чрезвычайно важно для повышения эффективности криминалистических рекомендаций, также как то, что в настоящее время мотивы и цели «во многом остаются вне сферы научных исследований». Но верно и то, что субъект не может быть «вырван» из ситуации, — вне субъекта ситуация ничем не может быть отграничена от живущего «в себе и для себя» мира «чистой объективности».

Исследователи часто говорят о тенденциях развития, которые они обнаруживают в самой науке, но вопрос о сущности и происхождении самих тенденций практически не поднимается. Зачастую речь идет о фиксации чего-то нового в науке, но не о том, насколько это новое соответствует внутренней тенденции ее развития. Поэтому то новое, что появляется в науке — новые проблемы, новые подходы к решению старых и новых проблем, новые понятия, принципы, способы мышления и т.д. — все это уже проявившееся, до какой-то степени ставшее и рассматривается не как проявление тенденции, а как сама тенденция развития науки. Действительно, тенденция может заявить о себе только в виде зарождающегося «нечто», которое можно оценить как новое, но ясно, что не всякое новое сохранится, получит дальнейшее развитие — не за всяким научным новообразованием стоит тенденция.

Работники науки действуют широким фронтом. Многообразие взглядов, точек зрения, подходов является условием существования науки как становящейся открытой теоретической системы. Не все выживет в столкновении идей и представлений, но то, что устоит, окажется в русле тенденции — наполняя ее содержанием и объективируя ее противоречия, ибо и движется наука благодаря

их разрешению, когда они выступают, наконец, в виде конкретных исследовательских задач.

Внутренняя тенденция развития науки, как справедливо заметил Л.С. Выготский, обуславливает закономерность столкновения идей и мнений, что не может не вызывать избыточного эмоционального напряжения внутри научного сообщества в периоды смены парадигм. Если считать, что «несущие идеи», выступающие призмами видения изучаемой реальности на каждом этапе развития науки, меняют друг друга вполне закономерно, то столь же закономерно сознание и мышление ученого фиксируется той картиной мира, которая открывается ему через его призму, и никто не вправе потребовать от ученого сменить парадигму. Можно, конечно, пригласить его посмотреть на изучаемую реальность через другую призму видения, но здесь все зависит от степени развития теоретического мышления и концептуальной пристрастности приглашаемого, от его ригидности (интеллектуальной фиксированности).

Однако здесь мы выходим гораздо дальше частной проблемы о том, почему подчас так трудно ученому сменить парадигму. Если бы за такой сменой не стояла необходимость изменения формы мышления, то все было бы гораздо проще. Но в течение XX века формы мышления менялись дважды, и значит, в актуальном использовании сегодня находятся минимум три формы мышления, определяющие качества базирующихся на них парадигм (и их объяснительный потенциал). Чем выше форма мышления, тем разительней отличается картина мира, открывающаяся с более высоких вершин. Но подняться на вершину (сменить призму видения) означает сменить форму мышления. В противном случае, «смотреть» с вершины вовсе не будет означать «увидеть» с нее что-то другое, кроме того, к чему привык глаз.

Пророчество Исаяи нигде так явно не сбывается, как в науке, — «слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите...». Уразуметь — значит постичь разумом, а не рассудком, или, в соответствии с Г. Гегелем, теоретическим мышлением. Сказать про человека, что у него развито теоретическое мышление, означает подтвердить его способность выходить за пределы доступного рассудку (обыденному мышлению) разделению «Я» и «не-Я», к их единству, доступному только разуму (теоретическому мышлению). Принцип абсолютного разума и свободы, по Г. Гегелю, заключается в том, что «я все познаю как принадлежащее мне, как "я", что **каждый объект я постигаю как звено в**

системе того, что есть я сам, — коротко говоря, что в одном и том же сознании я имею и «я» и мир, в мире снова нахожу себя и, наоборот, в моем сознании имею то, что есть, что имеет объективность» .

Только теоретическое мышление открывает ученому сверхчувственные качества предметов, которые потому и «невидимы» и «неслышимы», что не действуют непосредственно на рецепторы органов чувств человека. Другое дело, что жизнь всех людей, в том числе и ученых, проходит в пространствах, представленных предметами и явлениями, обладающими совокупностью чувственных и сверхчувственных качеств. Именно благодаря последним люди оказываются способными отображать в сознании только те из них, которых его субъективность не только коснулась, но на которых она «осела». Сверхчувственные качества превращают объект (как вне и независимо от меня существующий) в «звено в системе того, что есть я сам».

Иными словами, **устаревает привычная схема, предполагающая, что граница между человеком и миром проходит по поверхности тела, по рецепторам, принимающим воздействия извне.** Для познания сущности, представленной сверхчувственными качествами предметов, граница феномена «человек» должна пролегать далеко за пределами поверхности тела, прихватывая изрядную долю того, что мы привычно относим к «объективной реальности». Только тогда можно будет сказать, что человек изучает мир, а не субъективные образы его. Предметность сознания, психики заключается не в том, что субъективные образы как эффекты отражения, явившиеся человеку в результате взаимодействия материи с органами чувств, имеют объективные основания. Предметность сознания обусловлена тем, что собственно человеческое (субъективное) «вдвигается» в «объективную реальность», «оседает» на ней, превращая ее в **особую онтологию — многомерный мир человека во всей полноте его объективных и субъективных координат.** Это и есть тот мир, который должна изучать психология, пытающаяся не психику (субъективное), а человека сделать предметом психологического исследования. Между Духом и материей существует не только переход, но и целый онтологический пласт. Поэтому «хладнокровный» научный анализ в период смены научных парадигм (а именно этот этап переживает психология сегодня) не может быть достаточно убедительным.

Исследователю, пытающемуся говорить о возможности другого взгляда на устоявшиеся вещи, стоит ожидать не столько столк-

новения мнений, сколько отсутствия участия в процессах понимания — скорее, заведомого неприятия, чем активного обсуждения. Не только Л.С. Выготский, но и другие Моцарты в психологии, т.е. люди, ушедшие вдаль по вдруг открывшейся им тенденции развития науки, опережая время, и обреченные в связи с этим на непонимание, ожидающие нас на тех вершинах, с которых они давно видели предметное и проблемное поле науки совершенно иначе, они так же жаждали понимания и обращались не только к разуму, но и эмоциям современников, апеллируя не только к логике, но и к смыслу.

Как просил понимания И.М. Сеченов, прежде чем предложить другим посмотреть на мир через его призму, которую называют сегодня «естественнонаучной» и «материалистической»: «...кому дорога истина вообще, то есть не только в настоящем, но и в будущем, тот не станет нагло ругаться над мыслью, проникшей в общество, какой бы странной она ему не показалась»¹⁰.

Как предупреждал Л.С. Выготский, «...то, что я собираюсь сообщить, превосходит по сложности систему понятий, с которыми мы оперировали до сих пор»¹¹. Или А.Н. Леонтьев, фактически уже сам сменивший для себя парадигму, но знающий возможные реакции других при попытке пригласить их посмотреть в нее. «Здесь я подхожу к труднейшему, можно сказать, критическому пункту впервые мной опробываемого хода мысли»¹². Это уже о возможностях выхода за пределы сеченовской парадигмы — «...мир в его отделенности от субъекта амодален»¹³, в отличие от «многомерных»¹⁴ миров, в котором живут и действуют люди. Это же ведь очень сложно, предложить людям другое понимание самих себя — поставить между субъективной и объективной реальностями, столь прекрасно разделяемыми сознанием каждого, кто его имеет, еще одну реальность. И поставить ее вместо деятельности, которая, с подачи самого А.Н. Леонтьева, и должна соединять эти две реальности. **Фактически вместо парадигмы отражения была предложена парадигма порождения многомерного мира человека, но сколько разных толкований, критики и простого игнорирования последовало за этим.**

И пусть А.Н. Леонтьев не показал сам механизм порождения многомерного мира человека, не определил в полной мере качество этих мерностей, но сделал он это в полном соответствии с внутренней тенденцией движения науки именно к этой парадигме. Наука в 1975 году уже была готова к встрече с ней, точнее, почти готова. Гораздо меньше повезло Л.С. Выготскому в 1929 году —

его категорическое: «Есть переходные формы, а между духом и материей их нет»¹⁵ — современники не оценили, впрочем, как и сегодня не оценивают близость «многомерных миров» А.Н. Леонтьева к «переходным формам» Л.С. Выготского.

Можно сказать, что последний сам виноват — не стоило считать переходной формой мнемотехнику и ее продукты («узелок» на платке для управления своей памятью извне), а сказать ясно, как в «Историческом смысле психологического кризиса», что «положительная роль психики» заключается вовсе не в отражении, а в том «чтобы не всегда верно отражать, т.е. **субъективно искажать действительность в пользу организма**», что психика есть прежде всего «орган отбора, решето, **процеживающее мир и изменяющее его** так, чтобы можно было действовать» (выделено нами — авт.)¹⁶. Ясней не скажешь, так ведь все равно не заметили. Почему? А потому, что Л.С. Выготский, прочитанный глазами естественнонаучной парадигмы «материалистической» психологии, откроется ровно настолько, насколько позволяет эта парадигма. И останется он «таинственным», вызывающим «ощущение высочайшей методологической культуры», что и положено настоящему Моцарту в науке. Но «ощущение» — далеко не осмысление. Л.С. Выготский и дальше будет производить впечатление сторонника естественнонаучной традиции — если продолжать смотреть на него через противопоставление двух реальностей (субъективной и объективной) и считать, что все отношения психического и физического сводятся только к одной каузальной зависимости, отождествляя детерминизм с однозначной причинно-следственной связью, вектор которой всегда направлен в одну сторону — от материи к духу, впрочем, как и закрепленная навсегда во внешнем причина.

Главное (и общее) в идеях как раннего Л.С. Выготского (другим, к большому сожалению, он так и не стал), так и позднего А.Н. Леонтьева заключается в том, что гносеологическое противопоставление субъекта и объекта, духа и материи было преодолено в принципе, хотя бы намеком на реальность особой психологической онтологии, которая располагается «между духом и материей», и что «гносеологическая пропасть» между ними не означает «пропасть онтологическую».

Остается только шаг до признания того, что **каждый человек не только имеет свой мир, но и исключительное право на него. Что никогда не может быть одной ситуации «на всех» — она (как объективное) всегда искажена пребыванием в нем конкретно-субъективного. Что этот мир совместного, совмещенного**

бытия объективного и субъективного порождается, производится самим человеком (но не без участия других людей). Наконец, что этот мир эволюционирует, и его развитие включает в себе сущность онтогенеза — у человека такое сознание, каков его мир, и, наоборот, такой мир, каково сознание.

Разве может возникнуть у человека образ многомерного мира, если сам мир четырехмерен, иными словами, таков, каким изучает его естествознание, т.е. без субъективных координат? Разве может сознание иметь **смысловые** и **системные** характеристики¹⁷, если сам мир человека таких характеристик не имеет? Не рассматривая субъективное и объективное в одной системе (психологических!) координат, невозможно разглядеть порождение мира человека как системного явления и, следовательно, понять детерминацию психики, сознания, деятельности тем, что **рождается в результате взаимодействия субъективного и объективного, внутреннего и внешнего**. Здесь только и обнаруживает себя возможность объяснения произвольности поведения человека, не сводимая ни к произволу внешних сил (причин и т.д.), оставляющих человеку только право рефлекторного ответа, право только **отражать удары** вечно пристающего к человеку «внешнего», ни к произволу духа, вполне независимого от внешних обстоятельств и даже оков собственного тела.

Системный подход необходим в психологии для системного определения ее предмета. Это самая болевая точка науки. Масса вариантов применения системного подхода накоплено в ней — психика, сознание, личность, деятельности, психические функции, знания, умения, навыки и т.д., уже давно рассматриваются как системы. Только предмет науки до сих пор определяется эмпирически. **Наступило время категорических заявлений. Если предмет науки не определен теоретически, то есть, не определен как система, способная к самоорганизации, саморазвитию, к системному функционированию, самодетерминации, то такая наука не может стать научной системой знаний об изучаемой ею реальности, системой теоретического знания и познания.** Нельзя даже вести речь о какой-либо интеграции знаний, теорий, подходов. Хотя можно по-прежнему пытаться перекидывать «концептуальные мосты» — с тем же эффектом. Наука, категории которой еще не связаны с самой природой развивающейся и функционирующей системы, своим развитием и функционированием задающей логику движения категориального аппарата науки и определяющей пространство, выход за которое означает переход в предметные поля дру-

гих наук — это еще приближение какой-то области познания к тому, чтобы стать наукой.

Наша «недоразвитая» психология (это обидно писать не в меньшей степени, чем читателю — профессиональному психологу это читать), здесь и проигрывает так называемым «развитым наукам». Все они «взорвались» научными революциями, открыли в них системы (потому и «взорвались»), опереживали свое в связи со сменами парадигм, неизбежными при системном переопределении предметов наук, и попали на время в режим «спокойного развития» (Т. Кун). Для психологии таким режимом стал перманентный кризис, неизбывный, хотя почему-то всегда называемый «новым». Ничего нового в нем нет — все признаки кризиса, выделенные Л.С. Выготским, и сегодня налицо. Не помогла и естественнонаучная парадигма. Старательно переносящая в себя «строгие методы» естественных наук, униженная собственной «нестрогостью», все никак не желающая «математизироваться» (и часто не желающая с этим смириться), барахтающаяся между «описательностью» и «номотетичностью», «душой» (в соответствии с названием науки) и материей, каковую и изучают, ставшие образцами, «бездушные», но «строгие» науки, психология уже не замечает, что изучаемые ею миры настолько сложны, настолько многомерны, что ни физика, ни математика, ориентированные на познание четырехмерных пространств, здесь помочь не могут. Они с явлениями такой сложности не сталкивались еще никогда. Невольно вспомнишь здесь А. Эйнштейна, который говорил о том, что психология гораздо сложнее физики.

А.Эйнштейн открыл системность в самом физическом мире и этим способствовал тому, что физика как наука получила на время некую системную завершенность. Можно представить его состояние, когда оказалось, что строгое следование причинно-следственному детерминизму приводит к индетерминизму в его науке. Когда «невыносимой» становится даже мысль о том, что попадающий под воздействие луча электрон по **свободной воле** может выбирать время и направление дальнейшего движения, впрочем, как и дальнейшее занятие наукой — «лучше маклером в игорном доме».

Мы этого еще не пережили. В нас теплится еще надежда на то, что «нас пронесет», что в нашем мире за случайностями не скрывается необходимость и что строгое следование однозначному причинно-следственному детерминизму избавит нас от учета не-причинной детерминации, как раз и возникающей на поверхности,

когда мы обращаем внимание на свободу и волю как признаки собственно человеческого в человеке. Убедиться в *том*, что это действительно так, можно при достаточно внимательном вчитывании в статью Е.Д. Хомской, вынесенной для организации очередной попытки организовать дискуссию о «современном» методологическом кризисе в психологической науке¹⁸.

Любая дискуссия, проведенная по принципу «если не естественнонаучная парадигма, значит — ненаучная, если не материалистическая — значит идеалистическая» и т.д., вовсе не предполагает ни возможности другого хода мысли, ни возможной правоты третьего взгляда. И если ты не сторонник «христианской психологии», то спорить вообще-то уже не о чем. «Черно-белое» мышление на уровне рассудка, который исправно выделяет «Я» и «не-Я» и различает их, не оставляет места для разума (теоретическое мышление), предназначение которого, как считал и сам Г. Гегель, заключается в его способности выходить к их единству, к тому самому гегелевскому «субъект-объекту», за который он и получил почетное звание «субъективного идеалиста».

Здесь уместно заметить, что так называемое **диалектическое мышление как раз и является системным мышлением**. Полагаем, это и есть основание для того, чтобы считать их синонимами, равно характеризующими профессионально-научное мышление. Таким мышлением отмечено и творчество всех первооткрывателей в разных науках: Н. Коперника, открывшего гелиоцентрическую систему, Ч. Дарвина, открывшего биогенетические системы, К. Маркса — первооткрывателя социальных систем, Д.Н. Менделеева, открывшего системность в мире химических элементов, упоминавшихся уже А. Эйнштейна и Г. Гегеля, до сих пор остающегося Моцартом в философии. Что же касается наших наук, психологии и криминалистики, то можно смело сказать о том, что субъективно ощущаемый в них кризис есть ничто иное, как становящаяся все более осознанной неизбежная поляризация действующих в них сил, предшествующая открытию системности в самом основании их предметов. Любой науке не стоит ждать своего Менделеева или Эйнштейна: надо просто прочитать труды великих другими глазами. Сменить призму и посмотреть на историческое достояние науки как на результат ее уверенного движения, подъема на все более высокие уровни системного видения изучаемой ею реальности. И так эволюционируют любые развивающиеся явления, **имеющие источник развития в себе**.

Внутренняя тенденция развития, та самая, которая определяет и волю людей науки, действуя «за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины»¹⁹, не может не проявиться в идеях, которые пока не было возможности затребовать и ассимилировать в полной мере. Так, лежат еще идеи Д.Н. Узнадзе о «трансубъектных пространствах». И как собственная научная школа великого грузинского психолога ни пыталась им противостоять, она, в конечном счете, сломала самого Д.Н. Узнадзе²⁰, вынужденного признать установку психическим (суть субъективным) явлением, но сама школа и сейчас живет за счет скрытого в этих идеях потенциала, не всегда осознавая это.

Ждут еще своего Ренессанса идеи К- Левина о «жизненных пространствах» как настоящем единстве личности и ее среды, уже вышедшего к пониманию человека как уникального «хронотопа», имеющего свое субъективное пространство и свое, связанное с ним, субъективное время. И хронотопические идеи А.А. Ухтомского, которого так часто цитирует В.П. Зинченко, сам постепенно превращающийся в «Моцарта», но уже на наших глазах и с нашим участием. Его уже обвиняют в том, что он пишет «в возвышенном поэтическом или свободно-ассоциативном стиле»²¹. Но в каком стиле прикажете писать человеку, который еще в 1981 году принял от лица науки обращенный к ней «вызов»? «Анализ свободного человеческого действия — серьезный вызов психологической науке»²².

Что делать, если вокруг тебя сплошные «измы», а ты сам не в них, не между ними, а над ними? Если естественнонаучная парадигма как раз «сбоит» при объяснении не только свободных, но даже любых произвольных действий? Понимать-то все равно будут через принятую на данный момент парадигму, слабость которой и порождает сам "вызов", впрочем, как и стремление выйти за ее пределы. Стоит ли удивляться тому, что именно проблемы личности и сознания оказались сегодня самым запущенным и слабым ее районом, на что и указывает в своей дискуссионной статье Е.Д. Хомская²³. Только вина здесь не в методологической беспечности психологов, не в том, что «методологические проблемы все меньше интересуют научную общественность»²⁴, а в том, что через призму естественнонаучной парадигмы вовсе не видна та громадная методологическая работа, которая идет **за пределами естественнонаучной парадигмы**, вопреки ей и против нее самой. Беда наших наук не в том, что их постоянно преследует кризис. «Беда в неучете методологической природы кризиса. Есть *своя* строгая

последовательность в ходе развития каждой науки; внешние факторы **МОГУТ** ускорить **ИЛИ** Замедлить **ЭТОТ ХОД**, **ОНИ МОГУТ ОТКЛОНИТЬ** его в сторону, наконец, они могут определить качественный характер каждого этапа, но изменить последовательность этапов нельзя» .

25

Интересно, что И.М. Сеченов был первым, кто обнаружил слабость собственной же парадигмы. «Единственный **камень преткновения** в деле принятия мысли о непреложности законов управляющих психической жизнью, составляет так называемая **произвольность поступков человека**» (выделено нами — авт.)²⁹. Вот этот «камень преткновения» и сказался сегодня в том, что все основные «методологические трудности» особенно явно «просматриваются в тех областях психологии, которые занимаются проблемами личности и сознания»¹. Вызов, обращенный к психологии через требование объяснения причин свободного действия, есть, таким образом, обращенное к ученым требование «убрать камень преткновения», лежащий на ее пути.

Полагаем, это можно сделать только следуя в кильватере внутренней тенденции развития науки, уже нацелившейся на дальнейшее развитие парадигмы, остающейся актуальной, т.е. опираясь на тот методологический задел, который уже создан как плацдарм, с которого можно начать движение вперед, не обгоняя великих, но карабкаясь на их плечи — чтобы видеть дальше.

Другими словами, нужно сознательно заняться поисками такой системы, внутри которой обнаружит себя психическое в своих истинных функциях, в своем предназначении, в своей субординационной и иерархической связи с другими подсистемами той психологической системы, которая и должна стать предметным основанием науки. Для этого необходимо выйти за пределы как рефлексорного понимания психики, так и ее гносеологического ограничения в виде принципа отражения. По сути дела, это означает **признание в правах той особой (и собственно психологической) онтологии, которая образуется, порождается самой системой как ее особое системное качество - не сводимый ни к субъективному, ни субъектный, ни к объективному, но объектный, а значит, предметный, переживаемый, окрашенный и озвученный мир данного человека.**

Перефразируя известную мысль И.М. Сеченова о том, что в понимание организма должна войти связанная с ним среда, можно сказать, что сущность современного парадигмального сдвига в науках о человеке заключается в том, что постепенно в понимае-

человека входит мир человека, при этом входит он как его (человека) основная (сущностная) характеристика. И происходит это потому, что без такого «вхождения» совершенно невозможно объяснить природу избирательности познания, поведения, деятельности. Само сознание, в котором проявляется эта присущая только человеку способность отражать мир отдельно от себя, не может быть объяснено. Безусловно, прав был Г. Гегель, говоря о том, что связывать причины с действием предмета на человека, — это предрассудок, но вовсе не философия.

Дело ведь не в отмене принципа отражения. То, что взаимодействие противоположностей есть ближайшая причина отражения, — факт, не нуждающийся в пересмотре. Более глубокий вопрос: что есть причина взаимодействия? Этот вопрос не стоял бы, если бы в ведомой нам вселенной взаимодействовать могло все подряд и все со всем. Но тогда не было бы во вселенной ни порядка, ни развития — был бы хаос, возникающий как следствие порождения совершенно невероятных продуктов этих случайных столкновений «всего со всем». Ведь взаимодействие «внутреннего» и «внешнего» приводит не только к отражению одного в другом, но и к их взаимопереходу. Системно мыслить — значит признавать тот факт, что порождение нового происходит в системе, по отношению к которой теряется бывшая ранее абсолютность внутреннего и внешнего. Взаимодействие есть, таким образом, основной «технический» механизм системообразования. Но что же тогда выступает в функции системообразующего фактора, т.е. предпосылки, обеспечивающей необходимость и возможность системообразования?

Для ответа на последний вопрос необходимо выйти к более глубоким основаниям всего мироздания и обнаружить более фундаментальные законы, обеспечивающие устойчивость его развития.

Если человека рассматривать как особую психологическую систему, способную к самоорганизации и саморазвитию, систему открытую, непредзаданную, гетеростазичную — способную к производству норм и выходу за их пределы, то основными подсистемами ее необходимо выделить многомерный мир человека, сознание как отражение этого мира самим человеком в виде образа мира или его «картины» и систему деятельностей человека, совокупность которых образует целостный образ жизни человека в его многомерном мире.

Этап смены научных парадигм наступает и в криминалистике. Вместе с тем полагаем, что представления о предмете криминалистики, криминалистических ситуациях могут меняться с учетом вышесказанного, ибо психическое является базовой составляющей человека, вовлеченного в среду уголовно-процессуальных отношений. Участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (прокурор, следователь, дознаватель и т.д.) и защиты от обвинения (подозреваемый, обвиняемый, защитник и т.д.), действуют в определенных уголовно-процессуальных ситуациях, представляющих для органов дознания, предварительного следствия и суда загадку устанавливаемого события преступления до тех пор, пока она не будет ими разгадана по «правилам игры», установленным уголовно-процессуальным законом. Уголовно-процессуальные ситуации есть лишь частица общей ситуации многомерного образа жизни человека, его культуры.

Такова реальность. Полагаем, следует согласиться с Л.С. Выготским в том, что культура, в процессе взаимодействия с ней конкретного человека, трансформируется в его образ мира, а тот, соответственно, задает определенный образ жизни, и тогда предметом анализа необходимо сделать сам процесс этого взаимодействия и его порождающий эффект. Только тогда можно выйти из-под эгиды настоящего — в культуре всегда есть опережающий момент в связи с тем, что она есть совокупный общественный продукт, по мощности всегда больший любой совокупности индивидуальных картин мира, вбирающий в себя и элементы будущего, поскольку в ней отражается и сам процесс общественного развития.

Примечания к главе 1

¹ *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. — М.: НОРМА, 2001.

² *Воробьева Л.И.* Гуманитарная психология: предмет и задачи // Вопросы психологии. — 1995. — № 2. — С. 19-30.

³ *Онтология* (от греческого *он* — сущее и *...логия*) — раздел философии, учение о бытии, в котором исследуются всеобщие основы, принципы бытия, его структура и закономерности. См.: Советский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1981. — С. 940.

- ⁴ *Белкин Р.С.* Указ. раб. - С. 31.
- ⁵ Там же. - С. 31.
- ⁶ *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. - М.: Наука, 1984. - С. 132.
- ⁷ Цит. по: *Климов Е.А.* Об амбифлукторной природе психического // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. - 1992. - № 1. - С. 59.
- ⁸ См. подробно главу 3 настоящей работы.
- ⁹ *Гегель Г.Ф.* Сочинения. - Т. 3. - М., 1956. - С. 215.
- ¹⁰ *Сеченов ИМ.* Психология поведения // Избранные психологические труды. - М. — Воронеж, 1995. — С. 27.
- ¹¹ *Выготский Л.С.* Собр. соч. - В 6 т. - Т. I. - М., 1982. - С. 109.
- ¹² *Леонтьев А.Н.* Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. - 1979. - № 2. - С. 8.
- ¹³ Там же. - С. 8.
- ¹⁴ Там же. — С. 6.
- ¹⁵ *Выготский Л.С.* Конкретная психология человека // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. — 1986. — № 1. — С. 55.
- ¹⁶ *Выготский Л.С.* Собр. соч. - В 6 т. - Т. I. - М., 1982. - С. 347.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Хомская Е.Д.* О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии. — 1997. — № 3. — С. 112-125.
- ¹⁹ *Выготский Л.С.* Собр. соч. - В 6 т. - Т. I. - М., 1982. - С. 324.
- ²⁰ См.: *Сарджвеладзе Н.И.* Бессознательное и установка: еще раз об онтологическом статусе несознаваемой психической деятельности // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. — Тбилиси: Мениереба, 1985.
- ²¹ *Чуприкова Н.И.* Какой должна быть сегодня научная психология // Вопросы психологии. — 1997. — № 3. — С. 127.
- ²² *Зинченко В.П.* Идеи Л.С. Выготского о единицах анализа психики // Психологический журнал. — 1981. — Т. 2. — № 2. — С. 132.
- ²³ *Хомская Е.Д.* Указ. раб. — С. 112-125.
- ²⁴ Там же. — С. 112.
- ²⁵ *Выготский Л.С.* Собр. соч. - В 6 т. - Т. I. - М., 1982. - С. 422.
- ²⁶ *Сеченов ИМ.* Указ. раб. — С. 132.
- ²⁷ *Хомская Е.Д.* Указ. раб. — С. 113.

Глава 2. Понятие «ситуация» и ее методологическое значение в исследовании судебно-следственных ситуаций

2.1. «Ситуация» как полидисциплинарное понятие

Понятие «ситуация» является полидисциплинарным, при этом для всех наук, использующих это понятие, остается справедливым утверждение о том, что «сложность, многоаспектность, диалектичность возникновения и функционирования механизма актуальной ситуации является ощутимым препятствием для ее содержательного анализа»¹. Естественно, что толковые словари русского языка дают предельно широкое толкование понятия «ситуация», а науки пытаются определить свой, более узкий и конкретный его смысл, определяя ситуацию в качестве научного понятия, входящего в состав категориальной сетки, характерной для каждой науки. Так, в геодезии ситуацию определяют как «совокупность водных пространств, лесов, гор, населенных пунктов и т.п., изображенных на карте или плане посредством условных знаков»². Иногда, впрочем, обыденное и научное определение рассматриваемой категории в словарях практически совпадают с предлагаемым определением в той или иной науке, что, с нашей точки зрения, указывает на степень зрелости науки. Приведем здесь только одно высказывание. Так, Р.С. Белкин, основываясь на словарном определении ситуации как сочетания условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение, определяет следственную ситуацию «как совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование»³. Как видим, здесь выделен лишь один определяющий следственную ситуацию признак — расследование.

Действительно, даже в одном из последних и наиболее авторитетных словарей русского языка «ситуация» определяется как «совокупность условий и обстоятельств, создающих те или иные отношения, обстановку, положение»⁴. Такое определение практически является переводом с французского языка, в котором Жюль-Поп, поясняет словарь, как раз и понимается как положение, обстановка, совокупность обстоятельств. Впрочем, разные авторы находят основания этого слова в разных языках. А.В. Филиппов и

4.В. Ковалев отмечают, что слово «ситуация», пришедшее из французского языка, имеет в качестве исходного, базового латинское *зйиз*. Последнее же включало в себя следующее значение: 1) положение, расположение; 2) поставленный, положенный, лежащий, находящийся; 3) обитающий, живущий. Авторы специально выделили тот факт, что исходное определение понятия «ситуация» оказывается заметно шире, чем употребляемое ныне, причем все вышеперечисленные значения этого термина имманентно предусматривают наличие занимающего определенную позицию субъекта⁵. Заметим, что представители конкретных наук зачастую игнорируют факт имманентного присутствия в определении субъекта (с его позицией), пытаясь свести его к констатации сугубо объективной характеристики «внешних обстоятельств». Впрочем, нередко ситуация рассматривается как вполне субъективное образование. Естественно, что при этом игнорируется уже объективное содержание ситуации. Такая бинарность (ситуация либо только субъективна, либо только объективна) характерна там, где системный подход, благодаря которому можно было бы совместить противоположности, еще не зарекомендовал себя в полной мере в качестве инструмента познания. С этой точки зрения становится ясным, почему, например, «в понятиях об управлении понятие "ситуация" нередко употребляется вместе с понятием "система"»⁶.

В «Новой философской энциклопедии» (2001) указывается на то, что понятие «ситуация» (нем. *зМиа'тйоп*) было введено в науку К. Ясперсом и получило распространение в экзистенциализме, философии жизни, феноменологии. «У Ясперса ситуация характеризует способ бытия человека в мире»⁷. Действительно, еще в 1931 г. Карл Ясперс опубликовал большую работу, прямо посвященную анализу этого понятия в философском, психологическом и патопсихологическом смысле⁸. Как философ и психолог К. Ясперс всегда был труден для понимания, и только сегодня можно если не вполне истолковать его идеи, то хотя бы понять истоки трудности понимания его построений. Это был системно мыслящий ум, который и к понятию «ситуация» подходил системно, пытаясь определенным образом совместить в нем субъективное и объективное начало. Но это и представляло основные трудности для читателей, мышление которых было не всегда готово к принятию системных идей — системный подход только начинал теснить преобладавший в то время структурный подход.

«Ясперс писал с позиций "целокупности"». Как указывает далее Н.Е. Везерик, в американской и британской философии принято считать, что любая попытка стать на точку зрения «целокупности» неминуемо наносит урон ясности. Поэтому каждый должен выбирать между ясностью и сложностью рассматриваемого предмета. «Ясперс... выбрал сложность»⁹. Нам кажется, что К. Ясперс ничего не выбирал — у него не было альтернатив. Он писал так, как мыслил, и «целокупное» (т.е. системное) видение явления ничуть не сложнее структурного или элементаристского (атомарного) — оно просто другое. Это и рождает трудности понимания, происхождение которых, в целях дальнейшего изложения, необходимо пояснить.

В системном мышлении не просто противоположности берутся в одной «системе координат» (философских, психологических, криминалистических и т.д.). Здесь объективируются такие системные качества, такие совмещенные («удвоенные») явления, которые просто недоступны другому человеку, который не мыслит системно, т.е. не имеет в виду систему, в которой эти качества, эти явления открываются или формируются. И облегчить участь понимающего нельзя — на эти явления нельзя указать пальцем. Системные явления чувственно-сверхчувственны. К числу таковых относится и «ситуация».

Действительно, не так просто было понять фразу К. Ясперса о том, что «наличное бытие надо рассматривать как живую вовлеченность в окружающий мир; именно благодаря этой вовлеченности оно обретает форму и реальность, адаптируясь к стимулам, отчасти получаемым извне, отчасти же творимым им самим»¹⁰. У человека, обладающего сознанием, сформировался навык достаточно четкого разделения всего сущего на внутреннее (человеку принадлежащее) и внешнее. Поэтому стимул, воздействующий на органы чувств человека (значит, извне), совершенно трудно понять как «отчасти творимый им самим». Получается что противостояние «Я» и «не-Я», субъективного и объективного, внешнего и внутреннего, психического и физического на самом деле только кажущееся противостояние. Оно преодолевается системным мышлением, которое улавливает их связь и единство, их взаимопереход и порождение в этом переходе нового качества.

Именно это и пытался выразить К. Ясперс, указывая на «исходный, объединяющий процесс жизни как наличного бытия в собственном мире и сосуществования... Эмпирическое исследование должно обратиться к некоторым частным проявлениям этой

фундаментальной взаимосвязи и, следовательно, к некоторым изолированным аспектам связи между внутренним миром и окружающим миром... В процессе естественного саморазвития индивид со своей конституцией противостоит среде и вступает в состояние действенного обмена с ней. Отсюда проистекает весь опыт человеческой судьбы, деяний, усилий и страданий»¹¹.

В результате такого понимания К. Ясперс придет к следующему заключению: «Функция среды заключается прежде всего в том, что она порождает **ситуации**»¹². Может показаться, что здесь К. Ясперс сводит ситуацию к средовым (объективным) факторам. Но на деле человек имплицитно здесь присутствует. «Индивид может создавать ситуации самостоятельно, осознанно стимулировать или предотвращать их возникновение. Он подчиняется сложившимся в мире порядкам и условностям и в то же время может использовать их в качестве инструментов для того, чтобы пробить в этом мире брешь»¹³. В конечном счете, замечает К. Ясперс, индивиду приходится сталкиваться с **граничными ситуациями**, то есть с последними границами бытия — смертью, случаем, страданием, виной. «Они могут пробудить в нем то, что мы называем экзистенцией — действительное бытие самости»¹⁴.

В своих работах К. Ясперс часто обращается к идее «фундаментального», с его точки зрения, соотношения между внутренним и внешним, «которое настолько часто подвергается инверсии, что мы можем внезапно обнаружить себя перед лицом, казалось бы, совершенно разнородных реалий»¹⁵. В другом месте он отметит: «**"Личностный мир" как эмпирический факт** — это явление **субъективное** и, одновременно, **объективное**. Общий психический склад субъекта вырастает до масштабов целого мира, который проявляет себя субъективно, в форме эмоционального настроения, чувств, состояний духа, и объективно, в форме мнений, содержательных элементов рассудка, идей и символических образов»¹⁶.

Насколько же науки вообще и психология в частности смогли подняться над мышлением ученого, творившего 70 лет назад? В Большом толковом психологическом словаре дано следующее определение понятия. «Ситуация — комплексное целое, представляющее паттерны множественных стимулов, события, объекты и эмоциональный тон, существующий в некоторый момент времени»¹⁷. Теперь, через призму такого понимания ситуации, гораздо понятнее становится способ мышления К. Ясперса, ибо ничего особо нового это определение в трактовку К. Ясперса не вносит. Здесь утверждается все то же единство внутри ситуации объекта

(по определению находящегося вне субъекта и существующего независимо от него) и субъекта, представленного «эмоциональным тоном» (У К. Ясперса - «эмоциональный настрой»). Другое дело, что сегодня гораздо больше ученых, способных осмыслить сосуществование противоположностей внутри «комплексного целого», внутри ситуации как системы. Опыт системного мышления, примеры которого задавали те, кто был способен раньше других выйти к такому мышлению, становясь достоянием культуры научного мышления, осознанно (или неосознанно) был востребован из нее следующими поколениями ученых, определяя особенности построения ими собственной научной картины мира.

Можно убедиться также в том, что способ мышления К. Ясперса оказывается очень близким к самому высокому (на сегодня) уровню системного мышления — **синергетическому (метасистемному)**. Синергетика — междисциплинарная область исследования, начало которой было положено Германом Хакеном в 1969 году. Ее интересует самоорганизация в открытых системах, а центральная тема — механизмы координации отдельных частей системы с помощью «параметров порядка».

Само слово «синергетика» происходит от греческого «синергена» — содействие, сотрудничество. Предложенный Г. Хакеном, этот термин акцентирует внимание на согласованности взаимодействия частей при образовании структуры как единого целого, как системы. Системы, составляющие предмет изучения синергетики, могут быть самой различной природы и содержательно изучаться различными науками, например, физикой, химией, биологией, математикой, психологией, экономикой и т.д. При существующей далеко зашедшей дифференциации науки это приводит к тому, что достижения одной науки зачастую становятся недоступными вниманию и тем более пониманию представителей других наук.

В отличие от традиционных областей науки синергетику интересуют общие закономерности эволюции систем любой природы. Отрешаясь от специфической природы систем, синергетика обретает способность описывать эволюцию на интернациональном языке, устанавливая своего рода изоморфизм двух явлений, изучаемых специфическими средствами двух различных наук, но имеющих общую модель или, точнее, приводимых к общей модели. Обнаружение единства модели позволяет синергетике делать достояние одной области науки доступным пониманию представителей совсем другой, даже совсем далекой от ее области науки и переносить результаты одной науки на, казалось бы, чужеродную почву.

Следует подчеркнуть, что синергетика не является одной из пограничных наук типа физической химии или математической биологии, возникающих на стыке двух наук. Синергетика призвана играть роль своего рода метанауки, подмечающей и изучающей общий характер тех закономерностей и зависимостей, которые частные науки считали «своими». Таким образом, **синергетика — это наука, которая рассматривает закономерности процессов системной интеграции и самоорганизации в различных системах (наука о самоорганизации)**¹⁸.

Пока синергетика находила свое применение в физике, химии, биологии, казалось естественным, что параметры порядка можно найти в самой системе (самоорганизация), даже без учета ее взаимодействия с внешней средой: «...в большинстве случаев структуры создаются не некоей организующей рукой, а самими системами, действующими без всякого воздействия извне. Именно поэтому мы говорим о самоорганизации»¹⁹.

Однако, как только идеи самоорганизации стали применяться к человеку («Принципы работы головного мозга» Г. Хакен опубликовал в 1995 году), параметры порядка сдвинулись в то самое пространство сосуществования, совместного бытия (со-бытия) внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, в которое в свое время вошел К. Ясперс. «Взаимодействие внутреннего и внешнего приводит к появлению новых параметров порядка как в сфере индивидуального, так и в сфере коллективного. В данном случае когнитивную систему подлежит рассматривать не как внутреннюю сеть, представляющую внешнюю окружающую среду, а внутренне-внешнюю сеть, часть элементов которой представлена или хранится внутренне в разуме, или мозге, а часть существует (хранится или внешне представлена) во внешней среде»²⁰.

Возвращаясь к вышеприведенному определению ситуации как системы, представленной паттернами множественных стимулов, объектов и эмоционального тона, существующей в некоторый момент времени, отметим достаточно заметное соответствие с тем, к чему приходит Г. Хакен. «Таким образом вместо обычного процесса образования паттерна, в ходе которого один или несколько параметров порядка подчиняют себе те или иные внешние подсистемы, и обычного процесса распознавания паттернов, в котором один или несколько параметров порядка подчиняют себе те или иные внешние свойства системы, мы имеем здесь интегрированный процесс: один или несколько параметров порядка подчиняют себе и внешне репрезентированные подсистемы и внутренне репрезентированные свойства»²¹.

ным одновременно) был обусловлен способностью ученых мыслить системно, ибо только системное мышление может позволить совместить противоположности в одной «системе координат». Таким образом, ликвидация постулата о принципиальной разобщенности души и тела, внутреннего и внешнего, лежащего в основании классической психологии, шла по линии поисков той «целокупности», изначальной целостной (системной) реальности, с помощью которой можно было бы диалектически снять противоположности.

В-третьих, оба ученых действовали в пределах той внутренней тенденции развития науки, которая с логической необходимостью направляла их к поиску системных средств, позволяющих выйти к «целостному человеку» как предметному основанию, которое позволит произвести интеграцию науки в целостную теоретическую систему. Другое дело, что сами ученые могли и не осознавать в полной мере эту тенденциональность собственных построений, но соединить совокупность «разномасштабного», моноаспектного знания, полученного путем использования разных подходов и принципов, можно только путем системного определения предмета науки. Иначе ведь получится системная теория о некоем явлении, которое само системой не представлено, что в принципе невозможно и с чем никогда не согласится наука, точнее, те, кто профессионально ею занимается.

Три взаимосвязанных тенденции стояли, пользуясь выражением Л.С. Выготского, «за спиной исследователей». Все три тенденции обусловлены тем, что и общество, и наука, и человек являются открытыми системами и на них, следовательно, распространяется общий закон — эволюция таких систем представляет собой процесс закономерного усложнения системной организации. Каковы же эти тенденции?

1. Это закономерности изменения мышления на уровне «больших форм» в психоисторическом процессе, свойственные если и не всему человечеству, то, по крайней мере, «просвещенной Европе». Метафизическое мышление, нашедшее свое воплощение в картезианском мышлении, сменилось более системным диалектическим мышлением, а то, в свою очередь, снимается метасистемным мышлением (открытые системы, самоорганизация).

2. Это закономерности смены подходов, свойственные любым наукам. Элементаристский (атомарный) подход, с которого начинается наука, пытаясь найти «единицу анализа», те «атомы», из которых можно сложить все здание науки, неизбежно сменяется структурным, вынося на первое место понятие связи элементов и

способов их взаимодействия. Последний, в свою очередь, перерастает в структурно-системный, а потом в системный (метасистемный).

3. Наконец, это смена мышления самих исследователей, обусловленная двумя предыдущими движениями, происходящими на уровне психоистории человечества и истории становления конкретных наук. Здесь выделяют аристотелевское мышление, снимающее его галилеевское мышление (первый системный уровень), и, наконец, то, что происходит на наших глазах — снятие галилеевского мышления метасистемных. Остановимся на этом более детально.

Аристотелевское мышление остается преобладающим и сего?» дня. В соответствии с ним все качества предметов рассматриваются как принадлежащие данному предмету. Оно не предполагает, что есть такие качества предметов, которые нельзя открыть, исследуя предмет, — даже если они и принадлежат предмету, проявляются они только в системе с другими предметами. Чтобы выйти к таким качествам, необходимо сменить мышление.

«Галилеевское мышление» еще со времен К. Левина, заявившего о нем как профессиональном признаке психолога, до сих пор пробивает себе дорогу. Между тем о «жизненном пространстве» человека, активным сектором которого является здесь и сейчас существующая ситуация, ничего нельзя сказать, не имея в виду сверхчувственные качества явлений.

Мыслить на уровне галилеевского мышления — значит согласиться с тем, что кроме чувственных качеств (воспринимаемых органами чувств), не менее реально (в смысле «на самом деле») существуют и сверхчувственные качества предметов и явлений, которые так же определяют их качественную специфику, но о наличии которых можно узнать не через ощущения и восприятия, а через мышление. Мышление, таким образом, не просто отражает сущность явлений и их связь между собой, скрытую от восприятия, как полагает классическая психология, для которой «сущность» и «связь» суть два различных предмета мышления. Только в системе проявляются сверхчувственные свойства и качества элементов, входящих в систему, не переставая при этом быть личными (элементу принадлежащими) свойствами и качествами — Даже если этот элемент окажется вне системы. Другое дело, что тот, кто будет исследовать такой элемент (вне системы), заведомо обречен на то, что он никогда и никаким образом ничего об этом

качестве не узнает, впрочем, как и не догадается вообще о его наличии.

Мышление второго системного уровня (метасистемное) предполагает изучение явления в качестве необходимого элемента реальной функционирующей (функциональной) системы, имеющей свою особую качественную определенность. В такой системе элемент понимается и как целостное явление, и как явление, детерминированное включающей его системой. В галилеевском мышлении **сверхчувственные качества открываются в системе**, в более высоком по уровню мышлении на первый план выходят **сверхчувственные качества второго порядка, которые системой порождаются**. На основе порождения таких качеств система оказывается способной к самоорганизации. Существуют же они как качества элементов, образующих ситуацию, чем последние и отличаются от прочих элементов среды.

С нашей точки зрения, за понятием «ситуация» стоит не комплекс завязанных в систему элементов «объективной действительности», но и не произвол системообразования, осуществляемый человеком. Ситуация — это то, что происходит между человеком и средой, пространство, в котором снимаются как объективная логика среды, так и субъективная логика человека, подчиняясь одной логике — логике самоорганизации человека как открытой системы. Ситуация отличается от «среды», от всей окружающей человека «действительности», «объективной реальности» тем, что для описания последних достаточно четырех координат — три пространственных координаты и время. Ситуация же включает в себя как минимум еще три субъективных координаты — значение, смысл и ценность. Рассмотрим возможность такого взгляда более подробно.

2.2. Понятие «ситуация» как элемент психологического тезауруса

Можно констатировать, что интерес к понятию ситуации в психологии «в последнее время существенно возрос в самых разных областях исследования, поскольку адекватное понимание личности вне реальной жизненной ситуации невозможно. Между тем подробный анализ ситуационных исследований еще не проводился»²⁷. Для понимания того, почему и каким образом новое понятие («ситуация») входит в категориальный строй науки, стано-

вится элементом ее понятийного аппарата, необходимо выявить сущность той проблемной ситуации, которая существует в науке. Можно полагать, что введение нового понятия каким-то образом связано с тем, как наука справляется с проблемной ситуацией, разрешает ее.

То, что понятие «ситуация» оказалось востребованным сразу во многих науках, является вовсе не случайным. Этот факт говорит о том, что движение научного познания имеет общие закономерности, которые только проявляются в разных науках. С помощью этого понятия преодолевается между знанием и незнанием противоречие, свойственное многим наукам, т.е. разрешается проблема междисциплинарного уровня, точнее, наддисциплинарного. В чем же суть этого противоречия?

Научная картина мира, которая складывается как совокупный продукт взаимодействующих между собой наук, является результатом профессионально-научного мышления, которое, как мы попытались показать выше, закономерно трансформируется, становясь все более системным. Этой тенденции подчинены все науки. Все они начинают с описания факта, неизбежно переходя к его объяснению, а это, в свою очередь, требует включить факт в систему с другими, в которой он может быть объяснен. Это объяснение не может быть полным и конечным, поскольку всегда обнаруживается система более высокая, по отношению к которой объясняющая система оказывается подсистемой, субординированной с вышестоящей по иерархии системой. Именно это и порождает объективную тенденцию движения науки как достаточно закономерного усложнения ее системной организации, которая и отражается в столь же закономерном переопределении предмета науки. Такое системообразование необходимо для того, чтобы наука могла исправно выполнять свои функции: начиная с фиксации фактов, их описания, наука поднимается на уровень объяснения, затем начинает делать прогнозы (а иначе зачем нужны науки?). На основе прогнозов становится возможным управление.

Поэтому не случайно, как верно отмечают Р.С. Белкин, А.Н.В асильев, И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, В.В. Клочков и другие исследователи в области предмета криминалистики, что интенсивное развитие общей теории криминалистики «отражает потребности как самой науки, так и практики расследования преступлений, осознаваемые криминалистами теперь уже не только непосредственно в процессе изучения практики, но и на более высоком уровне, через призму науковедческих положений происхо-

дит переход криминалистики из эмпирической в теоретическую стадию»²⁸.

При этом очень важно учесть в этой теории все научное, полезное и решительно отказаться от догм, конъюнктурных предложений и научного приспособления.

Следует поддержать в этой связи Т.С. Волчецкую и ее научного консультанта Н.П. Яблокова, считающих, что сейчас и в криминалистической науке «сложилась своего рода проблемная ситуация, для разрешения которой требуется соответствующая криминалистическая теория». Для ее создания сложился целый ряд предпосылок, в числе которых называются:

- развитие системы частных криминалистических теорий (учения о следственной ситуации, формирование учения о криминальной ситуации) — установление связей и взаимозависимостей между ними;

- ситуационная природа явлений, изучаемых криминалистикой, перерастающая в дальнейшем более глубокое развитие общей теории криминалистики;

- развитие смежных отраслей знания и появление разработок о ситуации в философии, социологии, психологии, интеграция знания, создание кибернетических методов ситуационного управления и моделирования, становление ситуационного подхода в общественных науках.

Все это, по мнению авторов, позволяет вести речь о создании «криминалистической ситуалогии» — общей криминалистической теории, представляющей собой совокупность упорядоченных и систематизированных знаний, описывающих и объясняющих суть криминальных и криминалистических ситуаций, исследующей их формирование, возникновение, генезис и вооружающей методикой диагностики ситуаций и управления ими²⁹.

Какое же противоречие разрешается разными науками, в силу чего понятие ситуации становится почти одновременно востребованной в них, входя в тезаурус науки наравне с другими, более специфическими категориями, понятиями, терминами? Рассмотрим этот вопрос вначале на примере его становления и развития в науке психологии.

Одним из признаков проблемной ситуации в современной психологической науке является то, что сегодня уже практически исчезли публикации, посвященные исследованию отдельных познавательных процессов, традиционное определение которых обязательно включает в себя понятие «отражение». Психологи как бы

инстинктивно уклоняются от использования старых, избыточно и «гносеологизированных» определений; но еще не определились в отношении новых, более «онтологизированных». Проблемная ситуация в науке сложилась не потому, что стали видны ограничения, которые возникают в результате переноса в психологию дихотомии субъекта и объекта, гносеологически оправданной, но несостоятельной в конкретно-научном плане. Уже Л.С. Выготский понимал, что «... все споры, все разногласия, вся путаница происходят только из-за отсутствия ясной и верной постановки гносеологической проблемы»³⁰. Проблемная ситуация возникает в связи с вопросом о том, какое новое понятие может занять место понятия «отражение».

До сих пор понятие «отражение» хоть как-то выполняло в науке системообразующую функцию. «Психика — субъективное отражение объективной действительности», «память — следовое отражение...», «мышление — опосредованное (понятиями) отражение...», «эмоции — отражение отношения к предмету...», «сознание — высшая форма отражения...», «восприятие — отражение целостных предметов при их непосредственном воздействии на органы чувств» и т.д. Через понятие «отражение» граница человека с миром прокладывалась по поверхности тела человека, точнее по рецепторам, находящимся как раз на этой поверхности. Субъективное при этом оказывалось либо подкожным, либо непространственным, исследование которого объективными (естественно-научными) методами в принципе невозможно. За поверхностью тела начинается область «не-Я». Отказ от определения психики как отражения объективной реальности, означает смещение границы человека с миром за пределы «Я», что означает смещение ее в область «не-Я». При попытках понять природу и механизмы этого смещения отказывает теоретическое мышление — разум. На уровне рассудка водораздел между «Я» и «не-Я» устанавливается уже к трем годам. Дело обстоит сложнее на уровне разума, стремящегося понять их единство.

Итак, проблемная ситуация в науке может быть охарактеризована тем, что дальнейшая локализация психического в пределах «подкожного "Я"» (в виде наивно понимаемой души) невозможна, ^a оставить психическое вовсе без всяких пространственных границ, психология больше не может, поскольку продолжает считать себя наукой, «объективно исследующей субъективные явления», ^b выход за пределы «Я» (в область «не-Я») блокирует уровень развития теоретического мышления, которым пользовалась классиче-

екая и, осмелимся утверждать, неклассическая психология. Последняя вышла за пределы эмпирического определения психики (сознания) и смогла ввести в определение предмета науки сверхчувственные явления (бессознательное), но осталась в пределах принципа отражения — психическое в единстве своих осознаваемых и неосознаваемых содержаний так и не получило пространственной локализации.

Психология стоит перед проблемой смены уровня теоретического мышления. О том, что это когда-нибудь случится, предупреждал Гегель. В августе 1795 г. он написал Шеллингу: «Но вот что будет мешать тебе быть понятым, а твоим рассуждениям проложить себе путь: люди ни в коем случае не пожелают расстаться со своим не-Я. В моральном отношении люди боятся ясности и борьбы, которая может затронуть приятную им систему удобств. ... они еще не поняли, что неудачи этих приключений разума и выхода его за пределы Я коренятся в его собственной природе... Ты молча бросил свое творение в бесконечность времени...»³¹. Но, как далее пишет Гегель, «научная культура» способна «спокойно идти своим путем», и тогда обнаруживается, что труды, давно забытые или считающиеся давным-давно опровергнутыми заблуждениями, «вдруг оказываются господствующими системами времени»³². Можно сказать, что только сегодня ученые стали более или менее ясно осознавать «неудачи этих приключений разума», связанные с выходом теоретического мышления «за пределы Я», и включение понятия «ситуация» в тезаурус многих наук как раз и говорит о попытках такого выхода. Ситуация есть та часть объективной (в себе и для себя существующей) среды, в которую «вышел» человек. О чем это говорит? Видимо о том, что место принципа отражения (и не только в психологии) начинает занимать принцип порождения новой реальности — системной, чувственно-сверхчувственной, внутренне-внешней, субъективной и объективной одновременно.

Сформулируем сущность проблемной ситуации в психологической науке предельно остро. До тех пор, пока психология будет начинать свои построения с отражения, с репрезентации объективной реальности в человеке в виде идеальных (образных) конструкций, она не преодолет дихотомию внутреннего и внешнего, объективного и субъективного, психического и физического, ибо она начинает с бинарной оппозиции «субъект — объект» как своего аксиоматического (методологического) узла, определяя тем самым все последующее. И даже онтологизация науки путем выде-

ления связки «человек — мир» ничего конструктивного не привнесет, если вновь в качестве исходной определяется бинарная оппозиция, за которой скрыто стоит все то же отражение. Человек созидает свой мир, свою субъективную реальность, но созидает он ее на базе объективной реальности, которую, так или иначе, отражает в процессе взаимодействия с ней. Иными словами, опять утверждается наличие двух миров — субъективного (суть отраженного, хотя бы и модифицированного активностью человека) и объективного (существующего без человека, до человека, после человека).

Самое парадоксальное заключается в том, что именно этой объективной реальности, существующей вне человека и независимо от него, изначально **приписываются такие качества, как предметность, реальность и действительность, которые на самом деле не являются качествами «обесчеловеченной» реальности.** А как по-другому? Если человек отражает мир как предметный, отражает мир в его ценностно-смысловом составе (как реальность), отражает его как пространство, в котором он живет, действует, творит (действительность), то качества предметности, реальности и действительности надо закрепить за объективной реальностью, приписать их ей — иначе им неоткуда взяться. Отражение, сведенное к отображению, не предполагает чего-то другого. Постулат классического подхода: чтобы мир выступил как реальный, реальность должна быть качеством отражаемой «объективной реальности». Постулат постнеклассической науки, на котором мы выстраивали свою теорию психологических систем (ТПС)³³ можно сформулировать следующим образом: чтобы человек, будучи открытой в мир системой, мог в каждый момент выбрать из него то, что ему нужно, он должен порождать новую реальность, конституирующую соответствие между человеком и миром. Сердцевиной этой реальности и является ситуация.

Для нас понятие «соответствие» имеет особый смысл, поскольку с ним мы связываем ответ на вопрос о природе как внутрисистемных взаимодействий, так и внешних взаимодействий открытой системы с окружающей ее средой, безотносительно того, идет ли речь о физических, химических, биологических, психологических, криминалистических и т.п. системах. С нашей точки зрения, соответствие является причиной взаимодействия; принцип соответствия лежит в основе закона ограничения взаимодействий, на котором держится весь миропорядок. Взаимодействия обладают порождающим эффектом, и если бы не было того, что их ограничи-

вает, мы постоянно сталкивались бы со стихией формообразования, приводящей к хаосу, исключаящему любую эволюцию (закономерное усложнение системной организации), которую реально удастся наблюдать в развитии систем любой природы, но особенно выпукло — в эволюции биогенетических, социальных, психологических систем.

С другой стороны, то, что порождается во взаимодействии соответствующих противоположностей, становится внутренним содержанием системы, делает систему более сложно организованной, в связи с чем новые элементы безразличной «среды» становятся соответствующими системе, обуславливая возможность взаимодействия ее с ними, т.е. превращаются в условия и предпосылки дальнейшего движения системы. Ограниченные возможностями, не станем далее разворачивать методологию, которую мы использовали при создании теории психологических систем (ТПС).

Закон ограничения взаимодействий наиболее четко проявляется в живых системах, по отношению к которым можно выделить противоположности — собственно систему и окружающую ее среду, из которой она избирательно вычерпывает то, что ей необходимо для удержания собственной целостности (энергия, вещество, информация). Поэтому способом существования таких систем и является развитие, понимаемое как закономерное усложнение их системной организации. Проявление закона ограничения взаимодействий можно обнаружить и в этапах становления науки как открытой самоорганизующейся системы.

В признании того, что **человек — открытая система**, нет абсолютно никакой новизны для любой из наук, предмет которой имеет какое-либо отношение к человеку. То, что человек представляет собой открытую систему, настолько самоочевидно, что не требует особого обсуждения. Открытыми системами называют такие системы, существование которых обеспечивается за счет непрерывающегося обмена с окружающей средой энергией, веществом, информацией. Человек вполне соответствует этим параметрам, хотя на фоне других систем (физических, биологических, социальных и т.д.) его обмен со средой имеет специфические характеристики. Психология, безусловно, какие-то сугубо человеческие характеристики этого обмена всегда отмечала, но главное пока остается за кадром. **Сознание, психика, душа до сих пор практически не рассматривались с точки зрения их роли и места в самоорганизации человека как открытой системы.**

Проблема в том, что и сам человек как целое, как функционирующая система до сих пор не был предметом нашей науки. Призыв А.Н. Леонтьева «вернуть целостного человека в психологию»³⁴ пока еще остается призывом. Остается неясным, в каком качестве целостный человек может стать предметом именно психологического исследования. До сих пор он был представлен в психологии на уровне «встроенного» в него органа управления — сознания (психики, души), который, как казалось, и выполняет свою регулирующую функцию на основе отражения «объективной реальности». Наличие этого органа служило опознавательным признаком личности, каковым долгие годы и являлся тем, что компенсировало отсутствие в психологии человека, замещало человека, выступая в качестве его «психологического эквивалента» или аналога.

Очень живучи стереотипы профессионального мышления. Если есть человек и окружающий его мир, значит, есть у человека и орган, «который отражает» этот мир. А если этот орган отражает мир, значит, он и есть орган, «который ориентирует» его в мире. Но поскольку он ориентирует человека в мире, то он и есть орган, «который регулирует» его взаимоотношения с этим миром. В чем суть этих взаимоотношений? В адаптации человека к вечно меняющемуся (по своим законам) миру. При этом все, что в поведении человека можно оценить как сверхадаптивное, классическое мышление не схватывает.

«Предельно обобщая, можно сказать, что классическая интерпретация психики сводилась, как правило, к двум основным моментам. Она понималась, во-первых, как механизм отражения объективной, противостоящей человеку реальности и, во-вторых, — как механизм адаптации индивида к этому объективному миру. Сдвоенная работа именно этих двух механизмов как раз и задает все содержание психического — ее структур, функций, свойств, процессов»³⁵. Подобная интерпретация, продолжают далее В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев, фактически определила облик современной психологии, которую авторы называют «психологию психики», полагая, что она «ставит в один ряд и психику человека, и психику дождевого червя, что по-житейски "душа не принимает"»³⁶. Приходящая на смену «психологии психики» новая психология, «психология человека», основывается на реальных фактах, утверждающих, что способность к сверхадаптивному бытию составляет, может быть, самый главный признак собственно человеческого в человеке. Эти факты заставляют пересматривать устои

«классического» понимания человека в качестве предмета психологического познания.

Можно констатировать, что предмет науки меняется быстрее, чем перестраивается профессиональное мышление. День сегодняшний науки можно определить как новый виток классического мышления в неклассическом подходе к человеку. Уже признается, что человек существо воистину «трансцендентальное», «принципиально незавершенное», «самоопределяющееся», «самореализующееся», «самоактуализирующееся», «нормотворческое», «надситуативное», «транссубъектное», «транскоммуникативное» и т.д. Классическое мышление проявляется при этом в такой форме: значит, есть в человеке орган, «который отвечает» за осуществление всего этого «транса», выхода за пределы норм, ситуаций, себя сегодняшнего и т.д. Этот орган и есть личность.

Вывод заключается в том, что классическое профессионально-психологическое мышление «организменно» по сути: нам непременно нужен орган, который можно поместить под кожу человека, будь это психика, сознание, душа или личность. Нам непременно нужен регулятор, регулирует ли он адаптивное или сверхадаптивное функционирование человека. Главное и неперенное условие, выполнение которого является необходимым, — признание связи этого регулятора с **отражением объективной реальности**, по отношению к которой человек демонстрирует свое адаптивное (или сверхадаптивное) начало.

Когда есть «вещь в себе», которая, будучи взятой вне отношения к чему-либо или кому-либо, существует вполне **независимо**, но тем не менее обладает качествами предметности, реальности и действительности, то это означает, что она одинакова предметна, реальна и действительна и для человека, и для комара. В этом случае они живут в мире одних и тех же предметов, сталкиваются с одними (общими на всех) реалиями, у них общее пространство бытия — одна на всех действительность. На самом же деле, эти качества не открываются «при воздействии объективной реальности на органы чувств», ибо их нет до взаимодействия. Если бы они были, то их необходимо было бы признать. Предметы (вещи) появляются как результаты категоризации, когда «ощущения соединяются со значением»³⁷. Правда, до сих пор проблемным остается вопрос: «Является ли лингвистический процесс своеобразной активностью, создающей образ действительности, или же эта активность лишь отражает действительность, вполне автономную и имманентную по отношению к нему?»³⁸ Однако нам только кажется,

то комар, как и человек, видит стол, только сказать не может.
н_к ажаться в «одной ситуации» они никак не могут.

Общее же для них заключается в том, что обмен со средой является условием **устойчивости** системы как пространственно-временной организации. Прекращение обмена со средой можно представить как **закрывание** системы, в пределе это ее распад, деструкция, умирание, смерть. Информация, энергия, вещество **НУЖНЫ** для обеспечения жизнеспособности системной организации - удержания (поддержания) внутреннего порядка. Поэтому в каждый момент времени система нуждается не в любых реагентах, которые наличествуют в окружающей среде, а только в таких, которые ей действительно потребны для сохранения собственной целостности «здесь и сейчас».

Постулаты ТПС можно представить в виде следующих обобщений:

1. Обмен системы со средой ее существования всегда выступает как взаимодействие, в котором система ведет себя как **заинтересованное целое**.

2. Именно поэтому взаимодействие необходимо понять как **избирательное взаимодействие, т.е. взаимодействие, изначально включающее в себя отношение как собственную причину**.

3. Избирательное взаимодействие системы со средой представляет собой форму существования системы.

4. Ситуация рождается как результат избирательного взаимодействия «живой» системы с той частью среды, которая ей соответствует.

5. Соответствие и является причиной взаимодействия.

Итак, на сегодня можно выделить два подхода к пониманию ситуационного исследования в психологии. Первый подход, более традиционный, последователи называют его адаптационным, при этом адаптация понимается как процесс взаимодействия человека и среды с целью поддержания равновесия по типу гомеостаза. Стратегии поведения анализируются как поведенческие синдромы, характеризующиеся актуализацией адаптивных механизмов **саморегуляции**³.⁹ Во втором подходе ситуационное исследование строится на основе понимания **самоорганизации** человека, понимаемого в качестве открытой психологической системы.

Рассмотрим процесс становления понятия «ситуация» как элемента психологического тезауруса, зародившегося в рамках представления о регуляции психикой поведения человека (на основе **отражения**) и постепенно меняющего свой научный статус —

по мере становления представлений о роли психики как механизме самоорганизации человека, проявляющейся в **порождении** психологической реальности.

Вхождение понятия «ситуация» в психологию осуществлялось вне различения таких понятий, как «среда» и «условия жизни». «Среда», «окружение», «обстоятельства» не входят в понятие «человек», а «условия жизни» входят, поскольку включают в себя то, без чего человек не может существовать. Иными словами, условия жизни включают в себя то, что человеку объективно (на самом деле) соответствует, является для него «своим», хотя бы оно **пока еще не присвоено им как «свое»**. Неразличение среды обитания и условий жизни приводило к тому, что ситуация трактовалась как нечто внешнее, способное, однако, детерминировать поведение и деятельность человека, обуславливая особенности их протекания. Поэтому ситуация сводилась к обстановке, совокупности условий и обстоятельств, в которых вынужден действовать человек. «Именно в значении "обстоятельств", "обстановки" понятие "ситуация" стало применяться в психологических исследованиях»⁴⁰. Авторы полагают, что именно в этом контексте возник термин «предметная ситуация»⁴¹.

Более того, даже активно используемое в психологических работах понятие «проблемная ситуация» первоначально несло на себе груз «внешнего», «обстановки» — только с некоторым субъективным налетом, которую привносит такая характеристика внешнего, как «новизна», которой обладают для субъекта некоторые аспекты бытия, внешних условий и обстоятельств. Качество новизны попытались было выдать за объективное качество ситуации, ее имманентную характеристику, но скоро пришли к противоречию. Новизна не характеризует ни человека, ни ситуацию, если рассматривать их отдельно. Более того, новизна есть то, что не открывается в ситуации, а предшествует ей, являясь одной из причин формирования проблемной ситуации. Понятие «новая ситуация» (проблемная ситуация) оказалось далеко не простым. Его смело можно причислить к числу системных понятий — «новизна» не может быть характеристикой человека, рассматриваемого вне ситуации, но она не может быть и качественной характеристикой некой совокупности «объективных обстоятельств», если эту совокупность рассматривать вне человека, для которого она является действительно новой — ввиду отсутствия опыта поведения в подобных ситуациях. Мышление человек использует в таких ситуациях, в которых прошлый опыт не может помочь сразу и его необ-

можно реконструировать на основе открытия новых знаний, новых ^{хот}способов поведения и т.д.

Таким образом, «несмотря на отдельные попытки более психологического подхода, сущность взглядов большинства авторов на "ситуацию как элемент психологического тезауруса сводится к ее пониманию в качестве некоторой объективной совокупности элементов среды (событий, условий, обстоятельств и т. п.), оказывающей стимулирующее, обуславливающее и корректирующее воздействие на субъекта, т. е. детерминирующей его активность и одновременно задающего пространственно-временные границы ее реализации»⁴². Как замечают далее авторы, собственно психологическая сущность ситуации оказывается весьма ограниченной, поскольку такое понимание обуславливает и допускает предоставление только одной из сторон сложного диалектического процесса взаимодействия личности и среды, а именно **воздействия организованных в ситуацию элементов среды** на личность. Они указывают на то, что ограниченность подобной трактовки таит в себе серьезную методологическую ошибку, ибо дальнейшее ее логическое развитие может легко привести к давно дискредитировавшей себя схеме «стимул — реакция», что грозит «методологическим тупиком», ибо из субъекта исключается то, что собственно и составляет его сущность, — активность.

Нам кажется, что такая (в целом вполне справедливая) критика упускает из виду один момент, предшествующий всему остальному, анализ которого может сделать ненужным и саму критику. Даже если рассматривается только одна сторона взаимодействия, а именно **воздействие** внешнего на субъект, необходимо четко поставить вопрос о том, что если под внешним понимается не просто аморфная «среда», а совокупность «организованных в ситуацию элементов среды», то каким образом эта организация возникла? Если «элементы среды» сами организовались в ситуацию, которая и стала воздействовать на человека, то необходимо внешнему, существующему вне человека и независимо от него, приписать способность к самоорганизации, а заодно и наличие у него умысла — оно не просто самоорганизуется, но самоорганизуется для того, чтобы воздействовать на человека.

Противоречие исчезает, если согласиться с Л.С. Выготским в том, что психика «есть орган отбора, решето, процеживающее мир, и изменяющая его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль — не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущения), а в том, чтобы не все-

гда верно отражать, т. е. субъективно искажать действительности в пользу организма»⁴³. Ситуация и есть «субъективно искаженная действительность», действительность, позволяющая человеку действовать, понимая смысл и ценность того, что он делает «здесь (сейчас)».

Таким образом, в принципе можно согласиться с А.В. Филиповым и С.В. Ковалевым в том, что использование ситуации в качестве элемента, адекватно репрезентирующего субъектно-объектные взаимоотношения в психологическом тезаурусе, возможно только в случае ее понимания не как совокупности элементов объективной реальности, а как продукта и результата активного взаимодействия личности и среды (в число объективных элементов которой входит и сама телесная и психологическая сущность субъекта)⁴⁴. Оттенить же нужно один момент, а именно то, что взаимодействие обладает порождающим эффектом. Но в этом случае мы выходим за пределы понимания ситуации как элемента психологического тезауруса и вступаем в содержательный план того, что составляет сущность психологической ситуации.

2.3. Психологическая ситуация как многомерное явление

В психологии выделяют, по меньшей мере, три разновидности ситуаций в зависимости от отношений между составляющими их элементами.

К первой разновидности относят ситуации-системы. Считается, что именно в них события, воздействующие на субъекта, представлены как системы. Предполагается, что в этих ситуациях в большей степени представлены закономерные, причинно-следственные связи, вскрывающие сущности и явления в каждом из событий и между событиями. По отношению к этим ситуациям остается вопрос о том, каким образом, как они возникают, за счет какой активности формируются. Предположительный ответ заключается в том, что эти ситуации являются продуктом определенной когнитивной деятельности, результатом накопления опыта, знаний, т. е. они реже предстают первозданно и выступают результатом определенных модификаций, преобразований, отчасти даже раскрытия системных связей в объектах ситуаций. Однако этот ответ обходит вопрос о механизме формирования ситуаций-систем, а также вопрос о том, в какой форме они существуют, если способны «воздействовать на субъекта», будучи при этом ре-

ультатом когнитивной деятельности того, на кого они воздействуют.

Вторая разновидность ситуаций — это ситуации, образованные на основе отношений борьбы, противодействия в составляющих их объектах. Вероятно, это самый широкий класс ситуаций, имеющий оттенки от частных противоречий (уже имеющих место в самых упорядоченных системах) до антагонизма между объектами, составляющими ситуацию. Предполагается, что развитие такой ситуации и вместе с этим развитие ее воздействия может идти в направлении преобладающего влияния тех отношений, которые указывают на ослабление противоречий, хотя возможны и варианты, связанные с усилением противоречий.

Третий вид ситуации может быть образован исключительно случайными связями между событиями, чаще всего являющимися производными от пространственно-временных их совпадений. Отмечается, что большая роль в связях в образовании таких ситуаций принадлежит субъекту как элементу ситуации. Сущность подобных ситуаций состоит в том, что связи между субъектами ситуаций строятся исключительно на предположениях субъекта, т.е. как бы сам субъект как элемент ситуации служит основным звеном, организующим элементы в ситуацию.

Итак, ситуация возникает как результат более или менее активного взаимодействия субъекта со средой, приводящего к выделению из объективной реальности совокупности явлений, которые организуются в некоторое целостное образование лишь в связи с актуальной позицией самого субъекта в окружающем мире. В подобном контексте **ситуация является способом организации субъектом явлений внешнего мира**. В этом случае ее можно понять как **психологическую ситуацию**, т.е. ситуацию, по отношению к которой субъект выступает как организующее начало, включенное тем не менее в саму ситуацию в качестве ее элемента.

По отношению ко всем трем ситуациям остается актуальным вопрос о том, что же выделяет ситуацию из всей остальной живой в себе и для себя объективной действительности? Ответ, предлагаемый нами (который мы попытаемся обосновать ниже), заключается в следующем. Для характеристики объективной действительности достаточно четырех координат (три пространственных координаты и время). Психологическая ситуация многомерна, точнее, более «мерна», чем объективная реальность.

Психологические (субъективные) измерения мира человека формируются в процессе взаимодействия его с объективной ре-

альностью, при этом само взаимодействие включено в действие, направленное на мир. Вовсе не любой объект может попасть в систему деятельности, но только такой, который имеет особые измерения, задающиеся самой действующей личностью, объекты становятся носителями субъектных качеств, и количество этих качеств и их субординация определяются системным устройством самого человека. Эти качества и определяют дальнейшее развитие психологической системы.

С нашей точки зрения «психологическая ситуация» представляет собой часть объективного мира, попавшую в психологическую систему и получившую в ней новые качества. Наличие этих качеств определяет, относится ли то или иное явление объективного мира, вещь, предмет к ситуации или не относится. В последнем случае эти явления вообще не попадают ни в число условий, определяющих деятельность, ни в число факторов, направляющих деятельность (цель, мотивы и т.д.).

Итак, ситуация рождается на пересечении целостного человека с окружающим миром, она и представляет человеку действительность в ее предметности и реальности. Элементы ситуации связаны между собой объективными связями, отношениями. Однако необходимым условием существования ситуации является то, что и элементы и их объективные отношения воспринимаются человеком не только в их природном, вешном составе, но обязательно и в их внечувственных, системных характеристиках. Эти характеристики отражаются не чувственно, а эмоционально. В результате и возникает целостный акт отражения — человек воспринимает предметы и явления объективного мира как имеющие для него определенный смысл, значение, ценность. И только поэтому человек воспринимает, что предметы и явления этими качествами обладают.

Психологическая ситуация обязательно должна иметь не только объективно существующую структуру, отражающую природную, т.е. существующую вне и независимо от человека взаимосвязь явлений и предметов, но и неформальную, ценностно-смысловую структуру, которая характеризует соответствие природных свойств действующему человеку. Природное в данном случае можно понимать как субстрат, как носитель системных (субъект-объектных) свойств. Эти свойства предметов и их взаимосвязей можно назвать психологическими свойствами — они образуются в психологической системе, когда предметы объективного мира попадают в нее как соответствующие действующей лично-

ти. Соответствие — причина возникновения психологических качеств. Наличие таких качеств — причина возникновения «действительности для человека», предметности и реальности мира, в котором человек живет и действует. Отражение этих качеств в совокупности с их природными основаниями приводит к возникновению целостной структуры ситуации, имеющей две характеристики — формальную, логическую характеристику, основанную на отражении объективных свойств и неформальную, ценностно-смысловую характеристику. Первая является материальным носителем второй, ее предметным субстратом.

Необходимо правильно понять взаимоотношения между двумя этими характеристиками. Неформальная характеристика конституирует соответствие мира человеку, его потребностям, целям. В этом плане она вторична по отношению к самому миру («как он есть» — до человека, без человека), но она первична по отношению к осознанию человеком той действительности, в которой он живет и действует. Неформальная характеристика обеспечивает предметность и реальность мира по отношению к сознанию действующей личности. С ее помощью мир, существующий в себе и для себя, становится «миром человека», обретая психологические качества. Наличие этих качеств является причиной отражения в сознании и объективных качеств, которые, выступая как материальное основание для первых, предстают в сознании в форме мира, в форме предметной и реальной действительности. Сложность в том, что сам человек не замечает того, что мир этот имеет двойственную характеристику. С одной стороны, действительность, в которой живет и действует человек, воспринимается им как вне и независимо от него существующая реальность. С другой стороны, он не замечает того факта, что эта действительность уже содержит в себе его самого — познающего и действующего человека, что она уже отобрана как соответствующая ему, находится с ним в одной системе, соизмерима с ним.

Происходит это, на наш взгляд, потому, что системные качества отражаются эмоциями, которые не являются прямым содержанием сознания. Указанная выше «двойственность» позволяет человеку «вырезать» из объективного мира то, что ему надо, но скрывает от человека этот факт в явлениях, лежащих на границе сознания, для того, чтобы он мог отразить мир таким, каким он есть, как действительность, находящуюся вне его и существующую независимо от него. Природа в этом «хитром» механизме заложила возможность познания мира, которое было бы невозможно в том

случае, если бы человек не мог отделить себя от мира (что и свойственно животным). Познание — это очищение мира от себя самого, изгнание себя из субъективированной действительности ради познания ее такой, какой она есть.

Но действительность, которую пытается познать человек, выступает для него таковой только потому, что содержит в себе самого познающего, отобрана из всей бесконечной, вне человека существующей реальности самим пребыванием в ней человека как действующего существа. Именно поэтому человеку приходится сталкиваться с разрядом необычных задач, которые А.Н. Леонтьев определил как решение «задачи на смысл». Смысл, ценность явления, предмета можно осознать только в ходе специальных действий, ибо приходит он к человеку в непосредственной эмоциональной форме. А.Н. Леонтьев писал о том, что эмоции участвуют в регуляции деятельности, «отражая тот смысл, который имеют объекты и ситуации, воздействующие на субъекта»⁴⁵.

Представление о человеке как открытой самоорганизующейся системе, «психологической системе», является необходимым для объяснения избирательности, селективности психического отражения и деятельности. Система может функционировать как адаптивная. В этом случае все элементы психологической системы организуются, субординируются и координируются, взаимосогласуются на достижение некоего конечного результата, каковым и является удовлетворенная потребность. Система может функционировать как сверхадаптивная, т.е. выходя за пределы актуальной необходимости и даже вопреки ей.

Итак, кроме формально-логической структуры ситуации, в которой действует человек, существует и другая — неформальная, ценностно-смысловая структура, благодаря которой из всего внешнего, что есть в окружающем объективном мире, только часть становится предметной действительностью для действующей личности, ее, личности, ситуацией. Необходимо особое психологическое мышление, которое позволило бы преодолеть разрывы между субъектом и объектом, внутренним и внешним, деятельностью и взаимодействием и, наоборот, позволило бы увидеть то системное, сложное, которое образуется в этом единстве и становится основным детерминатором и регулятором функционирования, трансформации и развития всей системы и ее компонентов.

В соответствии с таким представлением человек выглядит не как существо «подкожное», ограниченное размерами своего тела и заключенное в нем, а как явление, продолженное в мир, когда че-

любо и часть объективной реальности образуют единую систему, а их единство закрепляется возникновением общих, интегральных, «темных» качеств, определяющих основное направление развития всей системы. Так предметный мир становится носителем субъективных качеств, а для человека мир становится «смысловым полем», реальной и предметной действительностью, ситуацией, в которой человек живет и действует.

Итак, «ситуация» есть нечто более сложное, нежели совокупность предметов, связанных между собой объективными отношениями. Это психологическая ситуация, имеющая чувственный слой и внечувственный, смысловой. Вся сложность в том, что человек не знает своей продолженности в мир, ситуация воспринимается им как внешнее, расположенное во вне. Само это «вне» располагается особым образом — в «продолженном» человеке, за пределами сознания, но в пределах психологической системы, т.е. той части объективного мира, которая кроме природной имеет еще внечувственную, неформальную, ценностно-смысловую структуру.

Понятие «неформальная структура ситуации» применялось О.К. Тихомировым и его учениками как показатель основного отличия формальной структуры ситуации «деятельности» машинного (ЭВМ) «мышления» от смысловой структуры ситуации мыслительной деятельности человека. Неформальная структура создается эмоциональными средствами, которые фиксируют разную значимость элементов ситуации для деятельности человека. В ходе дальнейших исследований ценностно-смысловая структура ситуации была определена как формально-логическая структура, рядоположенность элементов которых нарушена ценностно-смысловыми измерениями, т.е. как явление, обуславливающее многомерность мира человека, точнее, того активного, напряженного сектора его (ситуация), в котором осуществляется (здесь и сейчас) его деятельность⁴⁶.

Неформальная структура ситуации понималась не как статическое образование, а как движение, отражающее динамику превращения объектов в субъективно значимые предметы, характеризующиеся смыслами разного уровня представленности и осознанности. Динамика неформальной структуры ситуации определяется изменением критериев: оценок, потребностей, мотивов, целей. Например, целеобразование в ходе деятельности приводит в Движение и неформальную структуру, а изменение мотива обуславливает динамику всей деятельности и изменение личностного смысла самой ситуации. Неформальная структура ситуации стала

основным предметом исследования в научной школе, потому что она и представляет собой основной результат реального взаимодействия человека с окружающей средой, в котором отражается и действующая личность, и объективный мир.

Благодаря тому, что в психологической системе возможно образование различных смысловых образований, она становится способной не только к самоорганизации (отношении актуальных потребностей, мотивов, целей), но и к саморазвитию. Неформальная (ценностно-смысловая) структура ситуации, есть, таким образом, и результат функционирования психологической системы, и предпосылка ее дальнейшего функционирования и трансформации. Итак, сама суть избирательности поведения человека, его деятельности, отражаемого из внешнего мира содержания, связана с явлением выхода за пределы своей телесной сущности в окружающий мир и образованием в этом переходе системных качеств.

Эмоции не просто «сопровождают», «контролируют» взаимоотношения между сознанием человека и миром. Их роль глубже и значительнее. Они составляют центральное звено механизма, переводящего «мир в себе» (без человека, до человека) в реальный, предметный мир, в котором человек живет и действует, в мир, соответствующий человеку, имеющий ценностно-смысловые характеристики, что и позволяет человеку действовать в нем, понимая смысл и ценность собственных действий. Эмоции не устанавливают соответствие мира человеку как результат их взаимодействия. Они фиксируют это соответствие, а потому и входят в число причин, обеспечивающих избирательное взаимодействие человека с миром. Именно поэтому эмоции обладают прогностическими возможностями и репрезентирующими функциями по отношению к сознанию.

Разная деятельность в одной и той же предметной среде приводит к тому, что эта среда по-разному структурируется, различные элементы ее приобретают различное значение и смысл, а вместе с ними меняется и сама ситуация — та предметная действительность, составляющая условия деятельности, в которых она разворачивается.

* Итак, понимание человека как открытой самоорганизующейся системы выводит к представлениям об особой системной детерминации, которая предполагает, что во взаимодействии субъекта с объектом рождается новая реальность — сверхчувственная, т.е. не отражаемая органами чувств, системная, т.е. характеризующая

всю систему, продуктом функционирования которой она является, «удвоенная», поскольку является качественно новым образованием, не сводимым ни к субъективному, ни к объективному. Через эту реальность человек получает возможность воздействовать на самого себя (самодетерминация) и реализовывать свои возможности.

Мы уже упоминали о трудностях, которые испытывали психологи, переходя от аристотелевского мышления, утверждающего, что все качества предмета принадлежат исключительно самому предмету, к галилеевскому, настаивающему на том, что есть качества, которые только в системе открываются. Чтобы понять психологическую ситуацию как многомерное явление, надо использовать мышление более высокого уровня, нежели галилеевское. **Это – системное мышление, синергетическое, поскольку предполагает, что открытые системы сами могут порождать «параметры порядка», одним из которых и является ситуация.** Именно этот план выдерживали мы, вводя представление о «порождающем эффекте взаимодействия», в котором формируются такие качества явлений, которые порождаются системой и обеспечивают ей возможность самодетерминации, самоорганизации. Система расширяется за счет взаимодействия с внешним, делая его внутренним. Только становясь внутренним содержанием человека как психологической системы, внешнее оказывается действительно «внешним» (не-Я) для восприятия человека, его сознания, его Я-

Самым точным понятием, способным обозначить эту сложную, одновременно объективную и субъективную реальность, было бы понятие «мир конкретного человека», а «ситуация» тогда означала бы фрагмент этого многомерно мира, в котором осуществляется актуальная («здесь и сейчас» осуществляемая) деятельность человека. В теории психологических систем этот мир понимается как «переходной слой» между объективной и субъективной реальностями, не поняв и не признав который, мы навсегда закрываем путь к познанию механизма избирательности психического отражения, путь к пониманию механизмов возникновения и работы человеческого сознания. Почему именно к трем годам человек «вдруг» начинает видеть мир отдельно от себя? Чтобы ответить на этот вопрос, надо его сформулировать несколько иначе. Что и каким образом происходит с миром ребенка, в силу чего он начинает видеть его отдельно от себя?

Пока нет сознания, мы не видим мир отдельно от себя, но когда оно приходит, мы перестаем видеть себя в мире, перестаем

замечать многомерность собственного мира, его пронизанность собственной субъективностью. Не знаем, например, о том, что наше Я, наша субъективность присутствует в нашем мире и тем так искажает его, что мы оказываемся способны видеть только то, частью чего сами являемся, но при этом отдельно от себя — как объективное, внеположенное, реально существующее, локализованное в пространстве, вещь в себе и для себя.

Науки переполнены категориями, фиксирующими объективные и субъективные явления, но практически нет понятий, которые могли бы адекватно фиксировать ту реальность, которая открывается при попытках мысли проникнуть в пространство, существующее между духом и материей, объективным и субъективным. Здесь противоположности сосуществуют в сложном, но вполне упорядоченном системном единстве, в силу чего «мир человека» оказывается частью самого человека, его продолжением, его истинным телом. Характерной особенностью этого «очеловеченного» пространства является его **многомерность**, которая возникает в результате интеграции в нем объективных и субъективных изменений.

Когда говорят о становлении «человеческого в человеке», то в логике теории психологических систем (далее — ТПС) многомерный мир человека понимается как «самое человеческое в нем». Становление мира человека определяет становление определенного образа жизни. Становясь суверенной личностью, т.е. личностью, обладающей всей полнотой координат многомерного мира, человек получает возможность менять образ жизни, стимулируя тем самым дальнейшее развитие собственного мира. В разрешении противоречия между образом мира и образом жизни проходит и сама жизнь человека. Основная функция мышления в реальной жизнедеятельности заключается в постоянном выявлении указанного противоречия и определении способов его разрешения.

Психологическая система — предмет психологического исследования. Методы естественных наук предназначены для изучения четырехмерных пространств. Методы гуманитарных наук зачастую вовсе не рассчитаны на изучение «одушевленных» (присутствием в них субъективного) пространств, хотя неплохо могут их описывать. Именно поэтому разработка ТПС предполагает поиск новых принципов построения экспериментальных и других методов психологического исследования, разработку таких принципов исследования, которые были бы адекватны пониманию человека как сложной самоорганизующейся системы.

Многомерный мир человека понимается в ТПС как особое пространство, формирующееся прижизненно, усложняющееся по мере обретения им новых координат. При этом и само это постепенно начинает рассматриваться в единстве с субъективным временем, связанным с параметрами пространства. Время в психологических системах меняется по мере становления новых координат мира человека.

Таким образом, теория психологических систем понимает человека как сложную систему, центром которой является человек, а психика рассматривается не как подкожное образование (в этом случае оно ничем не отличалось бы от наивно понимаемой души), а как то, с помощью чего обеспечивается дальное действие человека в его предметных ценностно-смысловых полях, осуществляется и удерживается переход субъективного (текущие состояния человека) в предметный мир и обратное движение мира в сознание человека.

Каждый человек может быть понят как уникальная психологическая система, как **хронотоп**, т.е. пространственно-временная организация, превращающая «объективную реальность» (мир до человека, без человека) в наполненный цветом и звуками, категоризированный значениями **предметный мир** (как основание предметного сознания). Этот предметный мир будет далее превращаться в **реальность**, наполненную смыслами, переживаемую человеком в ее данности ему (здесь и сейчас). По мере обретения миром человека смысловых измерений (и смыслового сознания) он превращается в **действительность** — расширяющееся, устойчивое (благодаря ценностным координатам) пространство для жизни и развития (как способа сохранения жизни и ее осуществления). Ценностные координаты мира человека делают его соизмеримым с другими людьми, с самим собой завтрашним, еще не ставшим, еще только возможным, полагающим открывающуюся для него действительность пространством для развития, т.е. жизни. Но в каждый момент времени существует «напряженный» фрагмент этого многомерного мира, который можно определить понятием «психологическая ситуация» — особая психологическая онтология, в границах которой происходит реальный цикл личностного и профессионального самоопределения.

Понимание человека как самоорганизующейся системы становится способом психологического мышления, основания которого представлены во внутренней тенденции развития науки задолго до открытия системного анализа, ставшего квинтэссенцией научной

ментальности второй половины XX века. Его легко можно уловить и в тех усилиях, которые прикладывал Л.С. Выготский в поисках «переходных форм» между духом и материей, в «жизненных пространствах» К. Левина, в «трансубъектных пространствах» Д.Н. Узнадзе, в «многомерном образе мира» А.Н. Леонтьева. Сейчас становится понятно, что только с решительным переходом в системный методологический контекст можно понять, каким образом человеку удастся не быть рабом «объективных ситуаций», социальных прессингов и откуда берется у него уникальная способность к самодетерминации, обеспечивающая ему возможность саморазвития и воздействия на себя.

При таком подходе появляется возможность разрешения вечной контраверсы между идеалистической идеей произвола «духа» и материалистической идеей, устанавливающей произвол материи, которая, действуя на человека, «навязывается» нашему уму. **Суть нового мышления заключается в переходе от принципа отражения к принципу порождения особой психологической (не психической) онтологии, представляющей собой системный конструкт, который опосредствует взаимоотношения между человеком и миром «чистой» объективности, что и обеспечивает его превращение в «освоенную» человеком и ставшую его индивидуальной характеристикой «действительность».** Потребность в «ситуалогии», которую вдруг стали испытывать разные науки, как раз и отражает готовность разных наук к преодолению дуализма между «внутренним» и «внешним», объективным и субъективным. Такая потребность указывает на готовность выйти из той «гносеологической ловушки», в которую попали многие науки, пытающиеся сегодня за гносеологическим аспектом взаимодействия разглядеть онтологический его аспект — взаимопереход взаимодействующих противоположностей как порождение новой реальности, которая на самом деле выступает как порождаемый системой параметр порядка, необходимый для самоорганизации системы.

Самоочевидность разделения всего сущего на две реальности (объективную и субъективную), столь доступная благодаря сознанию, которое, надо полагать, для этого и предназначено, закрывает собой проблему далеко не столь очевидного исходного единства объективного и субъективного, реальность существования которого можно установить только путем теоретического мышления — разумом, а не рассудком. Ситуация есть форма существования указанного единства, и потому она многомерна.

Настоящая наука призвана работать за пределами очевидно-ее механизм — теоретическое мышление, которое и выводит к единству противоположностей, той психологической он-тологией, которая превращается в **теоретически определенный предмет** постнеклассической науки. Из этого пространства начинают свое движение предметы и явления в сознание человека, очищаясь в нем от налета субъективности, превращаясь в «столь очевидные» последствия в виде признания «объективной реальности», существующей вне и независимо от человека, и «субъективной реальности», являющейся ее более или менее удачной копией или «слепком».

Сама «гносеологическая ловушка» представляет собой следствие упрощенного понимания **взаимодействия** противоположностей только как основания (причины) отражения. Один существенный момент всегда при этом упускался, но он имеет очень важные следствия. Собственно, с ним связан исходный методологический принцип теории психологических систем. **Всякое реально осуществляющееся взаимодействие есть не только основание для взаимоотражения участвующих во взаимодействии сторон, но и их взаимопереход, порождающий новое качество.** Взаимодействие, сопровождающееся отражением, всегда производит порождающий эффект, возникающий как результат взаимопроникновения противоположностей, вступивших во взаимодействие. Порождаемое новое качество, не сводимое ни к одной из противоположностей, не являющееся их простой арифметической суммой, но имеющее при этом собственный онтологический статус, конституирует образование новой, системной реальности. Ситуацию необходимо понимать как фрагмент многомерного мира конкретного человека. Мира, обладающего сверхчувственными качествами, **скрытыми от самого человека для того, чтобы обеспечить ему возможность видеть мир отдельно от себя.**

В этой реальности исчезает противоположность бывшего внутреннего и бывшего внешнего, снимается их абсолютность — оба теперь являются внутренними по отношению к образовавшейся системе. Это и позволяет нам представить человека как сложную самоорганизующуюся психологическую систему, производящую новообразования указанной «совмещенной» природы и опирающуюся на них в своем самодвижении, самодетерминации.

Таким образом, собственно психологическая онтология порождается не человеком, не его сознанием, а целостной психологической системой, центром которой является человек. Но именно она

обеспечивает возможность возникновения и функционирования сознания, являясь первичным по отношению к нему, но вторичной по отношению к «чисто объективному» миру.

Нет пока других методологических средств для объяснения механизма избирательности психического отражения — или глаз видит все, что воздействует на него здесь и сейчас из мира «чистой объективности», а значит, не видит ничего (Л.С. Выготский), или он видит нечто (предметы, вещи и т.д.), соответствующее человеку (здесь и сейчас), но тогда это соответствие должно быть закреплено в этих предметах, существовать в них как их (предметов) качество, отличающее их от всей безразмерной, в себе и для себя существующей «объективной реальности».

Завершим параграф возвращением к первым определениям понятия «ситуация», включавшим себя эмоциональный компонент (работы К. Ясперса, см. раздел 1.1 настоящей монографии). Сравнительно недавно (Н.П. Бехтерева, 1988) были найдены нейрофизиологические основания того, что эмоции отражают не отношения, не предметы (в их физических параметрах), а смыслы и ценности этих предметов. Оставаясь в контексте теории психологических систем, т.е. понимая смыслы и ценности как особые, системные сверхчувственные качества, формирующиеся при взаимодействии психологической системы с объективной реальностью, можно уточнить. Эмоции «отвечают» за содержание того, что попадает в сознание, сами оставаясь на поверхности сознания. Это и есть главный принцип избирательной работы сознания — позволить человеку видеть «то, что надо», но так, как оно есть «на самом деле». В норме эмоции не искажают действительность, привнося в нее субъективность. Они нейтрализуют осевшую на предметах субъективность, обеспечивая реалистичность бытия. Когда же эмоции не могут выполнить свою функцию, происходит распад психологических систем. С такими системами имеют дело психотерапевты, но **всегда** при этом они сталкиваются с эмоциональными нарушениями.

Физики раньше психологов осознали «принципиальную неустранимость субъективности из акта познания». Можно полагать, что постнеклассическая психология существенно изменит представление человека о самом себе как субъекте познания и деятельности, меняя облик других наук, представители которых до сих пор уверены в возможности познания объективной реальности без привнесения в нее параметров собственной субъективности.

2.4. Инициация мыслительной деятельности: проблемная ситуация

В обычных случаях психологические ситуации, в которых осуществляется деятельность человека, достаточно полно соответствуют человеку, т.е. он, отражая действительность, отражает ее как жизненное пространство, в котором можно действовать, понимая смысл и значение элементов ситуации и своих действий с ними. Пелю в том, что сами ситуации возникают как эффект обнаружения соответствия определенных элементов среды человеку, возникающий в ходе деятельности человека, который через деятельность удовлетворяет свои потребности. Существуют устойчивые способы поведения, привычные способы осуществления деятельности.

Однако можно представить психологическую ситуацию, в которой человек не понимает смысла и ценности как элементов ситуации, так и собственных действий с ними. Такие ситуации далее будем обозначать понятием «проблемные ситуации». Каким же образом могут возникать такие ситуации? Ведь психологическая ситуация сама по себе означает соответствие человека миру, в котором он действует.

Возникновение проблемных ситуаций означает возникновение мышления, мыслительной деятельности. Проблемная ситуация, каким бы способом она не возникла, означает перестройку актуальной деятельности, которая привела к проблемной ситуации, в мыслительную деятельность. Можно говорить о трансформации привычной, тривиальной деятельности (где «все понятно») в мыслительную, поисковую деятельность. Возникновение проблемной ситуации означает и трансформацию всей психологической системы. Трансформация обеспечивается теми противоречиями, которые возникли в психологической системе.

Проблемная ситуация — исток мышления, его отправной пункт. «Проблема или проблемная ситуация, — писал С.Л. Рубинштейн, — является таковой прежде всего, поскольку в ней имеются неизвестные, как бы незаполненные места (*beergzellen*), выступающие внутри нее, которые подлежат заполнению, — X-ы, на месте которых должны быть подставлены их значения»⁴⁷. Проблемная ситуация всегда содержит внутри себя противоречие, которое, будучи обнаруженным и сформулированным, задает направленность мыслительной деятельности. «Наличие в проблемной ситуации противоречивых данных с необходимостью порождает процесс мышления, направленный на их "снятие"»⁴⁸.

Нашими исследованиями⁴⁹ было показано, что познавательные противоречия обнаруживаются в ценностно-смысловой структуре ситуации и проектируются дальше, в ее объективную, формальную структуру, приводя в движение всю психологическую систему. В регуляции мышления участвуют сами объекты, направляющие движения мысли, их ценностно-смысловые характеристики, определяющие избирательность деятельности, эмоции, как механизм отражения ценностей и смыслов, вся личность мыслителя, которая в этих качествах преломляется со всем своим социальным опытом (знания, умения, навыки, актуальные и потенциальные потребности, возможности и т.д.). Все это вместе и порождает мыслительную деятельность как функцию целостной психологической системы. В свою очередь, деятельность обуславливает целенаправленные акты взаимодействия, а значит, и производство психологических качеств, в которых берет свое начало избирательная природа сознания. Психологическая система — это совокупность ряда систем. Нельзя понять мыслительную деятельность иначе как результат функционирования целостной психологической системы и тех системных качеств, которые этой системой порождаются, интегративных качеств, вклад в создание которых вносят все взаимодействующие подсистемы — человек, его деятельность, среда.

Проблемная ситуация всегда означает некоторое несоответствие между миром и человеком, но предполагает деятельность по установлению соответствия. Результатом этой деятельности являются новые знания, способы деятельности, интеллектуальное развитие человека. Иными словами, проблемная ситуация означает не только несоответствие, но и возможность его устранения в процессе мыслительной деятельности. Поэтому не любое незнание вызывает проблемную ситуацию, а такое, которое связано с потребностью познания и предположением о возможности открытия новых знаний.

Под инициацией мышления понимается определенная стадия развития мыслительной деятельности, продуктом которой является обнаружение познавательных пробелов и противоречий и их локализация в мыслительных задачах, т.е. стадия становления, порождения мыслительной деятельности, включая и сам переход в развернутую поисковую мыслительную деятельность по решению поставленной задачи. Проблема изучения инициации мыслительной деятельности ориентирует на исследование мышления как внутреннего содержания тех крайне специфических процессов, благо-

которым происходит локализация познавательных пробелов человеческого познания и преобразования действительно-
и оформление этих пробелов в конкретные задачи.
о мышлении как процессе заполнения пробелов, решения за-
психология знает достаточно много. О том же, как отражают-
выделяются, локализируются познавательные противоречия, что
как направляет человеческую мысль, когда задача еще не
"Сформирована, когда цели и условия еще не разведены и, более
Иго все это и является результатом, продуктом мышления — об
это м известно гораздо меньше. Обусловлено это тем, что разнообра-
разие поднимаемых в психологии мышления научных проблем,
независимо от исходной концептуальной базы, ограничено однооб-
разием методов исследования, в основе которых лежит предъявление
испытуемым уже поставленных, «готовых» (А.Н. Леонтьев)
задач. Иными словами, сам исследователь берет на себя труд до
определенной степени развести между собой и выделить задавае-
мое и требуемое, известное и неизвестное, условия и цели, т.е.
сформировать задачу.

Внешне кажется, что такое ограничение предметного поля
науки является следствием бедности методического арсенала,
объясняющейся объективными трудностями исследования процес-
са «порождения» мыслительной задачи, действительно требующих
от исследователя определенной изобретательности в конструиро-
вании методик. Однако анализ показывает, что основные трудно-
сти носят методологический и общетеоретический характер. По-
нятно, например, что действия регулируются целями. Непонятно,
как регулируются действия, в результате которых возникает сама
цель, в ее отделенности от условий (задача).

Фаза развернутой мыслительной деятельности (решение по-
ставленной задачи, стадия динамизации) во многом определяется
тем, как обнаруживалась и ставилась задача. Понимая всю ус-
ловность выделенных двух фаз мыслительной деятельности («ини-
циацию» и «динамизацию»), учитывая их взаимосвязь и взаимо-
проникновение, мы предпочитаем выделить инициацию мышления
как особый предмет психологического исследования. Дело не
только в том, что такое разделение фактически уже произошло
самим историческим процессом психологического познания, сде-
лавшим вторую фазу (динамизацию) первым и исключительным
предметом изучения. Имеются действительно большие различия в
Регуляции и детерминации мыслительной деятельности на разных
стадиях ее развития, позволяющие выделить инициацию мысли-

тельной деятельности как особый предмет изучения. Безусловно, есть и много общего, что естественно, когда речь идет о различных стадиях развития одного явления.

Психологическое исследование мыслительной деятельности включает в себя исследование ряда параллельно и одновременно протекающих процессов, за счет которых реализуется деятельность (О.К. Тихомиров). Это вполне применимо и к инициации мыслительной деятельности, с учетом специфики этих процессов на данной стадии. Особым образом осуществляются здесь процессы мотивообразования, целеобразования, смыслообразования, функционирования оценок разного уровня представленности, в том числе и эмоциональных, имеющих особое значение для инициации (многие исследователи отмечают эмоциональность первой фазы мышления).

Понятие «инициация» имеет выход к двум корням. Этимологически — «порождение», «становление», что хорошо схватывает суть явления — возникновение мыслительной деятельности и ее развитие на этапах, предшествующих мыслительной задаче и приводящих к ней (прежде чем включатся детерминационные механизмы, берущие начало в задаче — «детерминирующие тенденции», «установки», «соотношения средств и целей» и т.д.). Кроме того, «инициатива», которую толковые словари трактуют как почин, внутреннее побуждение к новым формам деятельности, что на психологическом языке определяют иногда как «целеобразующее начинание, свободное от интенции на конечный результат» * (К-А. Альбуханова-Славская). Понятие «инициатива» удачно схватывает часть проблем, связанных с инициацией мыслительной деятельности — очень часто она проявляется как «бескорыстное», § «апрактическое» действие, как «внутренний почин». Правда, если • действие свободно от интенции на конечный результат, то остается вопрос о том, как оно регулируется, что вновь возвращает к пер-1 вому значению (порождение, становление). До сих пор основной упор делался на втором значении, на анализе личностных усло-2 вий, «интеллектуальной инициативе» (Д.Б. Богоявленская) в воз-3 никновении мышления. Само знание о интеллектуальном потен-4 циале личности еще не позволяет ответить на вопрос, почему мыс-5 лительная деятельность возникает достаточно самопроизвольно именно здесь, сейчас и определенным образом.

В рамках различных школ и направлений выделены различные факторы, влияющие на процесс самостоятельного обнаружения и поставки мыслительной задачи и детерминирующие его. На

то процесс влияют особые свойства личности: «чувствительность проблеме» (Дж. Гилфорд, Е. Торренс), «интеллектуальная инициатива» (Д-Б. Богоявленская); особенности ситуации, в которой человек действует (Я.А. Пономарев, Н.Л. Элиава); особенности ямой деятельности (А.Г. Асмолов, В.А. Петровский), влияния партнеров в совместной мыслительной деятельности (А.В. Бруштинский, А.М. Матюшкин). Отсутствие единой концепции инициации мыслительной деятельности объясняется тем, что безусловная правота исследователей, показавших вклад различных факторов в детерминацию мышления на стадии его инициации, не была подкреплена соответствующей теорией, которая была бы способная соединить все факторы в единую систему. Поэтому в течение длительного времени вопросы о том, «почему человек начал думать и почему он думает о данном предмете, вызывали удивительно прискорбное пренебрежение»¹⁰⁰.

В рамках теории психологических систем, базирующейся на идее системной детерминации, удалось осуществить интеграцию подходов. Были **выделены три вида инициации**, каждый из которых детерминирован по-своему.

Первый вид инициации мыслительной деятельности можно представить как «свободную» инициацию, в основе которой лежит самопроизвольный переход действующей личности к мыслительной деятельности «за пределами» инструкций, «требований ситуации», «апрактично», «нефункционально» и т.д. Этот вид инициации мыслительной деятельности зафиксирован многократно, но исследован в основном с точки зрения личностного подхода Д.Б. Богоявленской и ее учениками. Суть этого вида инициации заключается в переходе к мышлению после обнаружения возможностей такого перехода, и при этом мотивы и цели мыслительной деятельности не только не совпадают с мотивами и целями исходной деятельности (в ходе которой открывается возможность перехода к мыслительной деятельности), но иногда и противостоят им.

Второй вид инициации мышления связан с порождением мыслительной деятельности в ходе актуальной деятельности, направленной на удовлетворение какой-либо потребности, когда Реализация деятельности сталкивается с различного рода ситуативными препятствиями, необходимость преодоления которых предполагает мыслительную деятельность. Мотивационное обеспечение возникающей мыслительной деятельности обусловлено Мотивами " задачами актуальной деятельности. Формирование Мыслительных целей в этом случае можно понять как особый вид

промежуточного целеобразования (в рамках исходного мотива). Этот вид инициации мышления охватывает те случаи возникновения мышления, когда оно становится необходимым посредником на пути достижения актуальной (немыслительной) цели. Видимо, только для таких случаев сделано обобщение — «задачу не надо ставить, ее ставит сама ситуация». Когда деятельность (профессиональная, учебная, любая) сталкивается с некой преградой, преодоление которой необходимо для достижения цели деятельности, но у субъекта деятельности нет «готовых» средств для этого, то он может попасть в ситуацию мышления, которую традиционно называют проблемной. Научный интерес вызывает динамика преобразования «преграды» в задачу, психологические механизмы выделения собственно условий и целей как главных компонентов задачи, т.е. переход тривиальной деятельности в мыслительную, возникновение и развитие новых потребностей (поисковых, познавательных), изменения в оценках элементов ситуации и ее самой, динамика смыслов, механизм конкретизации целей. Как нам кажется, задачу все-таки надо ставить. Она — результат познавательной активности субъекта. Как в число условий попадает «преграда», как она отражается человеком и каким образом ситуация деятельности, ее условия, трансформируются в условия мыслительной деятельности и, наконец, почему у некоторых людей в тождественной (внешне) ситуации такая трансформация не происходит — все это вопросы, требующие ответа. Наиболее подходящим названием для этого типа инициации мышления было бы понятие «ситуативная инициация», поскольку она осуществляется все-таки под эгидой ситуативных факторов, хотя элемент ситуативности, естественно, присутствует при любом типе инициации.

Третий вид инициации мыслительной деятельности возникает как результат побуждения к мышлению с помощью уже сформулированных, поставленных кем-либо задач. Это случаи самого «несамостоятельного» включения в мыслительную деятельность, но они схватывают наиболее распространенные случаи вызова мышления в педагогической практике (решение задач), в экспериментальной психологии мышления. В то же время процесс принятия «чужой», «готовой» задачи исследован крайне недостаточно как особый вид инициации мыслительной деятельности, т.е. с точки зрения возникновения мышления и его включенности в процесс восприятия сформулированной, поставленной кем-то задачи. В этом контексте понятие «готовая задача» психологического содержания не имеет, лучше ее называть заданием — неизвестно, воз-

ЯРТ ли на базе задания мыслительная задача, что из заданного
ник--
п--
в--
обратиться в цель (для принимающего задачу) и какие условия
п--
в--
делит решающий как условия собственной деятельности.

Прежде всего, возникает вопрос: какой момент можно назвать моментом получения готовой задачи субъектом? О.Д. Китчак и И.Д. Васильев полагают, что его нельзя отождествлять с моментом предъявления человеку какой-либо знаковой модели проблемной ситуации (например, момент вручения человеку текста задачи психологически еще не является моментом получения им готовой задачи). Прочтение текста также не гарантирует, что теперь человек находится в проблемной ситуации (например, если предметное содержание прочитанной задачи относится к малознакомой человеку области знаний, да еще и не заканчивается конкретным, однозначным вопросом, то он, скорее всего, в проблемной ситуации не окажется). Задача должна быть не только прочитана, но и понята. Авторы считают, что «понять» — психологически и означает «получить готовую задачу»⁵¹.

Естественным образом возникает вопрос о том, кто же конструирует готовую мыслительную задачу — тот, кто разрабатывает ее условие, или тот, кому предстоит ее решать? Авторы резонно считают, что действительно готовую мыслительную задачу (т.е. ту, которая реально будет подлежать решению) создает тот, кто осуществляет ее решение.

Действительно, задачу дать нельзя — это все равно, что дать человеку цель. «Чужой» целью человек оперировать не может, а «собственная» цель всегда возникает как результат целеобразования. Акт принятия задачи — «это связывание задачи с некоторой уже существующей, актуализированной в данной ситуации (или целенаправленно создаваемой) мотивационной структурой», — указывает О.Д. Тихомиров⁶². Кроме того, преобразования, которые происходят с принимаемой задачей в ходе «связывания» ее с мотивационной структурой личности, а такое преобразование неизбежно в связи со структурирующей функцией мотивов⁵³, происходит еще одно преобразование задаваемых задачей условий и целей. Оно вызвано тем, что если мотивация выступает только как необходимое условие для развертывания мыслительной деятельности, то сама деятельность является таковой только тогда, когда мыслящий понимает смысл и значение собственных действий в данной ситуации, а значит, принятие задачи — это еще и смыслообразование, в ходе которого устанавливаются не только логиче-

ские связи между задаваемыми целями и условиями, но и смысловые.

Более того, только те логические связи будут установлены, которые имеют смысл для принимающего задачу — с элементов условий, соединенных «субъективной логикой», предположительно и начнется поиск решения, мыслительная деятельность. Следовательно, не выяснив того, как сложилась принимаемая задача для воспринимающего ее человека, как она преломилась через прошлый опыт и его интеллектуальные возможности, в результате чего элементы условий и целей приобрели разный ценностно-смысловой «вес», не выяснив содержание и структуру мыслительной деятельности на стадии ознакомления с задачей и ее принятия к решению, трудно понять содержание и направленность мыслительной деятельности на стадии развернутого поиска ее решения.

Процесс восприятия задачи человеком на самом деле является особой мыслительной деятельностью на стадии ее инициации посредством принятия «готовой» задачи, осуществляющегося рядом протекающих параллельно процессов — **целеобразования, смыслообразования, взаимодействия внутренних и внешних мотивов.** Именно под этим углом проблема инициации мышления в процессах принятия «готовых» задач человеком раньше не ставилась.

Общим для всех трех типов инициации является то, что задача, которая традиционно понимается как организующий фактор мышления, с которой связано появление «детерминирующих тенденций», направляющих мышление механизмов типа «соотношения средств и целей», «анализа через синтез», установок и т.д., сама задача является результатом мышления, мыслительной деятельностью на стадии инициации, детерминация которой не вполне понятна. Особенно это относится к «свободной» инициации — самому интересному с психологической точки зрения явлению, хотя с практической точки зрения два других типа инициации мышления представляют интерес едва ли не больший. Нужно избавить людей, жизнь и деятельность которых, так или иначе, включает в себя необходимость ставить перед другими людьми различные задачи, от иллюзий, что люди будто бы «берут» эти задачи в той форме, том ценностно-смысловом содержании, которое предполагает «дающий» задачу. Инициация же «ситуативного» типа вообще является массовым явлением и, наверное, представляет собой наиболее распространенный тип возникновения мышления.

Исследования показали особую роль и значение неформальной, ценностно-смысловой структуры ситуации (О.К. Тихомиров, ИИЗ) в механизмах инициации мыслительной деятельности. Оказалось, что именно она является основным источником психологических новообразований, поскольку с ней связана интеграция различных по своему происхождению и функциям детерминационных потоков, берущих начало в объективной ситуации, в действующей личности, в самой деятельности. Неформальная структура задает контуры того психологического пространства, в котором осуществляется взаимопроникновение и взаимопереход внешнего и внутреннего, объективного и субъективного в новое качество. Ценностно-смысловая структура ситуации выступила как системное образование, конституирующее единство человека, ситуации и деятельности в ней. В связи с этим предложен принцип системной детерминации, как попытка преодоления дуализмов и гипертрофии внешнего и внутреннего в существующих представлениях о детерминации в психологии мышления.

Итак, проблемная ситуация может быть понята как разновидность психологической ситуации. Имея возможность определять типичные формы поведения людей в ситуации познавательного противоречия и индивидуальные реакции каждого из них на саму возможность возникновения мыслительной деятельности при обнаружении «разрыва» в понимании, «знания о незнании», можно предусмотреть такую коррекцию производственной или учебной деятельности, которая позволяет управление мыслительной деятельностью на этапе ее инициации, т.е. на этапе самостоятельного обнаружения и постановки мыслительных задач — наиболее творческого и ответственного этапа мыслительной деятельности.

Подтверждение этому, полагаем, можно найти при осуществлении различных видов деятельности людей, и в частности в уголовно-процессуальной деятельности, связанной с решением криминалистических задач, складывающихся по уголовным делам в различных следственных и судебных ситуациях.

Возможное решение этих задач представляется в следующих частях работы.

Примечания к главе 2

- ¹ Филиппов А.В., Ковалев С.В. Ситуация как элемент психологического тезауруса // Психологический журнал. — 1986. — Т. 7. — № 1. — С. 21.
- ² Словарь русского языка. — Т. 4. — М.: Русский язык, 1999. — С. 100.
- ³ Белкин Р.С. Курс криминалистики. — В 3 т. — Т. 3. — М.: Юристъ, 1997. — С. 135.
- ⁴ Словарь русского языка. — Т. 4. — М.: Русский язык, 1999. — С. 100.
- ⁵ Филиппов А.В., Ковалев С.В. Указ. раб. — С. 14-21.
- ⁶ Там же. — С. 21.
- ⁷ Новая философская энциклопедия. — Т. 3. — М., 2001. — С. 516.
- ⁸ /ахрега К. *(leBliçe* ЗНиаНоп аёг 2еИ - ВегНп, 1931. - 5. 19.
- ⁹ ПСИХОЛОГИЯ: Биографический библиографический словарь. — СПб.: Евразис, 1999. — С. 796.
- ¹⁰ Ясперс К. Общая психопатология. — М.: Практика, 1997. — С. 37.
- ¹¹ Там же.
- ¹² т-
Там же.
- ¹³ Там же. — С. 38.
- ¹⁴ т
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. — С. 345.
- ¹⁸ ¹ Большой толковый психологический словарь. — М.: Вега-Акт, 2000. С. 253.
- См. подробнее: Данилов Ю.А. Роль и место синергетики в современной науке // Онтология и эпистемология синергетики. — М.: Ик-т философии РАН, 1997.
- ¹⁹ Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. — М., 2001. — С. 14.
- ²⁰ Там же. — С. 298.
- ²¹ х
Там же.
- ²² Там же. — С. 14.
- ²³ Там же. — С. 37.

24 ц и т по: *Иосебадзе Т.Т., Иосебадзе Т.Ш.* Проблема бессознательно-го и теория установки школы Узнатдзе // Бессознательное: **природа**, функции. — Т. 4. — Тбилиси, 1985. — С. 36-37.

25 Там же. — С. 37.

26 Там же.

27 *Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю.* Психология «жизненных ситуаций». — М.: Российское педагогическое агентство, 1998. — С. 4.

28 Предмет и система криминалистики в свете современных исследований: Сб. научных трудов. — М.: ВНИИ Прокуратуры, 1988. — С. 3; Перспективы развития криминалистики: Сб. научных трудов. — Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1991.

29 *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия: Монография / Под ред. проф. *Н.П. Яблокова*. — Калининград: Калининград, ун-т, 1997. — С. 16-17.

30 *Выготский Л.С.* Собр. соч. — Т. 1. — М., 1982.

31 *Гегель Г.Ф.* Работы разных лет. — Т. 2. — М.: Мысль, 1971. — С. 228-229.

32 Там же. — С. 229.

33 См.: *Ключко В.Е.* Инициация мыслительной деятельности: Дис. ... д-ра психол. наук. — М.: МГУ, 1991; *Ключко В.Е., Галажинский Э.В.* Самореализация личности: системный взгляд. — Томск, 1999.

34 *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975.

35 *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. — 1998. — № 6. — С. 4.

36 т
там же.

37 См.: *Выготский Л.С.* Собр. соч. — Т. 1. — М., 1982.

38 *Ахманова О.С., Гинзбург Г.С.* К вопросу о диалектике языка и мышления // Проблемы теории познания и логики. — Вып. 1. — М., 1968.

39
Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Указ. раб.

40 *Филиппов А.В., Ковалев С.В.* Указ. раб. — С. 14.

41 См.: *Леонтьев А.Н.* Указ. раб.; *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. — М., 1959.

42
Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. — М., 1959. — С. 13.

43 *Выготский Л.С.* Собр. соч. — Т. 1. — М., 1982. — С. 347.

44 *Филиппов А.В., Ковалев С.В.* Указ. раб. — С. 14-21.

45 *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975.

⁴⁶ См., напр.: *Тихомиров О.К.* Психология мышления. — М.: Изд-во МГУ, 1984; *Тихомиров О.К., Ключко В.Е.* Обнаружение противоречий как начальный этап формирования задачи // Искусственный интеллект и психология. — М.: Мысль, 1976. — С. 176-205; *Тихомиров О.К., Ключко В.Е.* Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности // Вопросы психологии. — 1980 — № 5. — С. 23-31.

⁴⁷ *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 14.

⁴⁸ Там же. — С. 15.

⁴⁹ *Ключко В.Е.* Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М.: МГУ, 1991.

⁵⁰ *Берлайн Д.* Любознательность и поиск информации // Вопросы психологии. — 1966. — № 3. — С. 57.

⁵¹ *Китчак О.Д., Васильев И. А.* Концептуальная модель стадии инициации мыслительного процесса // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. — 2001. — № 2.

⁵² *Тихомиров О.К.* Указ. раб. — С. 28.

⁵³ т
там же.

Глава 3. Понятие, классификация судебно-следственных ситуаций и развитие представления о них как о системе знаний, необходимых для решения криминалистических задач

3.1. Понятие и классификация судебно-следственных ситуаций

Первостепенное значение и особую актуальность приобретает дальнейшее развитие учения о судебно-следственных ситуациях, основные положения которого пронизывают практически все разделы криминалистики и особенно ее тактики и методики расследования. Это обусловлено тем, что само понятие, изначально возникшее как «следственная ситуация», стало одним из центральных в категориальном аппарате криминалистической науки и выполняет в ней теоретическую и практическую функции борьбы с преступностью криминалистическими методами.

В связи с этим вовсе не случайно, на наш взгляд, в криминалистике возникают, закрепляются и приобретают все большее значение связанные с понятием «следственная ситуация» другие понятия, такие как «судебно-следственная ситуация», «судебная ситуация», «оперативно-розыскная ситуация», «криминальная ситуация», «следственная интуиция», «криминалистическая характеристика преступлений», «криминалистическая характеристика предварительного расследования преступлений», «криминалистическая ситуалогия» и др.¹

В них отражаются, и это естественный процесс, тенденции развития науки криминалистики, все больше делающей своим предметом исследование закономерностей в деятельности по установлению свершившегося события преступления (прошлое, ретроспективный процесс) на основе обнаружения и использования следов, сохранившихся в настоящем, ради возможности пресечения подобного в будущем (перспективный аспект), путем разработки ею эффективных технических средств, тактических приемов и методов досудебного и судебного разрешения расследуемого события преступления по существу.

Из науковедения, как отмечено нами ранее, известно, что в анализе развития категориального аппарата, которым пользуется

наука, раскрывается внутренняя логика ее собственного движения, которая и действует «за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины»². Для теории криминалистики проблема обнаружения внутренней тенденции развития науки, безусловно, является актуальной, поэтому понятие «следственная ситуация» является новым, нарождающимся, малоисследованным и требующим к себе дополнительного внимания ученых и практиков. И в том, как развивается содержательная сторона этого понятия, что нового оно привносит в теорию и практику, какова от него польза, следует видеть положительные изменения профессионального мышления криминалистов.

Особенность следственной ситуации обусловлена тем, что она сама является результатом познавательной деятельности по расследованию преступлений, но таким результатом, который включается в содержание деятельности и детерминирует ее последующую направленность и избирательность. Такое свойство, как известно из теории систем, является точным признаком самоорганизующихся систем³.

Понятие «следственная ситуация» до второй половины 60-х гг. XX столетия в советской криминалистической литературе отсутствовало. Нам не удалось найти работы, в которых бы прямо было сказано о понятии, классификации, содержании следственной ситуации, ее месте в системе криминалистики и роли в раскрытии и расследовании преступлений⁴.

Вместе с тем, полагаем, нельзя считать, что как отечественные, так и зарубежные криминалисты «не чувствовали» феномена «следственная ситуация», играющего важную роль в раскрытии и расследовании преступлений. Их рекомендации по технике, тактике и методике расследования преступлений, конечно же, основывались на сложившемся положении в расследовании, чему свидетельств великое множество. Таковы, например, рекомендации о допросах свидетелей, обвиняемых, о производстве осмотра, обыска, об обнаружении различных следов преступлений и др.⁵ Такие рекомендации разрабатывались не только для предварительного расследования, но и для суда⁶.

Однако разработка следственных ситуаций практически началась лишь с конца 60-х — начала 70-х гг. и в целях обслуживания предварительного следствия. Появились вначале две работы, в которых обращалось внимание не только на значение и необходимость теоретического изучения следственной ситуации, но также были предложены ее определения. Так, в 1967 г. А.Н. Колесничен-

в своей докторской диссертации, выполненной в Харьковском юридическом институте, высказал идею о необходимости ввести в научный оборот понятие «следственная ситуация», которая представляет собой «определенное положение в расследовании преступлений характеризующее наличием тех или иных доказательств и информационного материала и возникающими в связи с этим конкретными задачами его собирания и проверки»⁷. Этот подход, полагаем, по своей сути был верным.

Почти одновременно с А.Н. Колесниченко, в этом же 1967 году, на научной конференции юридических факультетов Томского государственного университета В.К. Гавло в своем докладе пришел к выводу о возможности повышения эффективности производства следственных и оперативно-розыскных действий и расследования на базе разработки понятия следственной ситуации как категории науки криминалистики. Следственная ситуация определялась как обстановка, складывающаяся в результате возбуждения уголовного дела и его разрешения по существу, в основе которой находится «совокупность фактических данных, отражающих существенные черты события на определенный момент расследования преступления»⁸. Были показаны методы расследования отдельных видов преступлений, основанные на выделении типичных следственных ситуаций, реализованные в методе ситуационного подхода затем в своей кандидатской диссертации⁹.

Такой взгляд на следственную ситуацию отражал в ней главные компоненты: информационный аспект (наличие или отсутствие фактических данных, доказательств, криминалистически значимой информации о расследуемом событии и его обстоятельствах); этапность возникновения и разрешения ситуаций; временная динамичная характеристика ситуаций. Предложенные позиции характеризовали следственную ситуацию в так называемом ее узком смысле, а именно с точки зрения информационной осведомленности следователя о расследуемом событии преступления и его отдельных обстоятельствах.

Фактически эти точки зрения на понятие и содержание «следственной ситуации» привлекли внимание многих авторов монографий, учебных пособий, докторских и кандидатских диссертаций по тактике и методике расследования преступлений, результаты исследования которых значительно расширили, уточнили и углубили представления исследователей о следственной ситуации и ее Роли в повышении эффективности предварительного расследования¹⁰.

Дальнейшим толчком к исследованию проблемы следственной ситуации явились работы А.Н. Васильева и Н.П. Яблокова, которые выделили шесть групп следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования, тем самым быд, типизированы и детализированы следственные ситуации в отличии от трех направлений расследования, предложенные ранее Г.Н. Мудьюгиным¹¹. «В методике расследования, — отметили А.Н. Васильев и Н.П. Яблоков, — имеют большое значение рекомендации по определению основных направлений в расследовании в зависимости от следственных ситуаций, складывающихся в начале расследования»¹².

Определения следственной ситуации они не дают, но ее содержание связывают со сведениями о событии преступления, виновном лице, наличии или отсутствии иных обстоятельств по расследуемому уголовному делу. Содержательная информационная сторона ситуации, полагаем, обозначена и здесь верно, что позволяет отнести их к ситуациям, также толкуемым в узком смысле.

Интерес к проблематике следственных ситуаций позже, в 1972 году, проявил и В.Е. Корноухов, который под следственной ситуацией понимал «объективно повторяемое положение в процессе расследования, обусловленное фактическими данными, которое определяет процесс обнаружения, собирания доказательств»¹³. Анализируя этот подход к следственной ситуации, Р.С. Белкин на этот счет заметил, что В.Е. Корноухов «дал характеристику не следственных ситуаций вообще, а типичных следственных ситуаций ("объективно повторяемое положение")»¹⁴.

В то же время считаем, что В.Е. Корноухов правильно, как и другие авторы, назвал базовый элемент следственной ситуации — информационный, фактические данные. Но он выделил в ней другой классификационный аспект — типичность, хотя и не раскрыл его.

И подчеркнем, что это были первые попытки осмыслить нарождающееся теоретическое направление мысли в исследовании следственных ситуаций, во всей их сложности, многозначности и привлекательности.

Минская научная конференция 1973 года, организаторами которой явились Н.А. Селиванов и А.А. Эйسمан, вновь привлекла внимание ряда докладчиков. Так, из 44 докладов четыре (В.П. Бахин, В.К. Гавло, Н.Л. Гранат, И.Ф. Герасимов) были посвящены следственным ситуациям¹⁵. Позже появились публикации, в которых под разным углом зрения рассматривались отдельные

сложные вопросы следственной ситуации. Итогом дискуссии были монографии, учебники, сборники научных трудов, в которых выступили многие авторы (И.В.Александров, Р.С. Бел-Т.С. Балугина, О.Я. Баев, В.И. Беджашев, И.А. Возгрин, д.д'Беляков, И.Ф.Герасимов, Ф.В. Глазырин, Н.Л.Гранат, В.В. Гавло, А.Н. Гусаков, Л.Я. Драпкин, А.И. Дворкин, И.М. Луз-д.д.ф. Облаков, В.А.Образцов, И.Ф.Пантелеев, А.С. Шаталов, О.И. Шиканов, В.Г. Танасевич, Л.Л. Каневский, В.Я. Колдин, В.И. Куклин, А.Р. Ратинов, В.И. Комиссаров, В.Н. Карагодин, Г.Ю- Косарев, В.П. Лавров, М.А. Лушечкина, А.А. Хмыров, Г.А. Седова, В.И. Рохлин, Д.А. Турчин, Г.А. Зорин, А.Г. Филиппов, В.В. Ключков, Н.П. Яблоков, Е.Е. Центров, В.Е. Эминов, В.В. Яро-венко и многие другие теоретики и практики, перечисление фамилий которых заняло бы не одну страницу)¹⁶.

Анализ работ названных и других авторов по проблемам формирования, распознавания и разрешения следственных ситуаций в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел свидетельствует о чрезвычайной их актуальности, имеющей большое теоретическое и практическое значение, особенно в разработке и использовании новых, наиболее эффективных технических средств, тактических приемов и методик ведения следствия.

Естественно, что здесь не представляется возможным рассмотреть не только все, но даже большую часть весьма интересных и дискуссионных высказываний по этой проблеме. Это дело будущих исследований и исследователей. И все же полагаем необходимым предложить на обсуждение нынешнее видение и решение некоторых наиболее сложных теоретических вопросов о следственных ситуациях, имеющих большое практическое значение. Среди них в первую очередь выделим вопросы о понятии, содержании и классификации следственных ситуаций, а затем и их разрешении на досудебных и судебных стадиях производства по уголовным делам.

При производстве дознания и предварительного расследования преступлений следователь решает сложные проблемные задачи по раскрытию преступлений и изобличению виновных¹⁷. Как правило, ему приходится встречаться с различной обстановкой и условиями, в которых он оказывается в результате возбуждения уголовного дела публичного (ст. 146 УПК РФ) обвинения.

Речь идет об обстановке расследуемого события преступления, которая обычно уже предстает перед следователем либо при ос-

мотре места происшествия, либо при изучении материалов и данных, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела» (ст. 140 УПК РФ), а затем и по ходу всего расследования. Эта одностановка всегда характеризуется определенной системой фактических и иных достаточных данных, указывающих на признаки преступления, и отражает условия, ход и состояние как производства отдельных следственных, оперативно-розыскных и иных организационно-технических действий, так и расследования в целом¹⁸.

Складывающаяся таким образом по ходу расследования обстановка, полагаем, и есть та «следственная ситуация» определение и учет которой на практике является стратегической задачей и стержневой проблемой науки криминалистики в деле борьбы с преступностью криминалистическими методами. Переоценить значение ее невозможно, поскольку повышение эффективности расследования, как показывает анализ практики, возможно, в частности, на пути научного познания и выделения в отдельных методиках типичных следственных ситуаций и разработки соответствующих им тактико-технических приемов и правил работы следователя по раскрытию и расследованию преступлений. **Таким образом, возникает следственная ситуация как объективное состояние конкретной криминалистической системы в некотором вполне определенном временном промежутке предварительного, а если дело доходит до суда, то и судебного следствия.**

В криминалистической системе возникают криминалистические задачи, требующие своих методов решения.

Деятельность следователя, органа дознания, прокурора и суда в таком случае значительно упорядочивается. Уровень энтропии¹⁹ как мера степени неопределенности в получении и использовании фактических и иных данных о расследуемом событии понижается. Появляется благоприятная перспектива дальнейшего применения ЭВМ и новейших технологий на основе разработки алгоритма²⁰ расследования, рассчитанного на типичную следственную ситуацию.

Алгоритм расследования преступлений — это научно обоснованное, точное изложение последовательности следственных, оперативно-розыскных и иных организационно-технических действий и мероприятий следователя, их комплексов, комбинаций, применительно к складывающимся следственным ситуациям, выполнение которых обеспечивает решение поставленных задач по раскрытию и расследованию преступлений. Поэтому, прежде чем приступить к расследованию, планированию и производству след-

078 е^нных и иных действий в сложившейся обстановке, необходимо
Со^{ри}е^ентироваться на типичную следственную ситуацию, ее воз-
можные варианты, пути решения в деле установления истины.

МО^б Пр^б лема алгоритмизации расследования отдельных видов
пр^еступлений решается трудно²¹. На этом пути много еще не по-
знанных, нерешенных и спорных вопросов, и в частности свя-
занных с определением понятия следственной ситуации как базово-
го элемента алгоритмизации хода расследования, ее системы и
структуры- классификации и многих других.

Понятие «следственная ситуация» еще не стало, а, как пред-
ставляется, лишь становится криминалистической категорией и не
нашло фундаментального теоретического решения в уголовном
судопроизводстве и криминалистике.

Материалы судебной и следственной практики, изученные ав-
торами, а также проведенные ими в целях решения поставленных
вопросов социологические исследования свидетельствуют о том,
что при дознании, предварительном расследовании и судебном
рассмотрении особенно сложных, групповых дел в сфере экономи-
ки, о коррупции, взяточничестве, убийствах, разбоях и других ор-
ганизованных преступлениях далеко не всегда обеспечивается
полное и всестороннее рассмотрение обстоятельств совершения
преступления. Часть уголовных дел согласно п. 3 ст. 221 УПК РФ
прокурор возвращает следователю для производства дополни-
тельного следствия.

Основной проблемой возвращения уголовных дел для произ-
водства дополнительного дознания и следствия являются допус-
каемые дознавателями и следователями нарушения требований
ст.ст. 73 и 85 УПК РФ об установлении всех обстоятельств, под-
лежащих доказыванию и имеющих значение для уголовного дела.
Среди них: отсутствие необходимых судебных экспертиз (8%), не-
верное исчисление материального ущерба (9%), отсутствие допро-
сов фигурантов по делу (7%), отсутствие характеризующего мате-
риала на подозреваемых, потерпевших и др.

Имеются нераскрытые преступления, число их достигает сотен
тысяч и становится угрожающим. Например, по состоянию на де-
кабрь 2005 г. из 3236234 зарегистрированных преступлений в
ДЮБг. не раскрыто 1453209. Выборочное изучение 250 уголовных
дел^{дел} показало, что в подавляющем большинстве случаев это связа-
но^{но} с неполнотой предварительного следствия и характеризуется
бедующими данными: не выдвинуты и не проверены объективно
все^{все} возможные версии по обстоятельствам дела — 22%, не уста-

новлены обстоятельства, существенные для квалификации преступления, — 28%; неполно проверены доводы обвиняемого о невиновности — 21 % и др.

Одна из причин этого — неправильное уяснение по имеющим, ся фактическим и иным данным исходных следственных ситуаций и ситуаций, складывающихся в процессе дальнейшего расследования уголовных дел, не придание им соответствующего значения. В свою очередь, это приводит к ошибочному определению направлений расследования, ненадлежащему выбору комплекса следственных и иных действий, последовательности производства их при проверке версий, утрате доказательств.

Например, на вопрос анкеты: «Почему, по Вашему мнению, не раскрываются сложные преступления?» — 41 % опрошенных следователей прокуратуры и милиции в числе других причин назвали, в частности, сложность исходных следственных ситуаций и ситуаций дальнейшего расследования, неправильную оценку их и, как следствие, неправильный выбор системы следственных, оперативно-розыскных и иных действий. А на вопрос о том, что они понимают под следственной ситуацией и какое содержание они в нее вкладывают, получены различные, интересные ответы типа: место, обстановка, которая окружает следователя; обстановка, в которой ведется предварительное расследование (60%); все то, что требуется для расследования (наличие оргтехники, связи, транспорта и т.п.), включая опыт, знания и психические качества следователя, дознавателя, прокурора, оперативных работников (47%). Опрошенные судьи и государственные обвинители считают, что следственная ситуация — это и есть та обстановка, которая складывается в ходе либо предварительного следствия, либо судебного разбирательства, либо судебного следствия (50%), т.е. связывают ее с субъектом правоприменительной деятельности.

Изложенное свидетельствует не только о необходимости внедрения в практику расследования устоявшихся представлений о следственной ситуации, ее значении, возможностях, но и дальнейших ее теоретических исследований.

Состояние нынешних исследований позволяет все многообразие точек зрения по вопросу о понятии и содержании следственной ситуации условно свести к двум, учитывая, что в каждой из них имеются и промежуточные, в строгом смысле слова, размывающие границы позиций.

Согласно первой точке зрения, в понятие и содержание следственной ситуации входит обстановка расследования или опреде-

положение в расследовании, характеризующееся «наличием
иных доказательств и информационного материала и воз-
можными в связи с этими конкретными задачами его соби-
рания проведением»²² и для расследования информации, кото-
рая принимается во внимание наряду с источниками ее получе-
ния²³ или как «конкретная следовая картина», возникающая к
моменту обнаружения признаков преступления²⁴. Для вышепри-
веденных и подобных взглядов примечательно то, что авторы в
понятие следственной ситуации правильно включают такой ее
компонент, как обстановка, характеризующаяся наличием, сово-
купностью доказательств, фактических данных, суммой информа-
ции, следовой картиной на конкретный момент и этап расследова-
ния, то есть то главное, что определяет ее содержание, — объем
собранных сведений, их информационная значимость для выдви-
жения и проверки следственных версий, определения направления
расследования. Полагаем, такого рода взгляды на следственную
ситуацию правильны, но они характеризуют ее, как было отмече-
но, в узком смысле. Именно это понятие имеет наибольшее прак-
тическое значение. Толкование следственной ситуации в узком
смысле несколько сужает круг условий ее формирования, о чем
считают представители второй точки зрения, но оно оправданно
и уже оправдалось временем. В подавляющем числе моногра-
фий, учебно-методических пособий отражен именно информаци-
онный аспект следственной ситуации.

Представители другой точки зрения полагают, что в понятие и
содержание следственной ситуации должны входить и другие эле-
менты, компоненты, условия как равнозначные, например: оценка
следственной ситуации², компоненты психологического, матери-
ального, организационного, технического характера и др., воз-
можности судебных экспертиз, квалификация эксперта, опыт,
трудолюбие следователя, наличие или отсутствие²⁷ у него в произ-
водстве других дел, сроки расследования и т.п." При таком тол-
ковании следственная ситуация, как представляется, **охарактери-
зована в широком смысле**. То есть в нее включаются разнообраз-
ные условия, которые в той или иной мере оказывают влияние на
эффективность расследования преступлений. Такой взгляд на
следственную ситуацию также вызвал возражения. Интересные
Рассуждения о неприемлемости подобной трактовки понятия
следственной ситуации привели в своей работе А.Г. Филиппов и
А.-Я. Целищев²⁸.

Вторая анализируемая точка зрения действительно **характеризует следственную ситуацию в широком смысле и чрезмерно широка**. Ею охватываются не равнозначные по своей сущности компоненты, которые лежат и за пределами «узла» следственной ситуации. То есть той содержательной части ее, первоосновы, которая несет главную доказательственную и иную информацию, представляет «совокупность фактических признаков деяния в их истинном правовом значении»²⁹ о происшедшем и расследуемом событии преступления, лице, его совершившем, и других обстоятельствах предмета доказывания. Полагаем, что система фактических и иных информационных данных действительно «диктует» следователю алгоритм выполнения задачи, показывая ход и отражая состояние расследования, независимо от того, болен следователь или только утомлен, есть ли у него в производстве дела или нет, достаточно ли квалифицированный эксперт работает с ним, располагает ли следователь средствами связи и т.п.

Эти факторы (условия), безусловно, имеют место в реальной действительности, могут оказать влияние на расследование (затормозить, ускорить), создать «затруднительное положение»³⁰, но они не главные, подчиненные и лежат за пределами развития ситуации расследования как криминалистической категории.

Если встать на позицию сторонников анализируемой точки зрения, то «это исключило бы возможность типизации ситуации и, значит, сделало бы разработку данной проблемы практически бессельной»³¹, поскольку объем ее неоправданно бы увеличился за счет элементов, не существенных для расследования.

Ключ к разрешению названной проблемы лежит в информационном поиске объективной зависимости между действиями (бездействием) субъекта по совершению преступления, следами-последствиями, объективно отражающимися в окружающей среде в виде признаков преступления, и задачей быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения виновных и справедливого наказания.

Поскольку уголовное дело может быть возбуждено только при наличии законного повода и достаточных данных, указывающих на признаки преступления, состояние и ход расследования будут всегда определяться главным — наличием или отсутствием по делу информационной базы, фактических данных, сведений, суммы значимой информации, доказательств, их объемом. Так, если к следователю поступают материалы внезапной ведомственной ревизии, в которых имеются указания о выявлении по подотчету

кассира крупной недостачи денежных средств, явившейся следствием организованного хищения в крупном размере, частичном признании лица в хищении, его попытке представить ревизору подложные документы и таким образом скрыть недостачу, то в данном случае налицо законный повод и основание для возбуждения уголовного дела, предусмотренные ст. 140 УПК РФ, по факту хищения — достаточные данные, указывающие на признаки хищения.

Несмотря на то, что поступившие данные, как сведения-сигналы о фактах хищения (выявлена недостача, по размерам крупная, является результатом хищения и т.д.), хотя еще и не установлены следственным путем и поэтому не имеют значения доказательств, определенных ст. 74 УПК РФ, они объективно обрисовывают доследственную ситуацию возникшего события до возбуждения уголовного дела (если нужна предварительная проверка, то провести ее нужно путем получения объяснений, истребования документов и т.п. в порядке ст. 144 УПК РФ), т.е. характеризуют то правовое состояние обстановки, предшествующее возбуждению дела, в которой начинает действовать следователь, именно исходя из объема имеющейся информации, ее значимости.

После возбуждения уголовного дела данные, на основе которых в определенном законом порядке следователь устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего его, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, переходят в доказательство как установленные³². Например, допрошенное в качестве свидетеля материально ответственное лицо признало некоторые факты и корыстный мотив хищения, назвало способы и соучастников преступления. Криминалистическая экспертиза установила новые факты подделки документов. При обыске обнаружены значительные суммы денег, ценности, свидетельствующие о широких масштабах хищения. Два человека явились с повинной и дали показания по обстоятельствам дела, назвали организатора, время начала хищения, сумму похищенного ими и т.п.

Как видно, в этом случае складывается следственная ситуация, которая характеризует состояние и ход расследования хищения (версия о хищении и виновности лица подтверждается доказательствами, установлены новые обстоятельства и т.д.). Это одна из типичных ситуаций на этом этапе расследования. В основе ее опять-таки лежат главные показатели — наличие или отсутствие

криминалистически значимой информации, сведений, фактических и иных данных по делу.

Такое развитие ситуации характерно для расследования и других видов преступлений, разумеется, с учетом особенностей их совершения и расследования.

Таким образом, объем и значимость имеющихся фактических и иных данных о расследуемом событии, его обстоятельствах — это базовый, назовем его **правовой признак**, объективно отражающий существенную грань следственной, а не какой-либо иной ситуации: военной³³, социально-психологической³⁴, медицинской³⁵, экономической³⁶ и др. Он должен стоять на первом месте, поскольку является своего рода сигналом на преступление и его признаки, проявившиеся вовне, что и обязывает следователя принимать решения по расследованию, исходя из этих данных и задачи уголовного судопроизводства.

Придавая важное значение информационным данным и информационной структуре следственной ситуации и таким образом характеризуя ее в узком смысле, необходимо, чтобы информационная структура ее строилась, как верно пишет Н.П. Яблоков, «из самых разнообразных сведений по назначению, форме и содержанию»³⁷. Эти сведения проистекают из многочисленных условий, в которых оказывается следствие и которые могут существенно влиять на его ход, состояние и результаты. **Включенные в следственную ситуацию, они характеризуют ее в широком смысле как систему тех условий, которые оказывают влияние на особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. Значит, в структуру следственной ситуации необходимо включать и те сведения, которые вытекают из условий расследования, а следовательно, и условия расследования, которые влияют на решение криминалистических задач. И в этом плане прав В.Ю. Шепитько, считая, что в широком смысле следственная ситуация представляет собой совокупность всех условий, которая «...наиболее полно характеризует и отражает все, что влияет и может влиять на расследование преступления»³⁸.**

Анализ судебно-следственной практики и литературы позволяет прийти к выводу, что **информационная структура следственной ситуации может состоять из данных, относящихся к криминалистической характеристике отдельных видов и групп преступлений и проявляющихся по ходу расследования, показывая тем самым, какие из них известны (неизвестны) на начало расследования, установлены (не установлены) в его ходе, каково их сочетание***

зна³⁹чение и к криминалистической характеристике расследования преступлений, отражающих сведения об обстановке, в которой выявлено преступление и возбуждено уголовное дело, производя следственные, оперативно-розыскные, организационно-технические действия, применяются технико-криминалистические средства, тактические приемы, методы расследования для достижения задач уголовного судопроизводства.

Такое понимание информационной структуры следственной ситуации представляется предпочтительнее, так как оно точно определяет основу и поле нахождения фактических и иных данных следственной ситуации как результат, факт ее образования, о чем речь шла во второй главе. В связи с этим следует уточнить предложение В.Г. Танасевича, который выделял в «следственной ситуации» две части: фактическая, характеризующаяся результатами, достигнутыми к определенному моменту расследования; перспективная, вытекающая из оценки первой части и состоящая в определении путей и средств, обеспечивающих их оптимальное разрешение»⁴⁰. Полагаем, что выделение перспективной части следственной ситуации, как и ее оценка, выходит за рамки следственной ситуации и характеризует непосредственно расследование, его процесс, в лучшем случае, его динамику, но не информационную структуру.

Можно назвать следующие основные информационные элементы следственной ситуации:

- следственные и оперативно-розыскные данные о способе, механизме, личности субъекта преступления, объекте и предмете преступного посягательства, личности потерпевшего, обстановке, мотиве, цели и других обстоятельствах расследуемого события преступления;
- следственные и оперативно-розыскные данные в целом о расследуемом событии;
- наличие доказательств о расследуемом событии и его отдельных обстоятельствах;
- данные о возможной инсценировке расследуемого события;
- сведения о возможных источниках получения фактических и иных данных;
- данные об обстановке, в которой выявлено, возбуждено уголовное дело, начато расследование и проводятся первоначальные следственные и иные действия;
- данные об обстановке, в которой ведется расследование после производства первоначальных следственных и иных действий;

- сведения о противодействии следствию со стороны заинтересованных лиц;

- данные, затрудняющие расследование, как следствие сложность обстановки и условий по сохранению отдельных доказательств.

На этот счет имеются и другие предложения. Так, И.Ф. Гусилов к числу компонентов следственной ситуации отнес, например, следственные действия и другие мероприятия, намеченные уже выполненные, запланированные, но еще не выполненные следственные и другие действия, оценку следственной ситуации а Н.П. Яблоков - «сведения о том, какие запланированные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия еще удалось провести и почему»⁴².

(Исследование показывает, что учет этих обстоятельств важен но это не элементы следственной ситуации, а элементы процесса расследования либо средство получения вышеназванных данных, например «намеченные следственные действия», либо элемента оценки следственной ситуации, например «почему не удалось провести». Сама же «оценка следственной ситуации», как верно считают Р.С. Белкин, Н.П. Яблоков, в понятие и содержание ситуации не входит⁴³.

Выделенные элементы следственной ситуации, как показывают практика, «работают» в ее системе все вместе, хотя не исключается, что для раскрытия преступлений, установления всех обстоятельств по делу решающими окажутся некоторые из них. Отсюда возникают практические задачи тщательного учета и оценки в методике расследования отдельных видов и групп преступлений, во-первых, всех условий и обстоятельств, факторов, создающих конкретные следственные ситуации, ибо «конкретный анализ конкретной ситуации - таково требование материалистической диалектики»⁴⁴, во-вторых, признаков следственной ситуации, познание которых ведет к выделению типичных следственных ситуаций, а на практике — к «мгновенному схватыванию», распознаванию складывающейся на определенный момент расследования «своей» следственной ситуации, поскольку не существует двух совершенно одинаковых обстановок расследования.

Решение этой задачи возможно с позиций системно-структурного анализа, теории управления сложными системами, методологии решения управленческих задач⁴⁵. Методологически это правильный путь, поскольку он позволяет использовать общую технологию выработки и принятия решений в специфических ус

ловиях расследования и складывающихся следственных ситуаций.

Следственная ситуация как система формируется под влиянием объективных, субъективных и случайных факторов⁴⁶. Все они находятся в единстве, взаимосвязи и представляют взаимодействие субъективного и объективного⁴⁷ на определенный момент расследования, отражая главные сформировавшиеся черты следственной ситуации — «ход и состояние расследования преступления, совокупность установленных и подлежащих установлению обстоятельств, значение и сложность тех и других, степень разрешения иных задач расследования на данный момент»⁴⁸. При этом важно отметить и ту особенность, что следственная ситуация рождается на пересечении субъекта расследования с окружающей его обстановкой, которая «посылает сигналы» о преступлении и его признаках. Предметы и явления объективного мира с признаками преступления субъект расследования воспринимает как обстановку, имеющую для него определенный смысл, значение и ценность.

Сочетание условий и обстоятельств, факторов, создающих следственную ситуацию, необходимо рассматривать как ее составляющие, блоки. Они вытекают из сущности воздействия совершенного и расследуемого преступления, появлении в нем следов-последствий, выраженных в данных его криминалистической характеристики, устанавливаемой по ходу и в условиях расследования.

Логика развития следственной ситуации такова, что она (как управляемая система) в силу воздействия на нее следователя (как управляющая система), по общему правилу, всегда переводится в новое качественно лучшее состояние, начиная от времени возникновения ее в силу возбуждения уголовного дела и заканчивая установлением по нему истины.

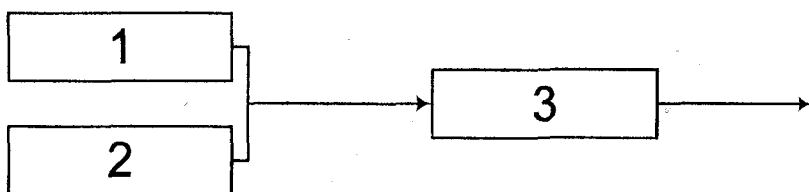
Следователь вначале, как правило, не располагает необходимыми знаниями (информацией) о расследуемом событии в Целом или его отдельных обстоятельствах, но он имеет определенный «срез» сложившейся ситуации, произведенный в соответствии с целями расследования, действиями. Этот «срез» обладает^{0п} Рделенной информационной насыщенностью — признаками ситуации — сведениями, относящимися к элементам криминалистической характеристики и обстоятельствам, условиям расследуемого^{го} события преступления.

Признаки ситуации по понятию не тождественны признакам преступления⁴⁹. Первые включают признаки преступления и уподобляют их структурно, объединяют в типичную систему признаков ситуации с указанием места, времени, способов совершения преступления, личности виновного, источников информации, количественных и качественных характеристик, фактических и иных данных, наличия или отсутствия их, условий, в которых начато и осуществляется расследование.

Следственные ситуации и их признаки, таким образом, не есть беспорядочные сведения о ходе и состоянии расследования, а представляют собой стройную систему данных о нем, которые характеризуют связи относительно элементов криминалистической характеристики преступлений и обстоятельств расследования.

Принципиальная блок-схема возникновения и развития следственной ситуации и ее признаков может быть изображена так:

Схема 1

1-2 — воздействие признаков преступления, проявляющееся вовне как сигнал к действию: досудебному и судебному производству по уголовному делу.

3 — формирующаяся криминалистически значимая информация о преступлении, следственной ситуации и путях их разрешения.

Разнообразие криминалистически значимой информации о преступлении, влияющей на формирование следственных ситуаций, ставит задачу их типизации. Пути решения ее могут быть такими: идти по линии выделения следственных ситуаций и их признаков применительно к классификации преступлений в методике расследования, о которой шла речь, ранее, с учетом иерархии многочисленных подсистем общей системы следственных ситуаций, типа «преступник — потерпевший», «преступник — потерпевший — мотив преступления», «преступник — потерпевший — очевидцы преступления», когда на начало расследования имеются фактические и иные данные о преступнике и о потерпевшем и ко-

Где их нет, или есть данные об одном из них, когда лицо задержано на месте происшествия или оно скрылось и т.п. Могут быть и другие решения. Но, во всяком случае, формирующиеся следственные ситуации требуют серьезной их оценки.

Оценка следственной ситуации, полагаем, должна быть выделена в самостоятельный блок (блок 4), как элемент не ситуации, а системы расследуемого события. Такой вывод закономерен, поскольку оценка следственной ситуации осуществляется после ее образования, т.е. сформирования единого целого, качественно отличного системного образования. Нельзя оценивать то, чего еще нет.

Отдельные факты, явления, информационные сообщения, которые образуют следственную ситуацию, следовательно, естественно, оценивает с точки зрения относимости, допустимости, значимости. Так, при осмотре места происшествия по делу о краже следователь может обнаружить следы взлома, орудия взлома. Приобщая к делу, следователь одновременно оценивает их. Но оценка их как отдельных фактов, обстоятельств, явлений, которые повлияют на формирование следственной ситуации, не есть оценка самой ситуации кражи.

Оценка следственной ситуации преследует иные задачи. Основные из них:

- уяснить ситуацию с точки зрения наличия, отсутствия содержащихся в ней элементов криминалистической характеристики, их связей и отношений, значимости;
- выделить воздействующие внутренние или внешние факторы, затрудняющие, облегчающие расследование;
- охарактеризовать состояние расследования.

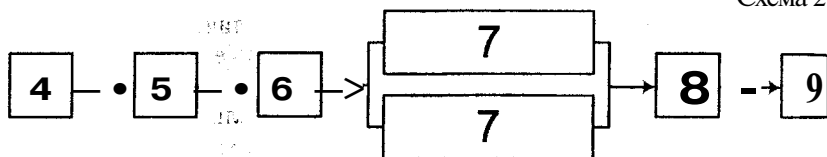
Оценить следственную ситуацию на данный момент — значит логически правильно отработать ее как основу для прогнозирования, выдвижения и проверки версий расследования. Следует учитывать два важных, полярных, подхода в оценке следственной ситуации.

Следователь располагает фактическими и иными данными в целях разрешения задач расследования, не испытывает интеллектуального и иного порядка затруднений, видит перспективу расследования и особенно ближайших задач. Этот вариант можно отнести к оценке беспроблемной ситуации.

Другой вариант, наоборот, относится к проблемной ситуации. Проблемная ситуация понимается нами как сложная динамическая система информационного характера, возникающая в опре-

деленных временных рамках как результат избирательного воздействия человека с окружающей средой, но содержащая внутри себя противоречие, которое, будучи обнаруженным и сформулированным человеком, задает направленность всей его мыслительной деятельности для преодоления возникшего противоречия решения поставленной задачи. **Проблемная следственная ситуация** — это сложившаяся в ходе расследования обстановка, характеризующаяся состоянием интеллектуального и иного порядка затруднений следователя, когда он не может в данный момент установить обстоятельства расследуемого события на основании имеющихся фактических и иных данных и оказывается перед необходимостью увеличить их объем посредством известных в целях решения задачи уголовного судопроизводства. Перспектива получения их затруднена. При этом следует иметь в виду, что в проблемной ситуации, как правильно пишет К.А. Славская, «исходные данные, условия должны привести к раскрытию неизвестного. Это последнее обнаруживается через свою связь с тем, что известно»⁰¹.

Продолжение развития следственной ситуации можно изобразить следующей блок-схемой:

4 — оценка следственной ситуации: а) по способу и механизму совершения преступления; б) по личности субъекта преступления; в) по объекту и предмету посягательства; г) по мотиву преступления; д) иным признакам, которые входят в криминалистическую характеристику преступлений и отражают ход и состояние расследования;

5 — прогнозирование расследования;

6 — выдвижение и проверка следственных версий;

7 — фактические и иные данные, полученные в результате проверки следственных версий;

8 — новая следственная ситуация и ее признаки... цикл повторяется;

9 — задачи расследования выполнены.

а оценку следственной ситуации не входит прогнозирование (следования (блок 5). Данное направление в методике расследования и в целом в криминалистике фактически только начинает вникать, хотя значение его для достижения цели расследования огромно⁰².

Прогнозирование в методике расследования преступлений можно определить как вид познавательной деятельности следователя, направленной на формирование вероятностного научно обоснованного суждения относительно состояния и развития будущего хода расследования для достижения целей уголовного судопроизводства. Его целесообразно осуществлять на основе анализа конкретной следственной ситуации, ее оценки, опыта и тенденций расследования дел в аналогичных условиях с применением специальных методов прогнозирования: экстраполяции, моделирования, экспертной оценки и др. Названные методы чаще других применяются в расследовании.

Процесс формирования и развития следственной ситуации, которая объективно отражает внутреннее состояние и ход расследования на основе фактических и иных данных, имеющих существенное значение по делу на данный момент, можно показать на примере из следственной практики, используя приведенную блок-схему.

1. Воздействие на следственную ситуацию признаков преступления как факторов и условий ее образования.

Дежурный по отделению милиции Орлов 7 марта в 10 часов принял устное заявление главного врача больницы Мовчуна о том, что он в ночь с 6 на 7 марта около гаража больницы из своего охотничьего ружья убил Романова на почве ревности. По этому заявлению был составлен протокол явки с повинной, а на место происшествия выехала оперативная группа. При осмотре места происшествия было установлено, что в 30 м от гаража больницы находится труп, который опознан односельчанами как труп Романова. По заключению судебного медика смерть Романова наступила от повреждения груди, живота и жизненно важных органов в результате огнестрельного ранения примерно в 2-3 часа ночи с 6 на 7 марта. В ходе осмотра были обнаружены и изъяты различные следы (следы ног, предметы с пятнами, похожими на "Ровь, пыжи и др.) Мовчун в ходе осмотра выдал ружье, хранившееся в гараже. К этому времени была получена и иная оперативно-розыскная информация. После осмотра места происшествия Мовчун был задержан в качестве подозреваемого в порядке

ст. 100 УПК РФ и против него было возбуждено уголовное дело по признакам ст. 105 УК РФ.

2. Сложилась ли на данный момент следственная ситуация? Да. Сложилась исходная следственная ситуация, которая характеризуется определенными фактическими и иными данными, достаточными для развертывания и определения направления расследования по подозрению в убийстве, совершенном Мовчуном. Ее образовали следующие источники и содержащиеся в них данные: протокол явки с повинной Мовчуна и имеющиеся в протоколе сведения о расследуемом событии убийства; протокол осмотра места происшествия и его результаты (труп опознанного человека, данные о способе убийства, причине смерти, следы преступления, произошедшие изменения в обстановке совершения преступления и т.п.); протокол задержания и его данные; сведения оперативного характера. В целом они объективно отражают внешнюю и внутреннюю информацию о расследуемом событии.

3. Оценка сложившейся ситуации свидетельствует о взаимосвязи в ней элементов криминалистической характеристики убийства, предусмотренного ст. 105 УК РФ (способ, механизм, место, время указывают на умышленное убийство; мотив убийства - ревность, расправиться с потерпевшим за оскорбление и др.). Совокупность фактических и иных данных о событии налицо и не вызывает затруднений с расследованием дела.

4. Прогнозирование будущего хода расследования следователь связывал с подтверждением предположений об убийстве Романова на почве мести, ревности, обиды, расправы (ст. 105 УК РФ) или как убийстве, совершенном при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ).

5. Исходя из сложившейся ситуации следователь выдвинул такие версии: Мовчун совершил убийство Романова на почве мести, ревности, расправы, в состоянии необходимой обороны.

6. Для проверки выдвинутых версий был намечен и проведен широкий комплекс следственных, оперативно-розыскных и иных действий: допрос и освидетельствование подозреваемого Мовчуна, судебно-медицинская, судебно-баллистическая экспертизы, выявлены и допрошены многочисленные свидетели, проведены другие мероприятия.

7. В результате проверки выдвинутых версий были получены новые фактические и иные данные, учет которых позволил сформулировать новую следственную ситуацию и внести дополнения в предполагаемый механизм совершенного убийства. Так, было ус-

лено, что потерпевший явился инициатором драки с обвиняемым Мовчуном во время торжественного вечера, посвященного 8 марта, без всяких на то оснований приревновал свою жену к обвиняемому, поздно ночью в пьяном виде явился к нему домой и снова избил его, угрожал расправой и силой заставил идти выяснять отношения с женой Романова. Выстрелил Мовчун в Романова в состоянии необходимой обороны, поскольку потерпевший бросился на него с ножом. Эти и другие данные подтверждали показания Мовчуна, что он действовал в состоянии необходимой обороны. Таким образом, сложилась новая следственная ситуация, в которой данные, относящиеся к элементам криминалистической характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 108 УК РФ, не подтверждались по причинно-следственным связям мотива содеянного, но указывали на мотив и связи его с характеристикой преступления, предусмотренного ст. 108 УК РФ.

Процесс оценки, прогнозирования, выдвижения и проверки версий в сложившихся новых ситуациях продолжался до установления всех обстоятельств дела. 30 апреля дело по обвинению Мовчуна в совершении преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, было направлено в суд. Это означало, что на предварительном следствии была установлена и оценена первоначальная ситуация с ее версией об умышленном убийстве.

Однако с таким выводом следствия не согласился суд, указав, что правовая оценка обстоятельств предъявленного Мовчуну обвинения не соответствует фактическим обстоятельствам обвинительного заключения, из которого нельзя сделать вывод, кто бросился с целью убийства — потерпевший на подсудимого или наоборот.

Суд в своем приговоре указал, что действия Мовчуна следует квалифицировать по ст. 108 УК РФ как совершенные при превышении пределов необходимой обороны.

Судебная коллегия по уголовным делам Алтайского краевого суда, состоявшаяся 16 июля, оставила без изменения протест прокурора об отмене приговора суда в связи с тем, что суд необоснованно переqualificировал действия подсудимого со ст. 105 УК РФ на ст. 108 УК РФ и указала, что утверждения прокурора о наступившем примирении между Мовчуном и Романовым противоречат фактическим данным, установленным на предварительном следствии и в суде. Романов бил, душил Мовчуна, угрожал^{см} У расправой, был пьян. Выстрел в потерпевшего, по заключению^У Удечно-баллистической и судебно-медицинской экспертиз, произ-

веден с близкого расстояния. Эти и другие факты по делу не опровергнуты⁶³.

Анализ этого дела показывает, что оно довольно типичное. Кажущаяся простота исходной следственной ситуации обманчива. Действительно, событие преступления очевидно, имеются данные о виновном, потерпевшем, мотиве преступления. Однако неправильное уяснение и оценка следственной ситуации по связи элементов криминалистической характеристики преступления, выпадающих под признаки ст. ст. 105 и 108 УК РФ, и в первую очередь по мотиву преступления, его проявлению вовне в ситуации до, в момент и после совершения преступления, неотыскание и незакрепление необходимого количества доказательств привели к ошибкам расследования, волоките. Полагаю, следствие было «в плену» версии о мотиве убийства на почве ревности как фактического данного, зафиксированного в протоколе явки с повинной, которая судом опровергнута.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что следственная ситуация — это определенная обстановка, складывающаяся в результате возбуждения уголовного дела и его разрешения по существу в соответствии с задачами уголовного судопроизводства, объективно отражающая состояние, ход и условия предварительного и судебного следствия на основе собранных по уголовному делу доказательств.

Многообразие следственных ситуаций и вытекающих из них криминалистических задач требует правильной их классификации. В этом направлении сделано многое, но имеющиеся на этот счет предложения во многом дискуссионны. Наиболее полно классифицировал следственные ситуации Л.Я. Драпкин⁶⁴. Некоторые из них уже были предметом обсуждения⁶⁵, которое, в свою очередь, показало, что высказанные по этому вопросу мнения по некоторым позициям не совпадают и требуют дальнейшего исследования.

Нельзя не заметить в этой связи перспективную, на наш взгляд, точку зрения А.Н. Васильева, который считает, что «следственная ситуация может быть общая по делу в целом и частная, относящаяся к определенному эпизоду или отдельному следственному действию»⁶⁶. Эта точка зрения отражает важную черту основания классификации следственных ситуаций — состояние и направленность расследуемого события-преступления.

Анализ судебно-следственной практики и различных точек зрения по рассматриваемому вопросу приводит нас к убеждению о

Сходимости классификации следственных ситуаций вначале по фактическим основаниям. Тогда в качестве базового основания должны выступать те фактические и иные данные, которые формируют следственные ситуации относительно определения сущности и направлений расследования. Следственным ситуациям соответствуют строго определенные версии, поскольку следственные ситуации для построения и проверки версий являются фактической базой.

Исходя из этого целесообразно выделять:

- во-первых, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследуемого события преступления в целом (общие ситуации расследования). Например, таковы группы ситуаций, связанные с полными или неполными данными о событии преступления (неполные сведения о месте, времени, способе и т.д.);

- во-вторых, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследуемого события преступления относительно отдельных сторон его состава. Таковы следственные ситуации, характеризующие, например, личность преступника, мотив преступления (отсутствие данных о личности и мотиве);

- в-третьих, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследования отдельных эпизодов. Например, имеются неполные данные об эпизоде преступления (месте, времени, способе, соучастниках эпизода и т.д.);

- в-четвертых, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследования при производстве следственных действий. Таковы группы ситуаций, характеризующиеся дефицитом информации или конфликтностью при производстве обысков, допросов свидетелей, обвиняемых и др.⁰⁷

Преимущество этой системы классификации следственных ситуаций как базовой, полагаем, заключается в том, что она нацеливает следователя вначале на их выделение, а затем и комплексное использование в целях решения различных задач расследования с максимальным использованием аппарата следственных версий.

Если общая ситуация предварительного расследования ориентирует следователя на стратегическое решение основной задачи Расследования, то остальные следственные ситуации нацеливают следователя на выполнение производных от них задач, частных, и поэтому могут быть названы частными следственными ситуациями. **Тактическое, организационно-техническое, управленческое решение на том или ином этапе расследования задач, вытекающих из названных ситуаций, различно, поскольку содержательная, ин-**

формационная база и условия формирования этих ситуаций отличаются друг от друга, хотя они и находятся в тесной связи и взаимозависимости.

С методической точки зрения важное значение имеет дальнейшая классификация следственных ситуаций по времени их возникновения и с учетом этапов расследования. Их несколько.

1. Исходные ситуации предварительного расследования. Они складываются в момент возбуждения уголовного дела и характеризуют ход и состояние расследуемого события на его первоначальном этапе. Фактической базой их являются вначале достаточные данные, указывающие на признаки преступления, которые содержатся в первичных материалах, поступивших к следователю, и служат основанием для возбуждения дела, а затем, фактические и иные данные, полученные следователем в ходе и условиях первоначального этапа расследования⁵⁸.

2. Ситуация дальнейшего этапа предварительного расследования. Это, полагаем, как раз те ситуации, о которых А.Н. Васильев пишет, что «последующий ход расследования определится новой следственной ситуацией, сложившейся по результатам первоначальных следственных действий»⁵⁹. Но их (как и первые) правильнее именовать ситуациями расследования⁶⁰. Формируются они после производства первоначальных и неотложных следственных и иных действий. Характеризуют ход и состояние расследования по делу в целом на основе установленных фактических данных. От исходных и иных следственных ситуаций (к примеру, частных, тактических) они отличаются по времени возникновения, объему, количеству и качеству содержащихся в них доказательств и иных данных, способам формирования, степени и условиям установления объективной истины по делу.

3. Доследственные, проверочные ситуации. Этот вид ситуаций целесообразно выделять в силу специфики процессуальной деятельности следователя, предусмотренной ст. 144 УПК РФ. Проверочные, доследственные ситуации складываются до возбуждения уголовного дела и характеризуются отсутствием в поступивших заявлениях и сообщениях достаточных данных, указывающих на признаки преступления, и необходимостью производства предварительной проверки. **К типичным доследственным ситуациям, определяющим характер проверочных мероприятий, можно отнести следующие.** В поступивших материалах нет достаточных данных, указывающих на признаки преступления, относительно: события преступления в целом или его отдельных обстоятельств, ви-

сти лица, мотивов, характера и размера ущерба, причиненного преступлением.

В зависимости от наличия информационного материала, его ценности, достоверности, условий получения и т.п. происходит ориентирование ситуации предварительной проверки, которая ориентирует следователя на направление и приемы его действий.

В методике расследования преступлений трудно переоценить сходимость классификации следственных ситуаций на типичные и конкретные. Данные понятия в методике расследования еще не нашли должного разрешения и трактуются различно. Так, р. д. Возгрин считает, что под типичными ситуациями «следует понимать совокупность ряда взаимосвязанных элементов, которые чаще всего повторяются при возбуждении и расследовании отдельных видов преступлений»⁶¹. Такая формулировка ситуации требует уточнения, поскольку неясно, что надо понимать под «совокупностью ряда взаимосвязанных элементов»? Или это элементы состава преступления, или элементы следственной ситуации, или что-то иное.

От вышесказанной отличается точка зрения В.И. Куклина, который пишет следующее: «Типичная ситуация — это научная абстракция, являющаяся результатом обобщения следственной практики. Она характеризует состояние расследования отдельного вида (группы) преступлений на определенный момент (этап)»⁶². Если первую часть этого определения следует признать верной, то вторая его часть остается незавершенной, поскольку В.И. Куклин не назвал каких-либо отличительных признаков типичной ситуации. Судя по приведенному определению, они общие, и поэтому невозможно провести различие между типичными и конкретными или индивидуальными и иными видами ситуаций. В этой связи следует обратить внимание на характерную вероятность черт типичной ситуации, отмеченную И.Е. Быховским. «Когда мы говорим о ... типичной ситуации, — пишет он, — мы не должны забывать, что типичное в данном случае означает наиболее вероятное, а следовательно, наряду с типичными могут иметь место и атипичные явления»⁶³.

Учитывать эти обстоятельства чрезвычайно важно в силу того, что типичные ситуации выступают как своеобразные теоретические модели, ориентироваться на которые полезно с точки зрения отыскания в них недостающих признаков сложившейся конкретной ситуации, которые должны бы быть, поскольку расследование события развивается по правилам выделенной для такого случая

типичной ситуации (на начало расследования, при производств.,^в отдельного следственного действия и т.п.). Поэтому следовател.^с должен всегда мысленно сопоставлять конкретную ситуацию с типичной, известной ранее. Если они оказываются сопоставимыми по своим криминалистическим характеристикам, то основной ал.^и горитм типичной ситуации по расследованию преступления мож^гт быть приемлем и для конкретной ситуации^{б^и}. Однако абсолютизировать типичные ситуации и соответствующие им алгоритмы р_{ас}. следования недопустимо. В основе расследования всегда должны быть доказательства.

На наш взгляд, можно выделить следующие основные положения типичной следственной ситуации, учитывать которые необходимо при ее практическом применении и, в первую очередь, при выдвижении версий и ориентировании в обстановке расследования.

Во-первых, типичная следственная ситуация — это научное понятие относительно проявления общих черт хода и состояния расследования к определенному его моменту.

Во-вторых, она представляет собой наиболее вероятную, образцовую для заданных условий обстановку расследования.

В-третьих, в основе типичной следственной ситуации находятся информационные данные, сориентированные на общие черты криминалистической характеристики отдельных видов (групп) преступлений и условия их расследования.

В-четвертых, типичная ситуация имеет «свой» закономерный набор признаков (о ходе и состоянии расследования), система которых индивидуализирует ее, делает устойчивой, фиксированной на данный момент расследования, что позволяет группировать ситуации по различным ранее названным основаниям.

Таким образом, типичная следственная ситуация характеризуется комплексом своих существенных обобщенных признаков, которые отличают ее от конкретной ситуации. В этой связи требует развития точка зрения А.Г. Филиппова и А.Я. Целищева относительно понятия типичной ситуации. «Типичными мы считаем ситуации, — пишут они, — наиболее характерные с точки зрения объема и содержания имеющейся информации, которые складываются на тех или иных этапах расследования определенных видов преступлений»⁶⁹. Как видно, А.Г. Филиппов и А.Я. Целищев, с нашей точки зрения, выделили лишь некоторые признаки типичной ситуации, которые хотя и важны для ее характеристики, но недостаточны.

В свете изложенного под типичной следственной ситуацией целесообразно понимать обобщенную, основанную на сходстве криминалистических характеристик совершения и расследования преступлений обстановку, которая при заданных информационных характеристиках для нее данных объективно отражает состояние, ход и условия расследования.

Конкретная следственная ситуация складывается при расследовании данного дела. Она всегда индивидуальна. Определяется множеством частных специфических черт обстановки расследования. Многообразие воздействующих на расследование внешних и внутренних факторов к определенному моменту следствия всегда формирует конкретную ситуацию как единое целое со всеми сложными связями и отношениями ее составляющих. В силу этого она многообразна, динамична, подвижна, никогда не повторяется и представляет определенные трудности в распознавании ее сущности, оценке, а затем и использовании в целях установления по делу истины.

Конкретная следственная ситуация обладает специфическим внутренним свойством — устойчивостью связей между элементами, ее составляющими. В первую очередь это относится к фактическим и иным данным, отражающим результаты расследования.

Например, исследование показывает, что при расследовании преступлений, совершенных способом, связанным с применением огнестрельного оружия, конкретная ситуация характеризуется устойчивыми связями между способом и местом, временем, личностью потерпевшего, следами — последствиями применения огнестрельного оружия (охотничье ружье, пистолет и т.д.), что делает ее индивидуальной. Так, в ситуации, когда подозреваемый утверждает, что потерпевшая покончила жизнь самоубийством из охотничьего ружья, а результаты осмотра места происшествия и судебно-медицинского исследования трупа свидетельствуют об отсутствии признаков, характерных для самоубийства из охотничьего ружья (отсутствие следов выстрела в упор, с близкого расстояния, характер повреждений на трупе не соответствует показаниям подозреваемого (обвиняемого) и т.д.), налицо противоречие в фактических данных следствия. Однако методика расследования дел такой категории разработала типичный алгоритм решения этой типичной ситуации, которая стала таковой в результате обобщения судебно-следственной практики убийств способом, связанным с применением огнестрельного оружия, в частности, установленные в ней устойчивые признаки по связи способа причинения

смерти и его следам-последствиям указывают на убийство, но не на самоубийство.

Выявление такого рода закономерных связей в следственных ситуациях представляет одну из проблемных задач методики расследования.

Следует учитывать и тот факт, что конкретные ситуации могут быть типичными и атипичными. Последние формируются под влиянием факторов, не свойственных обычному течению события преступления и его расследованию. Таковы, например, ситуации, в которых неизвестен и скрывается способ преступления (хищение денежных средств так называемыми «хакерами», с помощью поддельных пластиковых карт, электронно-вычислительных машин, убийство с помощью неизвестных ядов, взрывчатых веществ при совершении террористических актов и т.д.). Выход из такой ситуации, безусловно, затрудняется, в силу отсутствия научно обоснованных знаний о таких новых способах и механизмах совершения преступлений и методах их раскрытия, расследования и предотвращения.

Обобщение материалов судебно-следственной практики, социологические исследования⁶⁶ показали, что следователи испытывают наибольшие сложности с расследованием тех преступлений, которые характеризуются следующими необычными чертами следственной ситуации: особенностью личности субъекта преступления, места, времени, способов совершения и сокрытия преступлений, образования и отражения в окружающей действительности следов-последствий содеянного, все случаи инсценированных преступлений (например, убийство маскируется под несчастный случай и др.).

Если в расследуемом событии преступления преобладают его типичные черты, то должна применяться типовая криминалистическая методика расследования преступлений, под которой следует понимать наиболее вероятную для различных судебно-следственных ситуаций, стандартную, оптимальную систему приемов и методов предварительного и судебного следствия. Она с наибольшей долей вероятности теоретически объясняет закономерности происшедшего события и показывает пути его предварительного расследования и судебного разбирательства с учетом судебно-следственных ситуаций. Чем больше теоретически возможных вариантов о путях и способах установления по делу истины содержит типичная методика, тем она будет полнее, тем выше коэффициент ее полезного действия.

Таким образом, вышеуказанное позволяет считать, что, несмотря на большую значимость приведенных теоретических исследований по проблеме следственной ситуации, имеющей важное практическое значение, многие ее аспекты на сегодня трактуются неоднозначно, спорны, не решены и требуют дальнейшего изучения.

Неоднозначная трактовка следственной ситуации и сферы ее научного приложения в криминалистике не случайна. Она вызвана, по крайней мере, одним главным фактором — многим исследователям не удается правильно определить критерий, согласно которому надо наполнить эту ситуацию своим содержанием, что в свою очередь определит сферу ее научного действия. Полагаем, что этому способствует разнотечение ряда терминов, применяемых в уголовно-процессуальном праве и криминалистике. Например, «следственное действие» не разъяснено ни в ст. 34 УПК РСФСР, ныне не действующего, ни в ст. 5 УПК РФ, ныне действующего.

Так, одни авторы считают, что следственные действия связаны со словом «следователь». Отсюда делают вывод, что следственная тактика, разрабатываемая сейчас в разделе криминалистической тактики, есть тактика следователя, рассчитанная на применение ее на предварительном следствии, а следственное действие проводится тоже только следователем.

Другие авторы, наоборот, полагают, что термины «следственное действие», «следственная тактика», «следственная ситуация» связаны не со словом «следователь», а со словом «следствие». «Как известно, — пишет С.П. Митричев, — есть предварительное следствие и есть судебное следствие»⁶⁷. Другого следствия действующий УПК РФ не предусматривает. Но при таком толковании границы криминалистики в части раздела «криминалистическая тактика» как и применяемые понятия «следственная ситуация» и «следственные действия» должны раздвигаться за пределы предварительного следствия.

Естественно, возникает вопрос, кому должны быть адресованы рекомендации криминалистики, разрабатываемые на базе следственных ситуаций в ее тактике и методике расследования: следователю или суду (судье), или и тому и другому, или еще кому-либо?

Ответ на него будет противоречивым и определяется в основном следующим. Если считать, что следственная ситуация связана со словом «следователь», то ее рекомендации адресуются следователю; если полагать, что она связана со словом «следствие», то ее Рекомендации обращаются и к следователю, и к судье (суду).

Аналогичный проблемный вопрос возник у В.А. Образцова, С.Б. Богомоловой, когда они встали перед дилеммой, как точнее назвать их книгу «Криминалистическая психология»: следственная психология, судебная или криминалистическая? «Мы пришли к мнению, что правильно говорить о криминалистической психологии как об интегративной, обобщающей категории, охватывающей и следственную и иные виды психологии криминалистического следоведения в **досудебном уголовном процессе**» (выделено нами — авт.). Криминалистическую психологию они свели к деятельности «...в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования...»⁶⁸.

В этом подходе вызывает сомнение правильность применения слова «криминалистическая». В последние годы слово «криминалистическая» стало ассоциироваться с изменением предмета криминалистики, сфера научной и практической деятельности которой не ограничивается только досудебным производством с его стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Достаточно вспомнить острые дискуссии о переименовании раздела криминалистики «следственная тактика» в раздел «криминалистическая тактика», границы которой были раздвинуты за пределы тактики предварительного следствия. Слово «криминалистическая», включаемое в понятийный аппарат науки криминалистики как интегративное слово, видимо, не может обслуживать только досудебное производство.

То же самое происходит, если слово «криминалистическая» применяется к следственным ситуациям. Так произошло словообразование «криминалистическая ситуация». Тожественно ли оно следственной ситуации как ситуации следователя или судебной ситуации как ситуации суда?

Думается, что толкование следственной ситуации будет правильным и получит дальнейшее развитие, если будем **исходить из учета специфики уголовно-процессуального производства по уголовному делу и складывающихся при этом судебно-следственных ситуаций**. По этим основаниям следует выделить два вида судебных и следственных ситуаций с их подвидами:

1. Судебно-следственные ситуации и их разрешение в ходе досудебного производства:

- а) в стадии возбуждения уголовного дела;
- б) в стадии предварительного расследования.

2. Судебно-следственные ситуации и их разрешение в ходе судебного производства:

- а) при производстве в суде первой инстанции;
- б) при особом порядке судебного разбирательства;
- в) при производстве у мирового судьи;
- г) при производстве в суде с участием присяжных заседателей;
- д) при производстве в суде второй инстанции;
- е) при производстве в надзорной инстанции;
- ж) при особом порядке уголовного судопроизводства.

При таком подходе в науке криминалистики в полной мере буд^у учтены новеллы науки уголовно-процессуального права и базовые основополагающие требования уголовно-процессуального закона по разработке технико-, тактико- и методико-криминалистических средств, приемов и методов в соответствии с назначением и принципами судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Поскольку, в соответствии со ст. 29 УПК РФ, суд осуществляет судебный контроль и в ходе досудебного производства, то, полагаем, **настало время следственную ситуацию именовать судебно-следственной ситуацией, что точнее определяет ее криминалистический смысл и значение.** Вместе с тем необходимо отчетливо видеть специфику возникновения и развития судебно-следственных ситуаций в досудебном и судебном производстве по уголовному делу различными субъектами правоохранительной и правоприменительной деятельности (органом дознания, следователем, прокурором, судом (судьей), государственным обвинителем и др.), о чем пойдет речь в следующих частях работы.

3.2. Криминалистическая характеристика преступлений как направление познания и систематизации криминалистически значимой информации о преступной деятельности, необходимой для решения криминалистических задач в складывающихся судебно-следственных ситуациях

Как и всякая самостоятельная область научного знания, криминалистика имеет свой предмет, решает свои специфические задачи с помощью обширного арсенала методов научного исследования.

Современная концепция деятельностного подхода на предмет "науки криминалистики" позволяет рассматривать следственную ситуацию как один из элементов практического следоведения (по-

исково-познавательной деятельности субъектов доказывания), которое В.А. Образцов определил как «динамично развивающуюся познавательную систему поискового характера, движущуюся от исходного минимума источников информации к их промежуточно, му, пока еще не полному, комплексу, а от него — к целой системе источников юридически значимой информации»⁶⁹.

Сама же поисково-познавательная деятельность субъектов дознания представляет собой одну из подсистем (блоков) в информационно-познавательной системе, именуемой в методике расследования преступлений криминалистической характеристикой расследования преступлений⁷⁰. Другую подсистему методики расследования представляет криминалистическая характеристика преступлений, отражающая закономерности по подготовке, совершению и сокрытию преступлений. Эти две различные информационно-познавательные подсистемы со своими внутренними составляющими, связями и зависимостями между ними, воздействием, процессами и структурами в то же время тесно связаны между собой сложными явлениями и процессами, центральным, ключевым из которых является судебно-следственная ситуация. Как это уже было сказано выше, она возникает и начинает функционировать тогда, когда субъекту доказывания становится известно о событии преступления и элементы внешнего мира приобретают для него определенный смысл и значение (появляется уголовно значимая информация). Именно через информационную структуру следственной ситуации, состоящую из данных, относящихся к криминалистической характеристике преступлений и криминалистической характеристике расследования преступлений, происходит, на наш взгляд, пересечение этих двух подсистем и проявляется их общность в общей системе — методике расследования преступлений. Согласно такому подходу, расследуемое событие преступления, отраженное в судебно-следственной ситуации в следах признаках преступления, является основой поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания, то есть тем информационно-структурным развивающимся элементом, который познают под своим углом зрения, исходя из целей и задач уголовного судопроизводства, а также в пределах своих уголовно-процессуальных полномочий и стадий расследования орган дознания, следователь, прокурор, суд (судья) в ходе осуществления своей практической деятельности.

Таким образом, «складывается криминалистическая система методики расследования с ее специфическими информационными

процессами и структурами о механизмах совершения, расследования судебного разбирательства отдельных видов преступлений как результат человеческой деятельности: с одной стороны, преступной, а с другой — полезной, законной, направленной на раскрытие преступной деятельности и установление по делу истины»¹.

Если же рассмотреть эти два вида деятельности с позиции системного подхода, то можно увидеть определенные закономерности как в процессе совершения преступления, так и в его расследовании, а элементам криминалистической характеристики преступлений присуща амбивалентность (полярность) по отношению к элементам криминалистической характеристики расследования. Так, личности преступника противопоставлена личность субъекта доказывания; действиям преступников по подготовке, совершению и сокрытию преступления противопоставлены действия субъектов доказывания и проведения тактических операций по выявлению и раскрытию преступления и т.д. Анализ научных исследований в этих областях показывает, что если вопросам, касающимся криминалистической характеристики преступления, криминалистической характеристики расследования преступления и их структур, уделялось достаточно внимания (А.Н. Колесниченко, В.Г. Танасевич, В.А. Образцов, 1976; В.К. Гавло, 1980; В.И. Шиканов, 1983; А.М. Кустов, 2002 и др.), то такие вопросы, как соотнесение структуры поисково-познавательной деятельности с ее объектом — поведением преступника, а также соотнесение деятельности и ситуации остались как бы «в тени», хотя известно, что именно деятельность лежит в основе взаимодействия человека с окружающим его миром и направляет его (человека) на преобразование этого мира для удовлетворения своих потребностей и целей².

В связи с чем можно предположить, что деятельность лежит в основе таких категорий, как криминалистическая характеристика преступлений и криминалистическая характеристика расследования преступлений, потому что именно человек является основным элементом этих систем, преобразуя их в процессе своей деятельности (с одной стороны, полезной, а с другой — преступной) исходя из сложившейся на определенный момент времени ситуации.

С учетом вышеизложенного попытаемся определить структуру содержания как преступной деятельности, так и поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания и их роль в Расследовании преступлений.

Человеческое общество собой представляет систему деятельностей, в которых движение осуществляется через общественные отношения, а его развитие — через отношения производственных сил и производственных отношений. Сами же общественные отношения служат объектом познания большого круга наук, в том числе и юридических. Что касается криминалистики, то объектом изучения, как это уже было сказано выше, являются преступная деятельность и деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений (поисково-познавательная деятельность).

В самом общем виде деятельность понимается как динамическая система взаимодействия субъекта с миром, специфически человеческая, регулируемая сознанием внутренняя и внешняя активность⁷³.

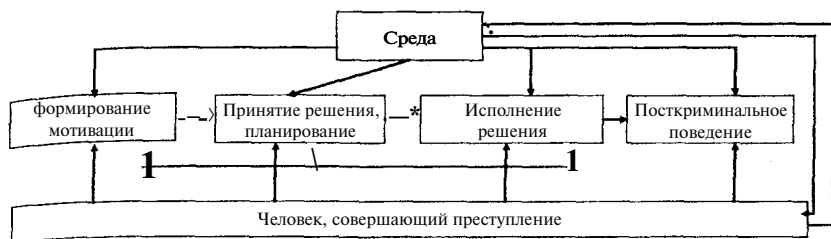
Саму же преступную деятельность ученые определяют неоднозначно. Так, В.Е. Корноухов под преступной деятельностью понимает «форму преступного поведения, которая состоит из совокупности действий, объединенных общим мотивом и целью»⁷⁴.

Т.С. Волчецкая преступную деятельность определяет как «непрерывный процесс возникновения, разрешения и взаимоперехода предкриминальных, собственно криминальных и посткриминальных ситуаций»⁷⁵. На наш взгляд, преступная деятельность (как, впрочем, и любая другая) должна включать в себя не только свойства личности действующего субъекта, но и внешнюю среду, взаимодействие которых ведет к мотивации, а от мотивации — к планированию и совершению преступления. Кроме этого, преступная деятельность тесно связана с ситуациями подготовки, совершения и сокрытия преступления, что позволяет рассматривать преступную деятельность и вышеперечисленные ситуации как взаимосвязанные блоки одной системы, именуемой в криминалистике криминалистической характеристикой преступлений. Преступник действует (взаимодействует с окружающим миром) не хаотично, не бездумно, а выбирает такую систему действий для достижения преступного результата, которая адекватна его личностным свойствам, исходя из сложившейся на тот или иной период времени ситуации. Само же взаимодействие преступника с окружающим его миром нужно понимать как активный (самый активный) момент деятельности.

Этой проблеме уделялось достаточно много внимания в криминологии⁷⁶, а академиком В.Н. Кудрявцевым была разработана и обоснована схема механизма преступного поведения, которая

«следствии была дополнена А.И. Долговой⁷⁷. В схеме удачно показано взаимодействие человека с учетом его личностных качеств и среды на этапах криминального поведения, и выглядит следующим образом:

Схема 3

Из приведенной схемы видно, что порождаемое в результате взаимодействия само начинает определять последующее развитие преступной деятельности, а значит, и всю цепь последующих взаимодействий. В криминалистике такая целостная динамическая система по подготовке, совершению и сокрытию преступлений и возможного противодействия следствию получила название «криминалистическая характеристика преступлений». Именно криминалистическая характеристика преступлений является объективной закономерностью целостного движения уголовно значимой информации по делу, взаимосвязанной, взаимозависимой, возникающей в результате преступной деятельности лица по совершению преступления. И именно криминалистическая характеристика преступной деятельности выступает как информационно-познавательная база судебно-следственной ситуации.

Анализ научных исследований в этой области показывает, что в научной литературе существует более тридцати определений этой категории. Несмотря на их изобилие, принципиальных расхождений в позициях авторов по этому вопросу, полагаем, нет. Большинство из них определяют криминалистическую характеристику преступления как модель криминальных ситуаций и сопутствующих им обстоятельств, а также последствия преступлений определенных категорий в форме материальных и идеальных следов, механизма преступления и способа совершения преступления, предмета преступного посягательства, позволяющих выдвигать версии о расследуемом событии в целом или об отдельных его обстоятельствах и видеть тактическую перспективу расследования⁷⁸.

Рассматривая криминалистическую характеристику преступления, как информационно-познавательную базу методики расследования преступлений, нами впервые было отмечено, что криминалистические характеристики преступлений содержат **понятия разной степени абстракции и, соответственно, имеют различные уровни содержания информационной модели**, что должно найти наиболее полное отражение в методике расследования преступлений. Таких уровней абстракции было выделено три: криминалистическая характеристика отдельного вида преступлений по содержанию соответствует первому уровню понятия (кража чужого имущества из квартир, из магазинов, автотранспорта и т.д.); криминалистическая характеристика преступлений, выделенных по признаку главного объекта и закрепленных в главах Особенной части УК РФ, соответствует второму уровню данного понятия (преступления против: жизни и здоровья (гл. 16); свободы, чести и достоинства личности (гл. 17); половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18) и т.д.); криминалистическая характеристика преступлений, выделенных по признаку понятия преступления, предусмотренного ст. 14 УК РФ, соответствует третьему уровню данного понятия⁷⁹. Нашу позицию поддержал Р.С. Белкин⁸⁰, но высказал сомнение по поводу выделения криминалистической характеристики конкретного вида преступления.

Полагаем, что учет различных по содержанию уровней данного понятия позволяет в методике расследования более дифференцированно и точно классифицировать и изучать их главные свойства и признаки на единичном, особенном и общем уровнях⁸¹. По этому пути пошли также Г.А. Рустов, И.С. Аббасова, А.А. Фокина, Л.Л. Каневский и другие авторы⁸².

Но при этом спорной остается позиция авторов, отрицающих необходимость выделения криминалистической характеристики конкретного преступления⁸³. Складывается интересная научная ситуация. Дело в том, что никто из авторов не отрицает необходимости теоретического и практического изучения архивного уголовного дела с целью выделения в нем всех криминалистически значимых признаков, которые способствовали успешному расследованию данного преступления. Его изучение и есть первый шаг на пути разработки совершенно другой характеристики — типовой криминалистической характеристики преступлений (видов, групп и их разновидностей, классифицированных по заданным основаниям). В ходе изучения конкретного уголовного дела **действительно идет криминалистическое системное описание конкретного**

пре-
ступления ^{с точки} зрения того, кто и как совершил преступ-
ление. какие и где остались следы, их закономерные связи и за-
висимости с предметом посягательства и т.д. Это описание со-
держит важнейшую уголовно-релевантную информацию по кон-
кретному делу, которая может стать в дальнейшем типичной, а
значит, превратиться в абстрактную, но может и не стать ею. Но
это не препятствует именовать такую систему знаний о преступ-
ной деятельности лица по совершению преступления термином
«криминалистическая характеристика конкретного преступления»
как результат обобщения преступной деятельности лица по кон-
кретному уголовному делу.

Криминалистическое описание отдельного, конкретного пре-
ступления и как результат такого описания **появление системных
закономерных для этого конкретного преступления знаний, но в
форме криминалистической характеристики конкретного престу-
пления** свидетельствует о том, что криминалистическое описание
отдельного преступления и есть та криминалистическая характе-
ристика конкретного преступления, о которой спорят некоторые
авторы. По своему содержанию, сути, назначению и смыслу она
никогда не относилась к числу типовых криминалистических ха-
рактеристик преступлений, но является неотъемлемым компонен-
том многослойной системы, именуемой понятием «криминалисти-
ческая характеристика преступлений».

Очень полезно прислушаться к мнению «патриарха» крими-
налистики Л.Я. Драпкина, чье 80-летие отметило недавно сообще-
ство криминалистов. Индивидуальные криминалистические ха-
рактеристики расследованных преступлений, представляют собой,
как верно считает Л.Я. Драпкин, «подробное описание тех же
структурных элементов, что и в ⁸⁴ групповых характеристиках, но на
единичном, конкретном уровне».

Полная криминалистическая характеристика конкретного пре-
ступления складывается на момент вступления приговора в за-
конную силу. Она служит источником формирования типовых
криминалистических характеристик других уровней — общем и
особенном.

Многие авторы говорят о системности криминалистической
характеристики, то есть о связях между ее элементами. Именно с
системностью криминалистической характеристики связан вопрос
о ее новизне и практическом значении. Представляется, что правы
Р.С. Белкин, И.Е. Быховский, А.В. Дулов и другие ученые, которые
Утверждают: «Криминалистическая характеристика как целое,

как единый комплекс, имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда установлены корреляционные связи и зависимость между ее элементами, носящие закономерный характер и выраженные в количественных показателях. Данные об этих зависимостях могут служить основанием для построения типичных версий по конкретным делам. Только в этом заключается практическое значение криминалистической характеристики как целого»⁸⁰.

На этом построены почти все методики расследования отдельных видов и групп преступлений. Исследования, проводимые в этих областях, наглядно демонстрируют не только тесные связи между элементами криминалистической характеристики преступлений, но и отражают статистические показатели, которые имеют для субъекта доказывания вероятное, ориентировочное значение при выдвижении и проверке версий (М.С. Строгович, 1968; А.Р. Ратинов, 1967; А.М. Ларин, 1976; Л.Г. Бидонов, 1978; А.С. Золотарев, 1998 и др.)⁸⁶. В теории игр этот прием получил название «рандомизированное поведение», которое означает признание наилучшим некоторое среднее, «смешанное», компромиссное решение, считающееся в данном случае оптимальным⁸⁷. В практической деятельности следственных органов это обстоятельство целесообразно иметь в виду⁸.

В определение структуры криминалистической характеристики преступлений, полагаем, следует включать систему типичных сведений, раскрывающих основные черты способа, механизма и обстановки совершаемых преступлений, слепообразования, личности виновного, его мотивы и цели в ситуациях подготовки, совершения и сокрытия преступлений, учитываемых в методике расследования⁸⁹, что позволяет связать воедино, в одно целое такие понятия, как преступная деятельность и ситуации, складывающиеся в процессе этой деятельности. Это не случайно. Как показывают исследования, ситуации, складывающиеся в процессе преступной деятельности, формируются на основе сочетания и взаимодействия элементов преступной (криминальной) деятельности, которая имеет довольно сложную структуру.

В теории она представлена в качестве системы⁹⁰ таких элементов, как субъект, объект, процесс, обстановка, средства, мотивы, цели и результаты преступной деятельности. Хотя в научной литературе имеются и другие подходы к решению указанного вопроса⁹¹.

В связи с чем элементы криминалистической характеристики преступлений включаются различными авторами как в структур-

нь², состав преступной деятельности, так и криминальной ситуации². Это еще раз подтверждает то, что преступная деятельность и ситуации по подготовке, совершению и сокрытию преступления являются структурными компонентами (блоками) криминалистической характеристики преступлений как информационной базы методики расследования.

С учетом изложенного попытаемся проанализировать процесс формирования и развития преступной деятельности как целостной системы, рассмотрев основные, наиболее значимые ее элементы.

Преступная деятельность, в широком смысле, понимается нами как динамическая система поведения субъекта преступления в окружающей среде, с ее закономерными для заданной ситуации следами — последствиями содеянного.

Структурным элементом криминалистической характеристики, который имеет существенное значение для понимания закономерностей системного процесса совершения преступления — действий или бездействия, обусловленных рядом факторов криминальной ситуации, личностью потерпевшего, предметом преступления и т.п., является, на наш взгляд, **механизм преступного поведения**. Его можно определить как взаимодействующую систему элементов криминалистической характеристики преступлений, отражающую процесс подготовки, совершения и сокрытия преступления, приводящую к образованию следов, имеющих значение для решения задач уголовного судопроизводства.

Механизм преступного поведения, как правильно отмечается рядом авторов, охватывает не только центральный этап преступления, но и другие этапы, а именно предкриминальный и посткриминальный⁹³. Каждому из них присущи свои механизмы поведения, которые могут функционировать как в общей системе механизма преступного поведения, так и самостоятельно как его подсистемы.

Общим критерием, объединяющим компоненты механизма преступного поведения, может являться Состав преступления в уголовно-правовом смысле, а их функционирование есть не что иное, как взаимодействие компонентов уголовно-правового механизма преступного поведения. Поведение же человека разворачивается во времени и пространстве, представляет собой «процесс взаимодействия изменчивых ситуационных факторов с относительно постоянными личностными характеристиками»⁹⁴. Этот процесс, как это было сказано выше, имеет внешнюю (объективную) и⁹⁵ внутреннюю (субъективную) стороны. Поэтому совершенно прав

В.Н. Кудрявцев, который отмечает, что на уровне «индивидуального поведения мы изучаем механизм преступления, личность конкретного правонарушителя, причины его противоправного поступка... Сам же механизм преступного поведения понимается как связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, д.е. терминирующих его исполнение»⁹⁰. В этом определении прослеживается основная линия причинных связей, а именно психические процессы и личность преступника рассматриваются во взаимодействии с внешней средой, т.е. в динамике, что верно отражает грани криминалистического механизма преступного поведения.

В криминалистический механизм преступного поведения входят элементы криминалистической характеристики преступления. Эти элементы, взаимодействуя друг с другом, отражают динамический процесс преобразования криминальных ситуаций и по следам-последствиям указывают на закономерные связи и взаимодействия между ними, что в итоге позволяет установить корреляционную зависимость между элементами криминалистической характеристики преступлений.

Изучение корреляционной зависимости между элементами криминалистической характеристики преступлений заслуживает особого внимания. Важно определить конкретную зависимость одного элемента от другого или определенной их совокупности. При этом надо учитывать, что причинно-следственная связь может быть сложной и опосредованной другими обстоятельствами. Как показали исследования, все чаще тяжкие насильственные преступления против человека совершаются как следствие сложной мотивации, все отчетливее проявляются жестокость и корысть. Возросла легкость вступления в конфликты, резко увеличилось, например, число случаев причинения тяжких телесных повреждений, убийств, совершаемых согласованными и продуманными способами.

На основе изучения дел о разбойных нападениях и убийствах водителей мы выделили, в частности, сложный типичный механизм преступного поведения. Сценарий всех разбойных нападений на водителей автомашин был стандартен. Преступники его разрабатывали и исполняли совместно. В группу входила молодая женщина, обязанностью которой было останавливать «голосованием» машину. После остановки машины подходили двое парней, один из которых усаживался рядом с водителем, а сзади него женщина и другой парень. В темном и безлюдном месте сидящий

сзади набрасывал водителю на шею петлю-удавку, сильно сдавливал горло жертвы, а сидящий рядом колот водителя ножом, подавляя сопротивление. Отнимали всю наличность, водителя выталкивали из машины, которую бросали где-нибудь подальше. Рели водителю удавалось бежать, то преследовали его на его же машине. Догнав жертву, принимались избивать ее, все вместе, не исключая и женщины. Через некоторое время однообразие наскучило и жертв стали убивать ножом, перерезая горло⁹⁶.

В качестве оружия, по изученным нами делам, преступники чаще всего применяют ножи (50%); огнестрельное оружие (30%); предметы, приспособления для нанесения ударов и лишения жизни (кастеты, цепи, палки, удавки и т.д.). Так, убийства из обреза показали, что обрезами пользовались те убийцы, которые; во-первых, не имели денег на приобретение пистолетов и револьверов; во-вторых, обрезы добыли, не покупая их, а изготовили из похищенных охотничьих ружей или в результате убийства их владельцев; в-третьих, характеризовались тем, что нажитое преступным путем имущество быстро тратили на праздный образ жизни, 60% из них были судимы.

Эти данные могут быть полезными для выдвижения версий, особенно на первоначальном этапе расследования.

Важной функциональной чертой механизма преступного поведения является то, что он раскрывает суть действий (бездействия) субъекта преступления. Показывает, как эта система действий (бездействия) функционировала на этапах преступной деятельности, в определенных пространственно-временных рамках (М.В. Салтевский, Д.А. Турчин, В.И. Шиканов, 1983; В.М. Мешков, 1999 и др.).

Появившийся в настоящее время интерес к исследованию пространственно-временных параметров события преступления не случаен. Ведь именно факторы пространства и времени учитываются в обобщенном виде в криминалистической характеристике преступлений. Они имеют гносеологическую природу, что важно принимать во внимание при расследовании преступлений.

По данным исследований, проведенных И.С. Аббасовой, Н.В. Кручининой, В.И. Шикановым, сведения о временных параметрах обстоятельств, на основании которых возбуждалось уголовное дело, находились во всех случаях без исключения, а в 71 % следователь располагал сведениями о временных параметрах Уже на первоначальном этапе расследования⁹⁷.

Анализ пространственно-временных связей и отношений занимает особое место в анализе механизма преступного поведения и направлен на установление значимых закономерных связей между всеми, нередко внешне разрозненными элементами события преступления, и приведение их в единую систему⁹⁸.

С учетом этого может устанавливаться зависимость между временем совершения преступления и его местом, местом жительства преступников, их возрастом и способом совершения преступления и т.д.

По данным Л.Я. Драпкина, уличные грабежи и разбои совершаются преимущественно в вечернее и ночное время суток, квартирные — чаще днем и даже ночью. Типичными же местами являются помещения (служебные, жилые и т.д.), открытая местность (улица, лесной массив и т.д.), транспорт (железнодорожный, автомобильный)⁹⁹. Несовершеннолетние подобные преступления совершают в ночное время суток на открытой местности либо в безлюдных местах.

Поисково-познавательная деятельность следователя должна охватывать все уровни остаточной информации о временных параметрах события преступления: обнаружение и анализ соответствующих фактических данных на уровне единичных следов расследуемого события; выявление и анализ временной информации на уровне определенного множества следов, образующих «информационный узел»; выявление и анализ временной информации на уровне связей между отдельными информационными узлами.

Поскольку механизм преступного поведения ярче всего проявляется при активном взаимодействии предметов, явлений, людей и характеризует сложные пространственно-временные и иные закономерные связи, связанные с преступлением, то в окружающей среде он оставляет типичные для него следы. Установить и познать механизм преступного поведения по его следам можно только при изучении всех элементов криминалистической характеристики преступлений (В.И. Шиканов, 1969; Л.Я. Драпкин, 1978; И.М. Лузгин, 1981; Н.П. Яблоков, В.А. Образцов, 1997; О.Я. Баев, 1998; А.М. Кустов, 2002 и др.).

Личность преступника, являясь наиболее активным элементом механизма преступного поведения, проявляет целый спектр разнообразных свойств и качеств, существенно влияющих на качественную сторону самой криминальной ситуации. Получение информации о преступнике, особенно скрывшемся с места происшествия, имеет весьма существенное значение для раскрытия пре-

ст^{упл}ения, в частности может служить целям его поиска, а также выбору тактической линии субъекта доказывания. Систематизация информации о нем имеет и самостоятельное значение (ст. 73 УПК РФ — предмет доказывания по уголовному делу).

В криминалистическом плане предметом изучения личности преступника должны быть не только данные о личностных качествах преступника, но также социальные, биологические и другие стороны субъекта преступления¹⁰⁰. Для построения методики расследования отдельных видов и групп преступлений важно учесть следующие подструктуры характеристики личности преступника: социальную, к которой относятся признаки, характеризующие человека как субъекта и объекта общественных отношений, занимающего определенные социальные позиции и выполняющие социальные роли; нравственно-психологическую, которую образуют свойства личности, характеризующие внутренний мир человека, его отношение к различным социальным и моральным ценностям и др. В.А. Образцов, кроме того, выделяет уголовно-правовые, аналитические, функционально-динамические признаки сопутствующих вещей, признаки типа связей и отношений¹⁰¹. Одни из вышеперечисленных признаков подлежат обязательному установлению (возраст, наличие или отсутствие судимости). Другие носят факультативный характер. Необходимость их установления (либо ее отсутствие), как верно отметил В.А. Образцов, определяется в зависимости от категории преступления, под признаки которого подпадает исследуемое деяние, а также от особенностей сложившейся ситуации, включая обстоятельства содеянного (сказанное в равной мере относится и к признакам жертвы преступления)¹⁰².

Криминалистику и ее методику в первую очередь интересуют такие данные о личности преступника, которые указывают на закономерные связи между нею и совершенным преступлением, проявляющиеся вовне в различных следах — последствиях содеянного. В этом плане личность следует изучать как следообразующий объект, источник информации о совершенном преступлении и как средство его раскрытия¹⁰³.

Исследования показали, что механизм преступления связан с личностью преступника и окружающей средой. Планируя свои Действия, преступник определяет значимые условия деятельности, программу своих отдельных действий и систему критериев успешной деятельности.

По данным Л.Я. Драпкина, подавляющее большинство лиц, совершающих грабежи и разбои, составляют мужчины (более

97%), женщины — всего лишь 3%. Дифференциация преступников по основным возрастным группам следующая: несовершеннолетние — около 10%, лица в возрасте 18-25 лет — более 30%, лица в возрасте 30 лет — около 33%, лица в возрасте 31-40 лет — около 24%, лица в возрасте 41 год и старше — немногим более 3%¹⁰⁴.

Таким образом, вероятность совершения преступления рассматриваемой группы увеличивается с 18 лет и достигает пика в возрасте около 30 лет.

По нашим данным, среди корыстно-насильственных преступников доля лиц со средним или средним специальным образованием составляет около 52%, неполное среднее было у 30%, высшее образование или неполное высшее имели лишь около 10,5%. Этот показатель свидетельствует о том, что основная масса преступников имеет низкий образовательный уровень.

Исследования позволили выявить корреляционные связи: преступники в большинстве своем нигде не работали, не имели высокой заработной платы, а жили за счет преступлений.

Необходимо также отметить и то, что по своему социальному статусу преступники из рабочей среды составили около 60%, из числа служащих — 10%, учащиеся — 15%. Остальные либо вообще не работали, либо не имели постоянной работы, поэтому их социальную принадлежность было трудно определить.

Большинство преступлений рассматриваемой группы совершается в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения (более 70%).

Грабежи и разбойные нападения, как свидетельствует анализ следственной и судебной практики, зачастую совершаются преступной группой из 2-3, реже 4 человек и очень редко — более многочисленными формированиями. Нередко группы преступников весьма устойчивы и совершают серию аналогичных и иных преступлений. Во главе таких групп стоят, как правило, ранее судимые лица, имеющие преступный опыт, либо лица, имеющие опыт боевых действий (Карабах, Чечня, Афганистан и др.). Для них характерны дерзость, жестокость, внезапность, частота встречаемости и др. Это затрудняет расследование преступлений и осложняет оперативную обстановку.

Признаки действий, проявившиеся в материальной обстановке, так же как и результат действий, свидетельствуют о **мотиве и цели преступного деяния**.

Мотив — это побуждение, которым руководствуется лицо при совершении преступления.

Его изучение обусловлено рядом причин, в том числе тем, что мотив способствует выяснению обстоятельств содеянного, установлению личности преступника, его изобличению и решению других задач уголовного судопроизводства.

Обобщение практики показало, что ведущим мотивом корыстно-насильственных преступлений является корысть, а именно удовлетворение своих материальных потребностей (около 90%). Среди них, в частности, выделяются побуждения «пропить», «прогулять» (40%), вернуть долги (10%), совершение преступления от безвыходности ситуации: нечем кормить семью, не на что купить лекарства и т.д. (около 10%), хулиганские побуждения (чаще связанные с алкогольным опьянением) - 25%.

Но эти данные еще не говорят о подлинных побуждениях субъекта преступления, о тех потребностях, которые лежали в основе его агрессивного поведения. Если исходить из исследований психологов и криминологов, то здесь на первый план выступают потребности в социальном общении и самосохранении личности. Это, по мнению специалистов, потребность в общении; в признании; в безопасности; в лидерстве; в доминировании и др.¹⁰³

Переход страны к рыночным отношениям, глубокий и затянувшийся кризис во всех сферах жизни привели к деформации потребностей личности, а следовательно, и к росту агрессивных проявлений. Такое положение характерно не только для России. При всей несхожести уголовно-правовых, статистических и организационных условий в разных странах, по мнению В.В. Лунева, «есть основания для общего вывода: примитивные насильственные формы изъятия чужого имущества растут во всем мире, включая индустриально развитые демократические страны...»¹⁰⁴.

По данным криминологов, корыстно-насильственные деяния могут увеличиваться в среднем на 5-10% в год, а их доля в структуре регистрируемой преступности будет приближаться к 90%¹⁰⁵.

Если иметь в виду, что одни и те же мотивы и цели могут проявляться при совершении различных преступлений, то возникает необходимость иметь обобщенные типичные сведения о мотиве и Цели отдельных видов и групп преступлений, их общих и особенных чертах, признаках-последствиях и т.д., значение которых будет способствовать оптимизации процесса расследования с учетом складывающихся следственных ситуаций.

Мотив тесным образом связан с целью преступления. Цель преступления в самом общем виде можно определить как осознанный образ (модель) предвосхищаемого индивидом результата

предпринимаемых им действий. Цели могут быть промежуточными и конечными. Конечные цели достигаются, как правило, путём осуществления промежуточных целей, которые в данном случае совпадают по существу с понятием задачи. Формирующаяся цель может иметь достаточно самостоятельный характер, то есть не относиться с конечной целью. Тем не менее дальнейшее целеобразование (выдвижение промежуточных целей) может привести, и чаще всего приводит, к «стыку» промежуточных целей с конечными. Промежуточные цели теряют свое самостоятельное значение только тогда, когда они начинают в какой-то степени совпадать с требованиями конечной цели. Сказанное можно проиллюстрировать на примере.

В один из морозных февральских вечеров около 20 часов был застрелен тремя выстрелами в упор во дворе своего частного дома Сирота М.М. — директор птицефабрики «Молодежная» Алтайского края. Преступники практически не оставили следов, лишь сосед видел стоявший неподалеку автомобиль марки «Нива» и трех мужчин. Автомобиль белого цвета, но государственный номер свидетель точно назвать не мог, примерно «933». Таких автомобилей в Алтайском крае около 30, но это была единственная ниточка и следствие за нее «зацепилось». Нельзя было терять ни минуты. Благодаря умелым действиям правоохранительных органов уже на следующий день работниками милиции был остановлен автомобиль марки ВАЗ-2121 «Нива» гос. номер Х933АК22, за рулем которого находился Зотов, ранее судимый, член преступной группировки г. Новоалтайска. Вместе с ним ехали два пассажира, которые после остановки автомобиля успели скрыться. Впоследствии они были установлены и задержаны. Ими оказались Газенбуш и Тарлыков — члены банды Зотова. Именно они и совершили дерзкое убийство Сироты.

В процессе предварительного следствия был установлен и заказчик. Им оказался руководитель одной фирмы, осуществлявшей подрядные работы на территории птицефабрики. Между ним и потерпевшим возникли разногласия по качеству выполненных работ. В арбитражном суде, рассматривавшем этот спор, директор «Молодежной» взыскал со своего недобросовестного подрядчика около 500 тысяч рублей, после чего намеревался найти себе другого делового партнера. Это явилось основным мотивом убийства, нашлись и исполнители.

Тщательное планирование убийства длилось около трех недель. Бандиты за это время выяснили: где находится фабрика, где

когда Сирота возвращается домой с работы, работает ли он субботам. Оказалось, что да, работает и приезжает домой бычь⁰ домой в 19—20 часов.

Наконец, все приготовления были завершены, в том числе реш^{ен} и вопрос с транспортом — Зотов попросил его у своего знакомого Петрова, тот ему не отказал. Необходимо было реализовать еще одну цель — обеспечить себе алиби на всякий случай. Было решено совершить убийство 10 февраля, — этот день был примечателен тем, что Зотов отмечал свой день рождения.

В назначенный день и час дело было сделано, а бандиты, возвратившись домой, продолжали отмечать день рождения Зотова.

Однако никакие уловки преступникам не помогли. Они все были признаны виновными и приговорены к длительным срокам лишения свободы¹⁰⁸.

Из этого примера видно, что, реализуя свою основную цель — убийство Сироты, преступники решали промежуточные цели: выясняли место работы и место жительства жертвы, распорядок дня и т.д. Кроме того, подыскивали оружие, транспорт и постарались обеспечить себе алиби. Таким образом, промежуточное целеобразование привело к решению конечной цели.

Каждому мотиву преступления и его цели соответствуют свои признаки последствия, которые проявляются в ситуациях до, в момент и после совершения преступления. Выявление и познание этих признаков в целях установления мотива и цели преступления также составляет задачу методики расследования и ее криминалистической характеристики отдельных видов преступлений. Вместе с тем между мотивом и целью преступлений имеется тесная взаимосвязь, что обуславливает возможность установления одного из них посредством другого с учетом их признаков.

По нашим данным, около 36% виновных в грабежах и разбойных нападениях (исключая групповую и организованную преступность) не задумываются о поиске наиболее эффективного пути Достижения основной цели, а действуют ситуативно, что часто приводит к срыву намеченного плана либо к их скорому разоблачению.

Интересны на этот счет данные исследований, проведенных по^д руководством В.Н. Кудрявцева и И.Б. Богородицкого. По мнению опрошенных ими «экспертов», достаточно тщательно планировались корыстные преступления — в 54% уголовных дел (мнение ученых) и 49% (мнение работников МВД); применительно к насильственным преступлениям соответствующие цифры состав-

ляют 23% и 30%. Более детальный анализ некоторых насильственных и корыстных преступлений, предпринятый в 80-х гг. О.Л. Дубовик, показал, что только в 6,4% убийств и 4,1% разбойных нападений план действий преступников был ими хорошо продуман (преступления длительное время не были раскрыты, преступники не задержаны и т.п.)¹⁰⁹.

Сейчас картина преступности изменяется. Наряду с простыми способами действий, преступники выбирают сложные, ибо сложен объект нападения. Значит, сложна цель преступного посягательства.

Исследования показали, что в одиночных и групповых преступлениях до 28% квартирных краж, грабежей и разбойных нападений тщательно планировались, до 36% — в общих чертах, 14% — совсем не планировались (как получится) и 22% — не планировались потому, что совершались спонтанно.

Причем из ошибок, приведших к установлению и изобличению преступления, чаще всего встречаются: ошибки в выборе объекта преступного посягательства (19%), в непринятии мер к сокрытию следов преступления (18%), ошибки в недостаточной подготовке к совершению преступления (около 17%), в неудачном выборе соучастников (13%).

Наибольшую информацию о мотиве и цели преступления несут такие элементы криминалистической характеристики преступления, как: личность виновного, объект и предмет преступного посягательства, способ совершения преступления, а также криминальные ситуации, складывающиеся до, в момент и после совершения преступления.

Раскрытие преступлений (особенно неочевидных) зачастую вызывает у практических работников определенные трудности, однако в ряде случаев они не вычерпывают информацию из тех изменений в окружающей среде, которые вызваны действиями преступника. Отдельные признаки механизма преступного поведения в ряде случаев не связываются в единую информационную систему, не анализируются как определенный тип ситуации. А в самой ситуации не выявляется все многообразие информационных источников личности преступника (цели, мотивы, интересы, возможности, ценностные ориентации и т.д.)¹¹⁰. Системно-деятельностный подход позволяет объединить в механизме преступного поведения личность преступника с ее мотивационной направленностью, личностные особенности целеобразования, а также сугубо индивидуализированные исполнительские механизмы —

способы совершения преступления. Из внешней среды преступник выбирает те средства достижения поставленной цели, которые вписываются в схему его операционных стереотипов (умения и навыки).

Рассматриваемая группа преступлений отличается значительной дерзостью, а при разбоях часто сопряжена с причинением тяжких телесных повреждений либо убийством потерпевших.

Непосредственные способы совершения грабежей и разбойных нападений достаточно разнообразны. В их типичный перечень входят: срывание головных уборов в осенне-зимний период (удельный вес таких преступлений составляет до 80% от общего числа); вырывание сумок, дипломатов и иных вещей из рук потерпевших (около 20%); завладение имуществом путем физического или психического насилия либо с применением оружия (около 30%); завладение имуществом вследствие алкогольного либо наркотического опьянения потерпевшего (около 50%).

Изученные материалы позволяют говорить о том, что наиболее перспективные методики по расследованию преступлений, опирающиеся на корреляционные связи, должны строиться на базе элементов криминалистической характеристики преступлений, личностных особенностей преступника. Поэтому следует согласиться с М.И. Еникеевым, который говорит, что «понятие "образ поведения преступника" должно быть основным исходным понятием криминалистики, так как оно неизбежно отражается в окружающей среде в виде комплексного личностно-регуляционного следа, который не менее пригоден для идентификации личности преступника, чем след его пальца. В это понятие входят и личностная детерминация поведения преступника, и характерные для него адаптационные поведенческие схемы, реализующиеся в допреступной, преступной и послепреступной стадиях поведения, но, в отличие от пальцевого, поведенческий след всегда остается на месте происшествия»¹⁴.

Особенности личности преступника проявляются во всех структурных элементах преступного поведения. Исходным фактором расследования является **способ преступления**, который был всегда объектом пристального изучения многих авторов (Г.Г. Зуйков, 1970; А.Н. Васильев, 1975; В.К. Гавло, 1985; В.Н. Карагодин, 1992; А.С. Фомина, 1998 и др.). Исследование способа совершения преступления как типичного образа действий индивида в определенных ситуациях — основное ядро расследования, что определяет Дин из ведущих методов успешного расследования и предупреж-

дения преступлений: «от способа преступления — к способу раскрытия, расследования и предупреждения преступления».

Обращаясь к анализу литературных источников и материалов судебно-следственной практики, всю совокупность действий субъекта по совершению преступлений в зависимости от этапности и механизма преступного поведения можно объединить в три группы: подготовка, совершение и сокрытие преступления. В каждой из этих групп выделяются свои действия, приемы и их признаки, имеющие криминалистическое значение². Для каждого вида преступлений существует свой системный набор способов преступлений. Данные комплексы действий, составляющие вид преступления, связаны специфическим подключением к ним определенных внешних обстоятельств и средств действия. Каждый преступник имеет свой «почерк» в их использовании.

По нашим данным, при определении способа совершения преступления преступники исходят чаще всего из навыков, которые имели (28%), в то же время не задумывались над способом, а исходили из сложившейся криминальной ситуации — около 40%.

Проведенный опрос осужденных, отбывающих наказание за корыстно-насильственные преступления (410 человек), показал, что около 65% при совершении преступлений способ совершения преступлений не меняли.

Эти данные подтверждаются и примерами из практики.

28 июля 2003 г. в 3 часа ночи в дежурную часть УВД г. Бийска поступило сообщение о нанесении неизвестным преступником огнестрельного ранения находящемуся на службе сотруднику ГИБДД. Патрулируя в районе частного сектора, сотрудники милиции обратили внимание на одинокого мужчину, идущего с фонариком по улице, и решили его остановить для удостоверения личности. В ответ неизвестный, не вынимая из кармана брюк пистолета, произвел выстрел и скрылся в темноте.

Обстоятельства данного преступления очень напоминали другое, совершенное в октябре 2002 г., в этом же районе и аналогичным способом. Тогда сотрудники милиции также хотели проверить личность одинокого мужчины, идущего с фонариком поздно ночью. В ответ на их просьбу прозвучал выстрел, и один из милиционеров получил ранение.

И снова сотрудник милиции получает огнестрельное ранение от одинокого ночного путника. Подозрение сразу же пало на Кулакова, ранее неоднократно судимого за тяжкие преступления,

совершил аналогичным способом, бежавшего из мест заключения и находившегося в федеральном розыске.

Причастность Кулакова к совершению этих и ряда других преступлений подтвердилась после его задержания и допроса, кроме того, изъятый у него револьвер с патронами был немедленно направлен на экспертизу, где было дано категоричное заключение об идентичности пуль, изъятых с мест происшествий. При допросах Кулаков пояснил, что пистолет практически всегда носил с собой, а преступления совершал аналогичным способом, так как «не хотел изменять своим привычкам»¹¹³.

На каждом этапе преступной деятельности виновные могут применять различные средства и способы действий, но в целом они имеют нечто общее, закономерное в следах — последствиях содеянного, что и позволяет представить психофизиологический облик преступника и наметить целенаправленный алгоритм действий.

Так, в г. Барнауле были совершены разбойные нападения на квартиры, которые остались нераскрытыми. Примечательно, что во всех случаях были признаки — последствия: преступники (группа из 3 человек) проникали в квартиру под видом работников милиции, надевали наручники потерпевшему, похищали дорогие вещи и т.д.

Эти данные были закономерными для одной группы с ее образом жизни преступников. Впоследствии были задержаны Солоненко, Ермаков и Алексеев. Оказалось, что они были ранее судимы за корыстные преступления, знали друг друга и создали устойчивую организованную группу в целях завладения чужим имуществом. В процессе подготовки к преступлениям они заранее приобрели форму сотрудника милиции, две пары наручников, газовый револьвер «Агент», а также маски для лица и кожаные перчатки. Только за один месяц они совершили ряд дерзких разбойных нападений, но на их след выйти не удавалось¹⁴. Важно учитывать многообразие элементов способа преступления, их сочетание, что обуславливается сложившейся на определенный период времени криминальной ситуацией.

В качестве примера можно привести дело Курусканова, совершившего грабеж. Курусканов с неустановленным следствием лицом по имени Юра, употребляли спиртное на привокзальной площади г. Барнаула. Когда спиртное кончилось, они решили кого-нибудь ограбить. В их поле зрения попал ранее незнакомый им Васильев. Во время распития спиртного «Юра» увидел у Василь-

ева деньги и решил их похитить, о чем сказал Курусканову, который согласился с ним. Когда они предложили Васильеву отдать им деньги, тот ответил отказом. В результате чего между «Юрой», Курускановым и Васильевым возникла драка. Васильев оказал им сопротивление, и, так как на площади было много людей, которые за ними наблюдали, Курусканов предложил всем помириться и в знак примирения купить еще спиртного. Это было уловкой, чтобы усыпить бдительность Васильева. После чего они увели Васильева в безлюдное место по ул. Привокзальная, где продолжали употреблять спиртное. Курусканов сходил еще раз за водкой, а когда вернулся, то увидел, что «Юра» снял куртку с Васильева, который уже не мог оказывать сопротивление, так как был в состоянии сильного алкогольного опьянения. Тогда Курусканов снял с головы Васильева шапку, надел ее себе на голову и, несмотря на протестующие возгласы Васильева, скрылся¹⁰.

В этой и подобных ситуациях явно просматриваются способ и ситуация подготовки к преступлению (исходная предкриминальная ситуация), которая не растянута значительным временем подготовки (днями, месяцами и т.д.), а характеризуется в пределах часа. Так, для разбоев и грабежей характерно ситуативное принятие решения. Свыше 35% подозреваемых (обвиняемых) при допросах и очных ставках не могли объяснить, почему они совершили преступление, что, по мнению А.Э. Жалинского и А.А. Герасун, косвенно свидетельствует об импульсивности их поведения¹⁶. После изменения обстановки в приведенном примере (Васильев оказал сопротивление) изменяется и исходная криминальная ситуация, в результате чего, как правило, изменяется и способ совершения преступления.

Сказанное почти не относится к организованной преступности, в структуре которой планированием операции занимаются хорошо подготовленные люди, а в некоторых случаях для этой цели создаются специальные подразделения.

В декабре 1998 г. в г. Барнауле была обезврежена банда. На ее «след» правоохранительным органам долго не удавалось выйти, так как каждое преступление тщательно планировалось всеми членами преступной группировки. Заранее высматривался объект и предметы хищений (как правило, офисы и кабинеты коммерческих организаций, компьютерная техника), готовился транспорт, хорошо отлаживались каналы сбыта похищенного, приобреталось оружие. Когда же все-таки банду обезвредили, то в ходе обысков было обнаружено и изъято: пистолет Макарова с глушителем, 80

па
о. тронов к нему, граната РГД, газодробовой пистолет, обрез
охотничьего ружья 16-го калибра с боеприпасами¹¹⁷.

Способ совершения преступления может входить в способы сокрытия преступления либо составлять самостоятельную систему. Однако в том и другом случае сокрытие может быть направлено, во-первых, на уничтожение следов преступления, во-вторых, инсценировку. Сокрытие, являясь частью линии поведения лица, входит в более широкое понятие «противодействие»¹¹⁸. Противодействие охватывает не только совершение преступления, но и посткриминальное поведение и поведение в процессе расследования. Естественно, что такая направленность приводит к уничтожению следов преступления и осложняет извлечение информации о преступлении.

По нашим данным, после совершения преступления противодействие проявляется чаще всего в маскировке и фальсификации следов преступления (26%), а также в уничтожении следов преступления (24%).

В ходе предварительного расследования в каждом втором случае со стороны подозреваемых (обвиняемых) оказывается противодействие в форме отказа давать показания («запирательство») — около 70%, дача заведомо ложных показаний — 31%, воздействие на участников процесса путем угроз, шантажа, подкупа, провокаций и т.д. — около 25%.

Таким образом, **способ** как элемент криминалистической характеристики преступления — это система действий (бездействия), направленных на достижение определенной цели, с присущими ей следами-последствиями содеянного, избираемая субъектом преступления в соответствии с его личностными свойствами и сложившейся на данный период времени криминальной ситуацией.

Любое преступление протекает в определенной взаимосвязи с другими внешними системами, которые образуют его среду. Эта окружающая среда в криминалистической литературе получила название **обстановки преступления**. Специфичность же обстановки преступления заключается в особенностях связи субъекта преступления и той среды, в которой подготавливается, совершается и скрывается преступление. Обстановка оказывает прямое влияние на протекание и динамику преступления, объясняя механизм преступного поведения в целом, и указывает на закономерности образования информации о расследуемом событии, что позволяет сделать вывод о том, что любая криминальная ситуация возникает в результате взаимодействия двух систем: преступной деятель-

ности и обстановки преступления. Мы согласны в данном контексте с теми авторами, которые понимают обстановку преступления в самом широком смысле¹¹⁹, в отличие от понимания ее как «материальной обстановки», «обстановки совершения преступления»¹²⁰, которая применима лишь для характеристики одного структурного звена обстановки преступления, ее узла — момента совершения преступления.

В 87% изученных нами уголовных дел по корыстно-насиловственным преступлениям (грабежи, разбои и др.) были выявлены такие благоприятные условия совершения преступления, как ночное время, темнота, наличие прошлого преступного опыта, безлюдность и др.

Однако необходимо учитывать и то, что до момента совершения преступления и той обстановки, в которой оно совершено, была обстановка, ей предшествовавшая. Иная обстановка складывается и непосредственно после совершения преступления.

Так, Стариков и Кондебор вступили между собой в сговор, целью которого было завладеть теплой курткой, так как была осень, а Стариков только что освобожден из мест лишения свободы. С этой целью они направились в центр города. Время было уже позднее, около 23 часов.

Прогуливаясь по улице, они высматривали «объект», так, чтобы он подходил по габаритам со Стариковым и не мог оказать сопротивления. У кинотеатра встретили Абаева, который находился в состоянии алкогольного опьянения. Воспользовавшись этим, Стариков снял с него кожаную куртку, а из кармана брюк вытащил деньги, после чего с места преступления скрылись.

Придя в себя, Абаев сообщил о случившемся в ОВД. Нарядом ППС Стариков и Кондебор были задержаны через несколько часов после преступления. При задержании у них были изъяты куртка, деньги и документы на имя Абаева¹²¹.

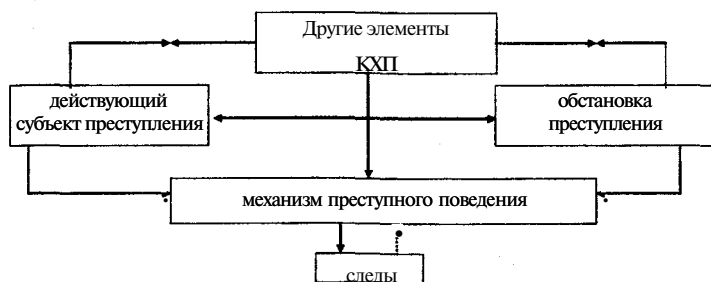
Из примера видно, что обстановка, предшествующая преступлению, для преступников была благоприятной (темное время суток, безлюдное место и т.д.), она оставалась благоприятной и в момент совершения преступления, в результате чего неизменным в своей основе остался и способ совершения преступления. Но после совершения преступления обстановка изменилась, преступники потеряли бдительность, успокоились, пошли на ж/д вокзал, где и были задержаны.

Поскольку все преступления совершаются в конкретных условиях места, времени, иных значимых для конкретного вида пре-

вступления факторов, все эти особенности, с одной стороны, учитываются преступником, а с другой — они же и впитывают, вбирают в себя все следы преступления. Иными словами, преступник, в процессе своей деятельности, взаимодействует с окружающей средой (обстановкой) в результате чего возникают следы преступления, которые несут в себе информацию как о преступлении в целом, так и об отдельных его элементах. Это позволяет выявить взаимосвязь между криминалистической характеристикой и составом преступления в его классической четырехгранной формуле: объект, субъект, объективная сторона, субъективная сторона.

Схематично взаимосвязь элементов криминалистической характеристики преступления можно изобразить следующим образом:

Схема 4

где:

—•— —•— связи между элементами КХП.
 —> — обратная связь, проявляющаяся в ходе расследования преступления через следы преступления.

Процесс взаимодействия элементов криминалистической характеристики преступления в механизме преступного поведения протекает при определенных природно-климатических, социальных и других условиях, которые определяют, во-первых, вариационность возникновения следов преступления, во-вторых, закономерности изменения следов преступления во времени.

Исходя из вышеизложенного, в целях изучения криминалистической характеристики отдельных видов преступлений, необходимо, во-первых, применять интегральное понятие обстановки преступления, в которой локализуются все закономерные связи между элементами механизма преступного поведения, применяя с

этой целью термин «обстановка преступления»; во-вторых, применительно к развитию этапов преступной деятельности субъекта в окружающей среде употреблять дифференцированное понятие обстановки преступления, выделив в ней три самостоятельных и в то же время взаимосвязанных структурных звена (обстановка, предшествовавшая совершению преступления; обстановка в момент совершения преступления; обстановка, сложившаяся после совершения преступления) применяя для их наименования термины — «обстановка предшествовавшая совершению преступления», «обстановка совершения преступления», «обстановка сложившаяся после совершения преступления», что позволяет:

а) получить представление об этапах преступной деятельности, месте, времени, условиях, в которых действовал субъект преступления;

б) выявить закономерные связи между элементами криминалистической характеристики преступления, то есть установить механизм преступного поведения;

в) прогнозировать действия преступника в предкриминальной, собственно-криминальной и посткриминальной ситуациях;

г) использовать информацию и следы преступления в процессе доказывания по уголовному делу;

д) оказывать помощь в определении направления расследования;

е) разработать рекомендации по оптимизации процессов расследования и предупреждения отдельных видов преступлений.

Кроме того, следы преступления проявляются в таких элементах криминалистической характеристики преступления, как **предмет и объект преступного посягательства**, которые выступают в качестве как слеодообразующих, так и следовоспринимающих объектов, что позволяет установить место, время, способ, орудия и другие обстоятельства совершения и сокрытия преступления с помощью специально разрабатываемых для определенной судебно-следственной ситуации методов расследования¹²². **Личность же потерпевшего** как объект преступного посягательства всегда находится в специфических связях и отношениях в общей системе «преступник — жертва»¹²³, что позволяет говорить об определенных закономерностях между этими элементами, которые проявляются, главным образом, в личностных свойствах и качествах преступника, способе, механизме, обстановке и следах-последствиях преступления и в самой личности потерпевшего как специфиче-

ком объекте следовосприятия и слеодообразования до, в момент и после совершения преступления.

Необходимо учитывать, что закономерные связи, в первую очередь, существенно определяют механизм преступного поведения. При этом следует обратить внимание на то, что возможные связи всегда влекут за собой соответствующие изменения в вешней обстановке и сознании людей. Такие материальные и интеллектуальные следы выступают как сигнально-знаковое выражение носимой ими информации о событии преступления, ретроспективный анализ которых открывает перед криминалистами дополнительные возможности для расследования преступлений с наименьшими затратами сил и времени. Особенно важным представляется всестороннее выяснение роли жертвы в механизме преступного поведения (например, манера поведения, провоцирующий на посягательство образ ее действий и др.). Так, по данным В.В. Вандышева, при создании 44% инсценировок преступники использовали широко известные сведения о пьянстве жертв, в 16% — сведения об антиобщественном образе жизни, агрессивности, пьянстве и т.п. Активно используется преступниками информация, порочащая жертву¹²⁴.

Выделение типов потерпевших и познание их связей с другими элементами криминалистической характеристики преступлений позволяет правильно выбирать пути, методы и средства отыскания недостающих элементов ее, причинно связанных с личностью потерпевшего. Особенно важны эти связи на первоначальном этапе расследования, осуществляемого в условиях ограниченной информации по делу.

Любое преступное событие имеет ситуационную природу, развивается в пространстве и во времени, поэтому для успешной мысленной реконструкции всех деталей преступного события необходимо адекватно воссоздать все его составляющие. К их числу относится и криминальная ситуация.

Понятие «криминальная ситуация» появилось сравнительно недавно — лишь в конце 70-х гг., но к настоящему времени уже прочно утвердилось в криминалистике и постепенно начинает оказывать влияние на решение целого ряда научных и практических вопросов (Г.Л. Грановский, 1977; И.М. Лузгин, 1981; В.К. Гавло, 1982; В.И. Ку克林, 1983; Л.Л. Каневский, А.А. Облаков, Н.П. Яблоков, 1985 и др.). Не останавливаясь подробно на анализе понятия криминальной ситуации, который был достаточно полно дан Т.-С. Волчецкой¹²⁰, остановимся лишь на некоторых вопросах, ка-

сающихся структуры, классификации криминальной ситуации и ее места в криминалистике.

Криминальная ситуация является элементом системы криминалистической характеристики преступлений. Ее моделирование имеет важное значение для расследования преступлений.

Применительно к этапам преступной деятельности целесообразно выделить:

- а) ситуации, предшествующие преступлению (предкриминальные);
- б) ситуации совершения преступления (криминальные);
- в) ситуации, сложившиеся после совершения преступления (посткриминальные)¹²⁶.

По этому пути правильно идет Т.С. Волчецкая, которая предлагает рассматривать криминальную ситуацию в качестве одного из звеньев в цепи непрерывно сменяющих друг друга ситуаций¹²⁷.

Предкриминальные ситуации формируются и существуют в период подготовительных действий преступника во всем многообразии их проявлений: подготовка орудия преступления, высматривание жертвы, выбор способа действий, сокрытие преступления и др.

Все вышеперечисленное относится к предкриминальной ситуации только в том случае, если оно не предусмотрено диспозицией, если же подготовительные действия преступника охвачены диспозицией статьи УК РФ, то они в этом случае войдут в содержание криминальной ситуации.

Субъект преступления взаимодействует с окружающим его миром (обстановкой), только в том случае, если элементы этого мира обладают такими качествами, как смысл и ценность для действующего субъекта. Это возможно только после их оценки. Именно через оценку ситуации, полагаем, происходит взаимосвязь между составляющими криминалистической характеристики преступления, а именно: преступной деятельностью и ситуациями, складывающимися до, после и в момент совершения преступления. Так, если механизм преступного поведения только лишь связывает в одну систему все элементы криминалистической характеристики, то в конкретной криминальной ситуации любой отдельно взятый элемент вовлечен лишь какой-то своей одной стороной, частью. Вовлечение же в ситуацию какой-либо иной стороны этого элемента может повлечь за собой качественное изменение всей ситуации. Именно в этом проявляется индивидуальность каждой ситуации, так как каждый из преступников оценивает ее по-

своему и именно это накладывает специфику на ее возникновение и дальнейшее развитие.

Завершающим звеном в цепи криминальных ситуаций является посткриминальная ситуация, которая, как правило, завершает преступную деятельность, после чего в большинстве случаев возникают ситуации поисково-познавательной деятельности в сфере уголовного судопроизводства. Для посткриминальных ситуаций характерно то, что преступник чаще всего уничтожает следы преступления, прибегает к инсценировке, скрывается от органов предварительного расследования и т.д. Поэтому в подобных случаях субъект доказывания при выявлении и использовании информации о преступлении особое внимание должен уделять именно посткриминальной ситуации.

Исходя из вышеизложенного, **криминальная ситуация** понижается нами как **сложная динамическая система информационного характера, возникающая как результат избирательного взаимодействия лица, совершившего преступление в определенных пространственно-временных рамках окружающей среды.**

Примечания к главе 3

¹ См.: *Васильев А.Н.* Следственная тактика. — М.: Юрид. лит., 1976. — С. 3-44; *Он же.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. — М.: МГУ, 1978. — С. 3-25, 43; *Шиканов В.И.* Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-творческого прогресса. — Иркутск, 1978; *Колесшченко А.Н., Коновалова В.Е.* Криминалистическая характеристика преступлений. — Харьков: Харьковский юрид. ин-т, 1985; *Драпкин Л.Я.* Разрешение проблемных ситуаций в процессе расследования. — Свердловск, 1985; *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия. — М. — Калининград, 1997; *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. — М.: НОРМА, 2001; *Шепитько В.Ю.* Криминалистика. — Харьков: ООО «Одиссей», 2005. — С. 260 и др.

² *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. — В 6 т. — Т. 1. — М., 1982. — С. 291-486.

³ *Юдин Э.Г.* Деятельность и системность // Системные исследования. — М.: Наука, 1977. — С. 11-37.

⁴ Обзор отдельных положений развития понятия «следственная ситуация» см.: *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. — В 3 т. — Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. — М.: Юрисг, 1997. — С. 129; *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. — Томск, 1985. — С. 216-273; *Драпкин Л.Я.* Основы теории следственных ситуаций. — Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1987. — С. 7-26 и др.

⁶ См.: *Баршев ЯМ.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. — СПб., 1841, отдел II гл. IV; *Линовский В.А.* Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. — Одесса: Тип. Л. Нитге, 1849, главы 1-3; *Якимов И.Н.* Криминалистика. Уголовная тактика. — М., 1929. — С. 7-85; *Анушат Э.* Искусство раскрытия преступлений и законы логики. — М: ЛексЭст, 2001. — С. 5-62, 92-100; *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. — Новое изд. — М.: ЛексЭст, 2002. — С. 74-169; *Громов В.И.* Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений. — М.: ЛексЭст, 2003. — С. 89-470 и др.

⁶ См. интересные исследования: *Перлов И.Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе. — М.: Госюриздат, 1955. — С. 3-14; *Александров А.С., Гришин СП.* Перекрестный допрос: Учеб.-практ. пособие. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. — С. 3-92; 156; *Косарев СЮ.* Криминалистические методики расследования преступлений (история возникновения и развития): Монография / Под ред. *И.А. Возгрина.* — Кн. 1. — СПб.: Санкт-Пет. ун-т МВД России, 2004; Кн. 2 (становление и развитие). — СПб., 2005. — С. 3-20.

⁷ *Колесниченко А.Н.* Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. — Харьков, 1967. — С. 214.

⁸ *Гавло В.К.* О первоначальных следственных действиях при расследовании преступлений // Докл. итоговой науч. конф. юрид. факультетов. — Ч. 3. — Томск, 1968. — С. 90.

⁹ *Гавло В.К.* Расследование и предупреждение хищений на предприятиях молочной промышленности, совершенных должностными лицами: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1969. — С. 129-150.

¹⁰ См., напр.: *Драпкин Л.Я.* Следственные ситуации и раскрытие преступлений. — Свердловск, 1975. — С. 42; *Лузгин ИМ.* Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. — 1977. — № 2. — С. 56; *Селиванов Н.А.* Советская криминалистика: Система понятий. — М., 1982. — С. 138; *Шаталов А.С.* Проблемы ал-

ритмизации расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2000. — С. 9; Коновалов СИ. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. — Ростов н/Д.: РЮИ МВД России, 2001. — С. 178; Чурилов С.Н. Криминалистическая методика: история и современность. — М.: Маркетинг, 2002. — С. 200; Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. — Калининград, 2004. — С. 47-73 (выполнена под научным руководством проф. Т.В. Волчецкой) и др.

¹¹ Васильев А.Н., Мудьюгин Г.Н., Якубович НА. Планирование расследования преступлений. — М., 1957. — С. 154.

¹² Криминалистика. — М., 1971. — С. 428.

¹³ См.: Корноухов В.Е. Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений. — Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1972. — С. 93.

¹⁴ Белкин Р.С. Указ. раб. — С. 131.

¹⁵ Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования: Материалы Минской научной конференции. — М., 1973. — С. 82-94. С чувством глубокого уважения и волнения вспоминая слова многотимых профессоров Александра Николаевича Васильева, Рафаила Самуиловича Белкина и Александра Алексеевича Эйсмана, которые положительно отозвались о моей статье в сборник для опубликования и сказали, что «у следственных ситуаций большое будущее. Работайте над ними и дальше». И они оказались правы. Под научным руководством А.Н. Васильева автор этих строк продолжил и опубликовал в 1985 г. работу «Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений», в которой ее проблемы решались на основе следственных ситуаций. В 1985 г. в МГУ была затем успешно защищена одноименная докторская диссертация. К разработке этой проблематики под научной консультацией А.А. Эйсмана активно подключился Леонид Яковлевич Драпкин, который в 1987 г. блестяще защитил свою оригинальную докторскую диссертацию и опубликовал одноименную монографию «Основы теории следственных ситуаций» (Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1987), которая стала библиографической редкостью и, несомненно, нуждается во втором издании.

¹⁶ См.: Следственная ситуация и раскрытие преступлений: Научные труды Свердловского юрид. инст. Вып. 41. — Свердловск, 1975; Следственная ситуация. — М.: Всесоюз. ин-т прокуратуры, 1985 и др.

¹⁷ Здесь и далее согласно п. 7 и 41 ст. 5 УПК РФ имеется в виду и Дознаватель — должностное лицо органа дознания, правомочное либо

уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное следствие в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом.

¹⁸ См.: *Гавло В.К.* Расследование и предупреждение хищений ц предприятиях молочной промышленности, совершенных должностными лицами: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1969. — С. 129-150; *Он же.* Криминалистический аспект следственной ситуации и ее значение в расследовании преступлений // Вопросы советского государства и права в период развитого социализма. — Томск, 1977. — С. 178.

¹⁹ См.: *Крайзмер Л.П.* Кибернетика. — М., 1977. — С. 122.

²⁰ См.: *Трахтенброт Б.А.* Алгоритм и машинное решение задач. — М., 1960. — С. 7; *Крайзмер Л.П.* Указ. раб. — С. 94-203; *Философский энциклопедический словарь.* — М., 1983. — С. 18.

²¹ См.: *Лузгин И.М.* Информационная природа доказывания в расследовании преступлений // Правовая кибернетика. — М., 1973. — С. 107-116; *Яблоков Н.П.* Методика расследования и правовая кибернетика (общие положения). — Вестник МГУ. Сер. Право. — 1976. — № 5. — С. 29-35; *Полевой И.С.* Криминалистическая кибернетика. — М., 1982. — С. 113-134; *Герасимов И.Ф.* Пути повышения эффективности методик раскрытия и расследования преступлений: К проблеме алгоритмизации деятельности следователя // Алгоритмы и организация решений следственных задач. — Иркутск, 1982. — С. 33-35; *Асташкин Е.Н., Марочкин П.А., Михальчук А.Е., Решетников В.Я.* Расследование преступлений. Криминалистические комплексы: Учеб.-метод. пособие. — М.: Приор-издат, 2003. — С. 13; *Шаталов А.С.* Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2000 и др.

²² *Колесниченко А.П.* Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений. Дис. ... д-ра юрид. наук. — Харьков, 1967. — С. 214.

²³ *Селиванов П.А.* Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования. — М., 1982. — С. 56.

²⁴ *Салтевский М.В.* О структуре криминалистической характеристики хулиганства и типичных следственных ситуациях // Криминалистика и судебная экспертиза. — Киев, 1982. — Вып. 25. — С. 13.

²⁵ *Герасимов И.Ф.* Некоторые проблемы раскрытия преступлений. — Свердловск, 1975. — С. 168.

²⁶ *Образцов В.А., Протасевич О.А.* О теории тактических операций и ее связях с другими структурными элементами науки криминалисти-

- ки // Оптимизация расследования преступлений. - Иркутск, 1982. - С 123-
- ²⁷ Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. — М., 1978. — Т. 3. — С 70.
- ²⁸ См.: Филиппов А.Г., Целищев А.Я- Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации // Сов. государство и право. — 1982. ~ № 8. - С. 71-75.
- ²⁹ Эйсмэн А.А. Понятие и система теории доказательств в советском уголовном процессе, ее место в советской юридической науке // Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М., 1973. — С. 73.
- ³⁰ См.: Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. — М., 1976. — С. 18.
- ³¹ Филиппов А.Г., Целищев А.Я- Указ. раб. — С. 75.
- ³² Об уголовно-процессуальном аспекте понятия и использования доказательств см.: Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. — М, 1962. — С. 175; Арсеньев В.Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М, 1967. — С. 9-10; Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М., 1973. — С. 197; Белкин А.Р. Теория доказывания. — М.: Норма, 1999. — С. 20-270; Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. — Омск: Омский гос. ун-т, 2004. — С. 233-269; Балакишин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. — Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПП, 2004. — С. 3-20; Деришев Ю.В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой практике современной России. — Омск: Омская академия МВД России, 2005. — С. 3-65 и др.
- ³³ Мерецков К.А. На службе народу. — М., 1969. — С. 213.
- ³⁴ См.: Левыкин И., Уварова В. Социально-психологическая ситуация // Политическое самообразование. — 1983. — № 4. — С. 116-124.
- ³⁵ См.: Хай Г.А. Теория игр в хирургии. — Л., 1978. — С. 43-159.
- ³⁶ См.: Козлова О.В., Брянский Г.А., Разу М.Л. Хозяйственные ситуации. — М, 1976. — С. 3-8; Шуфчук Б.О. 100 ситуаций в управлении. — М, 1977. - С. 6.
- ³⁷ Васильев Н.Н., Яблоков Н.П. Указ. раб. — С. 135.
- ³⁸ Шепитько В.Ю. Криминалистика: Курс лекций. — 2-е изд. — Харьков: ООО «Одиссей», 2005. - С. 260.

³⁹ О структуре и содержании криминалистической характеристики преступлений и ее роли в расследовании см. следующий параграф работы.

⁴⁰ *Танасевич В.Г.* Значение криминалистической характеристики преступлений и следственных ситуаций для методики расследования преступлений // Актуальные проблемы советской криминалистики. - М., 1980. - С. 88.

⁴¹ См.: *Герасимов И.Ф.* Указ. раб. — С. 171.

⁴² См.: *Васильев А.Н., Яблоков И.П.* Указ. раб. — С. 136.

⁴³ *Белкин Р.С.* Указ. раб. — С. 73; *Васильев А.Н., Яблоков И.П.* Указ. раб. - С. 138.

⁴⁴ *Левыкин И., Уварова В.* Указ. раб. — С. 116.

⁴⁵ См.: *Афанасьев В.Г.* Общество: системность, познание и управление. - М., 1981. - С. 90-239; Конкретные ситуации. - М, 1976. - С. 5; *Брянский Г.А., Разу М.Л., Овсянников О.А.* Хозяйственные ситуации. - М., 1983. - С. 6.

⁴⁶ См.: *Гавло В.К.* Криминалистический аспект следственной ситуации и ее значение в расследовании преступлений // Вопросы советского государства и права в период развитого социализма. — Томск, 1977. - С. 179.

⁴⁷ См.: *Сычев Н.И.* Объективное и субъективное в научном познании. — Ростов н/Д., 1974. — С. 44-130; *Славская К.А.* Мысль в действии. - М., 1968.-С. 64-81.

⁴⁸ *Васильев А.Н.* Следственная тактика. — М., 1976. — С. 40.

⁴⁹ О признаках преступления см.: *Митричев С.П.* Методика расследования отдельных видов преступлений. — М., 1973. — С. 13; *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики. — Т. 3. — М., 1978. — С. 264.

⁵⁰ Представляются удачными в этом аспекте предложения *М.В. Салтевского* о возможности типизации следственных ситуаций по делам о хулиганстве, определяющих характер неотложных первоначальных следственных действий. Выделено пять таких ситуаций. В основе их лежат данные о личности хулигана, находится он на месте происшествия или нет, продолжает ли совершать хулиганские действия и др. См.: *Салтевский М.В.* Указ. раб. — С. 18.

⁵¹ *Славская К.А.* Мысль в действии. - М., 1968.- С. 68.

⁵² См.: *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики. — Т. 2. — №> 1978. — С. 344-359; *Лузгин И.М.* Методологические проблемы расследования. - М., 1973. - С. 154.

53 См.: Архив суда г. Славгорода. Дело № 1-79-81.

54 Так, Л.Я. Драпкин вначале выделил сложные и простые следственные ситуации, а затем иные, например проблемные, конфликтные. Проблемные, в свою очередь, разделил на типичные, специфические, одноэлементные и комплексные, закрытые или конечные, открытые, бесконечные и т.п. См.: *Драпкин Л.Я.* Следственные ситуации и раскрытие преступлений. — Свердловск, 1975. — С. 43.

55 См.: *Белкин Р.С.* Указ. раб. — С. 74-77; *Филиппов А.Г., Целищев А.Я.* Указ. раб. — С. 75; *Танасевич В.Г.* Указ. раб. — С. 88-89; *Волчецкая Т.С.* Указ. раб. — С. 104 и др.

56 *Васильев А.Н.* Следственная тактика. — М.: Юрид. лит., 1976. — С. 40.

57 Подробно см.: *Гавло В.К.* Криминалистический аспект следственной ситуации // Вопросы советского государства и права в период развитого социализма. — Томск, 1977. — С. 179.

58 См.: *Гавло В.К.* Расследование и предупреждение хищений на предприятиях молочной промышленности, совершенных должностными лицами: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1969. — С. 74.

59 *Васильев А.Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. — М.: МГУ, 1978. — С. 53.

60 См.: *Гавло В.К., Васильев А.Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение, 1980. — № 13. — С. 112-113. Такой точки зрения в настоящее время придерживаются многие ученые: И.А. Возгрин, И.Ф. Герасимов, Н.П. Яблоков, А.Г. Филиппов, А.Я. Целищев, Т.С. Балугина и другие.

61 *Возгрин И.А.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. — Л., 1976. — С. 45; *Он же.* Введение в криминалистику. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — С. 309.

62 *Куклин В.И.* Указ. раб. — С. 70.

63 *Быховский И.Е.* Программирование расследование: возможности и перспективы // Актуальные проблемы советской криминалистики. — М., 1980. — С. 63.

64 См.: *Гавло В.К.* Методика расследования как особая теоретико-методическая модель — информационный аналог расследования криминальных событий // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью. — Томск, 1984. — С. 162-174.

Филиппов А.Г., Целищев А.Я. Указ. раб. — С. 75.

⁶⁶ 93% от числа опрошенных нами следователей прокуратуры Алтайского края предложили освещать в методике и нетипичные следственные ситуации.

⁶⁷ Митричев С.П. Теоретические основы советской криминалистики. - М., 1965. - С. 41. См. подробнее: Гавло В.К. Проблемы научного обеспечения борьбы с преступностью // Правовая реформа в России: проблемы теории и практики. - Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1998. - С. 341-347.

⁶⁸ Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. - М.: ЮНИТИ-Дана, 2004. - С. 4.

⁶⁹ Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. - М., 1997. - С. 20.

⁷⁰ Гавло В.К. О понятии, значении и задачах методики расследования отдельных видов преступлений // Борьба с преступностью на современном этапе. - Барнаул, 1982. - С. 109-118.

⁷¹ Гавло В.К. Криминалистическая методика расследования преступлений. - Барнаул, 1991. - С. 13.

⁷² Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. - 1979. - № 2. - С. 3-11.

⁷³ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. - М., 1997. - С. 59.

⁷⁴ Корноухов В.Е. Курс криминалистики. - Т. 1. - Красноярск, 1996. - С. 29.

⁷⁵ Волчекская Т.С. Криминалистическая ситуология. - М. - Калининград, 1997. - С. 85.

⁷⁶ Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.И. Генетика, поведения, ответственность. - М., 1989; Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. - М., 1992; Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. - М., 1984; Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. - М., 1991. - С. 122-125; Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. - Томск, 1981. - С. 41-45 и др.

⁷⁷ Кудрявцев В.И. Причинность в криминологии. - М., 1968; Курс советской криминологии. - Т. 1. - М., 1985. - С. 360; Криминология / Под общ. ред. А.И. Долговой. - М., 1997. - С. 60-68.

⁷⁸ Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации. - Хабаровск, 1985. - С. 15; Белкин Р.С. Курс криминалистики. - В 3 т. - Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. - М., 1997. - С. 306-319; Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений.

длинск: Амаффея, 2001. — С. 287; *Рубцов И.И.* Криминалистическая характеристика преступлений: генезис, понятие, проблемы. — СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2002. — С. 41; *Куража В.Э. Малевски Г., Матулене С.* О понятии криминалистической характеристики преступлений и ее уровнях // Вестник криминалистики. — 2005. — Вып. 2 (14). — С. 23.

⁷⁹ *Гавло В.К.* К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. — Томск, 1980. — С. 120-122; *Он же.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. — Томск, 1985. — С. 163-165.

⁸⁰ *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. — М., 1988. — С. 181.

⁸¹ *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. — Томск, 1985. — С. 163-165.

⁸² *Густое Г.А.* Моделирование в работе следователя. — Л., 1980; *Густое Г.А.* К разработке криминалистической теории преступления // Правоведение. — 1983. — № 7. — С. 88-92; *Густое Г.А.* Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. — М., 1993; *Аббасова И.С.* Время совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1991; Роль криминалистической характеристики преступлений в укреплении связи науки криминалистики и практики расследования // Криминалистика и судебная экспертиза. — Вып. 41. — Киев, 1990. — С. 18; *Каневский Л.Л.* Дискуссионные проблемы сущности типовой криминалистической характеристики преступлений и ее использования в процессе расследования // Вестник криминалистики / Отв. ред. *А.Г. Филиппов.* — М.: Спарк, 2002. — Вып. 1. — С. 27-29.

⁸³ *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. — М., 1988. — С. 181; *Куража В.Э. Малевски Г., Матулене С.* Указ. раб. — С. 13-23.

⁸⁴ *Драпкин Л.Я.* Основы теории следственных ситуаций. — Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1987. — С. 35.

⁸⁵ *Белкин Р.С., Быковский И.Е., Дулов А.В.* Модное увлечение или новое слово в науке? // Соц. законность. — 1987. — № 9. — С. 56-58.

⁸⁶ См: *Строевич М.С.* Курс советского уголовного процесса. — Т. 1. — М., 1968; Судебная психология для следователей. — М., 1967; *Ларин А.М.* От следственной версии к истине. — М., 1976; *Бидонов Л.Г.*

Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев: Методические рекомендации к использованию систем типовых версий. — Горький, 1978, *Золотарев А.С.* Методика расследования корыстно-насильственной организованной преступной деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1998. и др.

⁸⁷ *Воробьев Н.Н.* Развитие науки и теории игр. Методологический аспект. — М., 1972. — С. 9-28.

⁸⁸ *Шиканов В.И.* Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. — Иркутск, 1983. — С. 62-63.

⁸⁹ *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. — Томск, 1985. — С. 167.

⁹⁰ *Образцов В.А.* Криминалистика: Курс лекций. — М., 1996. — С. 13; Криминалистика / Под ред. *В.А. Образцова.* — М., 1997. — С. 53-83; Криминалистика / Под ред. *Н.П. Яблокова.* — М., 1997. — С. 19-33; *Бахин В.П., Карпов Н.С., Цымбал П.В.* Преступная деятельность: понятие, характеристика, принципы, изучение: Монография / Под ред. *П.В. Мельника.* — Киев, 2001 и др.

⁹¹ Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / Под ред. *В.Я. Колдина.* — М., 1989. — С. 24-28.

⁹² *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия. — М. — Калининград, 1997. — С. 74.

⁹³ *Гавло В.К.* Указ. раб. — С. 191; *Корноухое В.Е.* Курс криминалистики. — Т. 1. — Красноярск, 1996. — С. 29 и др.

⁹⁴ *Хеккхаузен Х.* Мотивация и деятельность. — Т. 1. — М., 1986. — С. 93.

⁹⁵ Механизм преступного поведения. — М., 1981. — С. 30, 32; *Кудрявцев В.Н.* Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учеб. пособие. — М., 1998. — С. 16-21; см. также: *Лубин А.Ф.* Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Н. Новгород, 1997. — С. 8-23.

⁹⁶ См. также: *Псарева Б.В.* Расследование корыстно-насильственных преступлений в отношении водителей автотранспорта, пассажиров и перевозимых грузов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2003.

⁹⁷ *Аббасова И.С., Кручинина Н.В., Шиканов В.И.* Время как базисный элемент криминалистически значимой информации о событии преступления. — Иркутск, 1994. — С. 57-59.

оз криминалистика / Под ред. *Н.П. Яблокова*. — М.: Изд-во БЕК, 1995. — С. 48-53; *Белкин А.Р.* Теория доказывания: Научно-методическое пособие. — М.: НОРМА, 1999. — С. 311-315; *Лубин А.Ф.* Механизм преступной деятельности: методология криминалистического исследования. — Н.Новгород, 1997. — С. 18-52; *Мешков В.М.* Основы криминалистической теории о временных связях. — Калининград, 2000; *Он же.* Развитие современных концепций криминалистики (на примере криминалистической теории о временных связях и отношениях при расследовании преступлений) // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей. — В 3 ч. — Ч. II: Вопросы современной криминалистики. — М.: Академия управления МВД России, 2004. — С. 72-74 и др.

⁹⁹ Криминалистика / Под ред. *И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина*. — М., 1994. — С. 433; Криминалистика / Под ред. *Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина*. — М., 2004. — С. 633 и др.

¹⁰⁰ См.: *Елисеев С.А.* Личность корыстного преступника, ее криминологическое и уголовно-правовое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 1980. — С. 8; *Ведерников Н.Т.* Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая характеристика преступлений. — М., 1984. — С. 74-77; *Кривошей И.Т.* Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001 и др.

¹⁰¹ *Образцов В.А.* Криминалистика: Курс лекций. — М., 1996. — С. 34.

¹⁰² Там же. — С. 35.

¹⁰³ *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. — Томск, 1985. — С. 197; *Ахмедшин Р.Л.* Криминалистическая характеристика личности преступника. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. — С. 70-119.

¹⁰⁴ Криминалистика / Под ред. *И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина*. — М., 1994. — С. 434.

¹⁰⁵ *Познякова М.Е.* Неудовлетворенность социальных потребностей — важный фактор наркотизации // Актуальные проблемы девиантного поведения. — М.: РАН, 1995. — С. 26; *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология. Общая часть: Учебное пособие. — Красноярск, 1997. — С. 100-107 и др.

¹⁰⁶ *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и Российские тенденции. — М., 1997. — С. 245.

¹⁰⁷ Там же. — С. 468.

Из практики Алтайского краевого суда. Дело № 92/2003.

- ¹⁰⁹ Механизм преступного поведения. — М., 1981. — С. 131.
- ¹¹⁰ Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. — М., 1996. — С. 388; Типология личности преступника и индивидуальное предупреждение преступлений: Сб. науч. трудов. — М., 1979.
- ¹¹¹ Еникеев М.И. Указ. соч. — С. 392.
- ¹¹² Гавло В.К. Указ. соч. — С. 169.
- ¹¹³ Из практики работы УВД г. Бийска за 2003 г.
- ¹¹⁴ Архив суда Железнодорожного района г. Барнаула. Дело № 1-15/98.
- ¹¹⁵ Архив суда Железнодорожного района г. Барнаула. Дело № 1-25/97.
- ¹¹⁶ Жйлинский А.Э., Герасун А.А. Криминологические аспекты непредумышленных преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. — М., 1972. — С. 9-10.
- ¹¹⁷ Из практики СО при Центральном РОВД г. Барнаула. Дело № 76796.
- ¹¹⁸ См., напр.: Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. — Свердловск, 1992. — С. 5-31; Лифшиц Л.В. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Уфа, 1998. — С. 7-18; Стулин О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 1999. — С. 3-20; Николайчук И.А. Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Воронеж, 2000. — С. 3-18; Полстовалов О.В. Криминалистическая конфликтология: Монография. — Уфа: РИО БашГУ, 2002. — С. 10-78 и др.
- ¹¹⁹ Белкин Р.С. Собираание, исследование и оценка доказательств. — М., 1966. — С. 139-140; Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. — М., 1985. — С. 62 и др.
- ¹²⁰ Федоров Ю.Д. О закономерностях возникновения и исчезновения следов преступления // Труды Ташкентской ВШ МВД СССР. — 1975. — Вып. 7. — С. 106; Лубшев Ю.Ф. Деятельность судов по борьбе с преступлениями против личности. — М., 1977. — С. 78; Салтевский М.В. О структуре криминалистической характеристики хулиганства и типичных следственных ситуациях // Криминалистика и судебная экспертиза. — 1982. — Вып. 25. — С. 16 и др.
- ¹²¹ Архив Железнодорожного суда г. Барнаула. Дело № 1-211/97.

12² См.: Турчин Д.А. Теоретические основы учения о следах в криминалистике. — Владивосток, 1983. — С. 54; Анциферов В.К., Корноухов ВЕ-, Ярослав Ю.Ю. Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития. — Красноярск, 1989. — С. 177-185; Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев. — Горький, 1978. — С. 6; Волинский В.А., Моторный И.Д. Взрывные устройства. — М., 2000. — С. 3-70; Беляков А.А. Криминалистическое взрывоведение. - Красноярск: Универс, 2003. — С. 193-241 и др.

123 См.: Центров Е.Е. Основы криминалистического учения о потерпевшем: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - М., 1993; Глазырин Ф.В. Изучение личности потерпевшего по делам о «заказных убийствах» // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы: Сб. науч. ст. / Под ред. В.В. Козлова. — Саратов, 1998. - С. 31-35; Джуманбеюва А.А. Использование специальных знаний при установлении связи «преступник — жертва»: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004 и др.

124 Вандышев В.В. Связь «жертва — преступник» и ее использование в раскрытии и расследовании умышленных тяжких телесных повреждений. - М., 1987.

125 Волчецкая Т.С. Указ. соч. — С. 61-67.

126 См.: Гавло В.К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1988. - С. 22-23; Волчецкая Т.С. Указ. раб. — С. 69 и др.

127 Волчецкая Т.С. Указ. раб. — С. 69.

Глава 4. Ситуационный подход в уголовном судопроизводстве как процесс постановки и решения криминалистических задач в складывающихся судебно-следственных ситуациях

4.1. Криминалистическая характеристика расследования преступлений как направление познания и систематизации техника-, тактике- и методико-криминалистических средств, приемов и методик, применяемых для решения криминалистических задач в складывающихся судебно-следственных ситуациях

Другим структурным компонентом методики расследования, помимо криминалистической характеристики преступления, является, как это уже было сказано выше, криминалистическая характеристика расследования преступлений.

Выделение криминалистической характеристики расследования подтверждается фактическим становлением и развитием собственно методики расследования отдельных видов преступлений, базирующейся на криминалистической характеристике преступлений, ситуациях и методах их расследования. И если поле криминалистической характеристики преступления имеет ретроспективную направленность, находится в системе «преступление», отражая закономерности его подготовки, совершения и сокрытия, то поле криминалистической характеристики расследования преступления имеет перспективную направленность, отталкиваясь именно от криминалистической характеристики преступлений. В этом процессе проявляется сама сущность расследования, с его средствами, тактическими приемами, операциями, методами и этапами с учетом судебно-следственных ситуаций.

К основным компонентам криминалистической характеристики расследования большинство авторов относит следственные версии и направления расследования, судебно-следственные ситуации, складывающиеся на этапах расследования, систему следственных, оперативно-розыскных и иных организационно-технических действий и тактических операций, обеспечивающих выполнение целей расследования¹. С учетом системно-

деятельностного подхода, аналогично криминалистической характеристике преступления, криминалистическая характеристика расследования преступлений, как нам представляется, состоит из двух блоков: деятельности субъектов, осуществляющих расследование по уголовному делу, и ситуаций, складывающихся в ходе этой деятельности.

Деятельность субъектов доказывания характеризуется:

- 1) процессуальной регламентированностью средств и сроков следствия;
- 2) познавательно-поисковой направленностью;
- 3) оперативностью (практические результаты одного действия предопределяют выбор другого действия);
- 4) направленностью на преодоление возможного противодействия заинтересованных лиц;
- 5) наличием властных полномочий, широкой социальной коммуникативностью, повышенной ответственностью за принимаемые решения².

Содержанием деятельности субъекта доказывания является движение криминально значимой для него информации при решении задач, которые субъект решает в процессе расследования преступлений. Главной из них является получение системы доказательств, позволяющих установить личность преступника и раскрыть механизм преступного поведения. Основными функциями этой деятельности являются поиск, обнаружение информации о преступлении и ее познание, то есть в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона придание этой информации статуса доказательств путем собирания, проверки, оценки и использования их в целях решения задач уголовного судопроизводства. Поэтому деятельность по расследованию преступлений можно охарактеризовать как поисково-познавательную деятельность (ППД)³.

Аналогично преступной, в поисково-познавательной деятельности также можно выделить этапы. Этот вопрос на сегодняшний день решается по-разному.

Одни авторы выделяют два этапа расследования: первоначальный и дальнейший (Н.П. Яблоков, 1972; И.М. Лузгин, 1973; Е.П. Ищенко, 1987; Л.Л. Каневский, 1998 и др.); другие - три этапа, добавляя к первым двум завершающий этап (И.А. Возгрин, 1983; В.А. Образцов, Р.С. Белкин, 1997 и др.); третьи - четыре этапа (В.Г. Танасевич, 1978), а такие авторы, как А.В. Мусиенко и В.А. Сомченко, говорят о пятиэтапной структуре расследования⁴.

Хотя следует заметить, что приведенная группировка точек зрения несколько условна, поскольку почти каждый автор по-своему толкует этапы расследования. Так, В.А. Образцов, выделяя три этапа, называет их начальным, промежуточным и заключительным⁵. И.Ф. Герасимов также пишет о трех этапах, но вкладывает в них другой смысл и содержание:

- а) обнаружение и выявление преступления и его признаков;
- б) собирание сведений о лице, совершившем преступление;
- в) установление всех обстоятельств преступного события и лица, совершившего это деяние⁶.

Криминалисты из Германии Б. Гертиг и Р. Шедлих также выделили три этапа, но толкуют их по-своему:

- а) получение сообщения о событии, проведение экспертных мероприятий по проверке оснований к возбуждению уголовного дела, изучение обстоятельств события;

- б) установление подозреваемого и его розыск;

- в) проверка версий о личности подозреваемого, избличение обвиняемого и завершение дела⁷.

А.С. Золотарев считает, что в криминалистической периодизации процесса расследования этап предъявления обвинения имеет собственную специфику и право на существование. Основная задача выделяемого им этапа состоит в продолжении и завершении проверки наиболее перспективной версии о совершении преступления конкретным лицом⁸. Этой же позиции придерживаются В.П. Малков, З.З. Зинатуллин и В.А. Стремовский, которые делят предварительное следствие на два этапа (до привлечения лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого и после него)⁹.

Полагаем, что эта точка зрения по своей уголовно-процессуальной природе верна, хотя и не в полной мере учитывает тактические и методические аспекты понятия «этапа расследования».

Под этим углом зрения, полагаем, верными являются следующие подходы к толкованию понятия «этап расследования». По мнению Л.Я. Драпкина, один этап расследования отличается от другого следующими признаками:

- 1) типовыми следственными ситуациями;
- 2) объемом и содержанием исходных данных, находящихся в распоряжении следователя в начале этапа;
- 3) основными задачами и доминирующей направленностью деятельности участников расследования;

и 4) обстановкой и условиями расследования, определяющими наиболее устойчивые черты производства процессуальных и иных действий (состав, внутреннюю структуру и темп проведения, степень концентрации сил и средств, специфику взаимодействия и т.ду^{ом}

Достоинство такого толкования заключается в правильном выделении признаков, отличающих этапы расследования друг от друга. Анализируя приведенные позиции, нельзя не заметить, что в них, полагая, недостаточно четко просматривается назначение и содержание этапов расследования преступлений.

По нашему мнению, этап расследования, во-первых, отражает пространственно-временной отрезок хода расследования, общий для всех видов преступлений; во-вторых, пределы его распространения должны быть объективно фиксируемыми и иметь четкие границы; в-третьих, он характеризует качественно определенные изменения, переход из одного состояния расследования в другое под влиянием установления (неустановления) обстоятельств дела, связанных с предметом доказывания; в-четвертых, ему соответствуют следственные ситуации и система следственных, оперативно-розыскных и иных организационно-технических действий, тактических операций; в-пятых, этапные задачи расследования едины".

Выделение этапов расследования, имеющих методологическое значение должно, на наш взгляд, осуществляться с учетом уголовно-процессуальных требований расследования преступлений, включающих стадии уголовного судопроизводства. Причем каждой стадии процесса свойственны:

1) непосредственные задачи, вытекающие из общих задач уголовного судопроизводства;

2) конкретные цели и единые принципы;

3) определенный круг участвующих в ней органов и лиц;

4) порядок (процессуальная форма деятельности, определяемая содержанием непосредственных задач данной стадии и особенностями выражения в ней общих принципов процесса);

5) специфический характер уголовно-процессуальных отношений, возникающих между субъектами в процессе производства по делу;

6) итоговый процессуальный акт (решение), завершающий цикл процессуальных действий и отношений, влекущий переход дела на следующую ступень^{1,2}.

Что же касается вопроса о выделении в стадии возбуждения уголовного дела этапа предварительной проверки материалов, о

чем писали в своих работах Р.С. Белкин, Л.Я. Драпкин, В.К. Гавло, В.В. Степанов и другие авторы¹³, то важно отметить, что он имеет свою определенную тактико-методическую специфику. Полагаем, что этот этап и ситуации, складывающиеся в ходе деятельности по проверке сообщений и заявлений о преступлении, в соответствии с требованиями ст. ст. 140-145 УПК РФ являются связующим звеном между информацией о преступной деятельности, с одной стороны, и реакцией на эту деятельность субъектов доказывания в стадии предварительного расследования — с другой стороны.

Этапы расследования, как отмечено выше, вписываются в криминалистическую характеристику расследования преступлений. Между тем, как показывает изучение литературы, криминалистическая характеристика расследования преступлений чрезвычайно информативна и нуждается в дальнейших исследованиях. Так, В.А. Образцов выделяет четыре криминалистические характеристики расследования преступлений, а именно: «раскрытие преступлений», «выявление преступлений», «полный цикл расследования преступлений», «судебное рассмотрение уголовных дел»¹⁴. Полагаем, что выделенные В.А. Образцовым виды криминалистических характеристик расследования преступлений чрезвычайно интересны по своему существу и могут быть предметом обсуждения. Однако остается неясным соотношение и смысл таких предлагаемых понятий, как «криминалистическая характеристика полного цикла раскрытия преступления» и «криминалистическая характеристика раскрытия преступления».

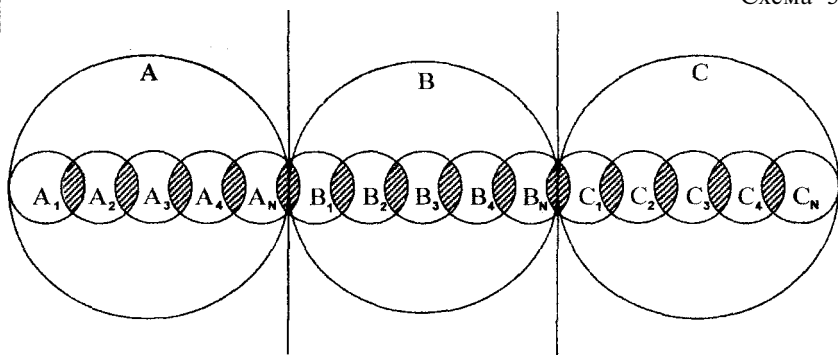
Видимо, в настоящее время назрела необходимость в разработке в криминалистической методике расследования целостной системы знаний о наиболее оптимальных методах ведения и предварительного, и судебного следствия. Формой ее выражения при таком подходе могла бы стать криминалистическая характеристика следствия.

Криминалистическая характеристика следствия — это образование, составляющими элементами которой являются криминалистическая характеристика предварительного следствия и криминалистическая характеристика судебного следствия (судебного разбирательства). **По своей сущности она представляет собой систему обобщенных сведений, раскрывающих основные закономерные черты механизмов предварительного и судебного следствия в складывающихся судебно-следственных ситуациях**¹⁵.

Проблема выделения криминалистической характеристики судебного следствия уголовных дел является продолжением дискуссии о целесообразности включения в предмет криминалистики судебного следствия (А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков, 1984; Р.С. Белкин, 1993; В.Н. Карагодин, 1998; Ю.В. Кореневский, 2001; Б.И. Комиссаров, С.Л. Кисленко, 2003 и др.). Полагаем, что криминалистическая характеристика судебного следствия должна отражать особенности методик по ведению судебного следствия с бюзиции ситуационного подхода.

Схематично динамику ситуаций преступлений, ситуаций предварительного расследования и судебного следствия в поисково-познавательной деятельности на предварительном следствии и в ходе судебного разбирательства можно изобразить следующим образом.

Схема 5

где:

Блок А отражает криминальную деятельность преступника в ситуациях преступления и знания о ней, содержащиеся в криминалистической характеристике преступлений.

А[— начало преступной деятельности (предкриминальная ситуация);

Аг-А4 — ситуации, складывающиеся в процессе совершения преступления (криминальные ситуации);

Ам — окончание преступной деятельности (посткриминальная ситуация).

Блок В отражает криминалистическую деятельность следователя в ситуациях предварительного следствия и знания о ней в криминалистической характеристике предварительного следствия.

В) — начало предварительного следствия (ситуация, складывающаяся на первоначальном этапе предварительного следствия);

Вг—В4 — ситуации, складывающиеся на дальнейшем этапе предварительного следствия;

Вм — окончание предварительного следствия и предъявление обвинения (ситуация, складывающаяся на заключительном этапе предварительного следствия).

Блок С отражает криминалистическую деятельность суда (судьи) в ситуациях судебного следствия и знания о ней, содержащиеся в криминалистической характеристике судебного следствия.

С[— начало судебного разбирательства (ситуация, складывающаяся на первоначальном этапе судебного разбирательства уголовных дел);

Сг—С4 — ситуации, складывающиеся на дальнейшем этапе судебного разбирательства уголовных дел;

Ск — окончание судебного разбирательства и постановление обвинительного приговора (ситуация, складывающаяся на заключительном этапе судебного разбирательства уголовных дел).

— часть информационной структуры ситуации, которая переходит в другую (последующую) ситуацию и влияет на ее развитие (переходные ситуации).

Следует заметить, что приведенная общая схема не является жесткой и окончательной и может быть дополнена и детализирована с учетом особенностей этапов поисково-познавательной деятельности. В частности, каждую из трех ситуаций, относящихся к той или иной криминалистической характеристике, можно подразделить на более мелкие (частные) ситуации, складывающиеся на том или ином этапе. Например, ситуация, складывающаяся на первоначальном этапе предварительного расследования может быть ограничена рамками: в одних случаях — от момента возбуждения уголовного дела до появления подозреваемого; в других — до установления личности потерпевшего

Данные опроса следователей, работников уголовного розыска (110 человек) показали, что первоначальный этап предварительного расследования заканчивается, как правило, установлением личности подозреваемого (65%). При этом следует учитывать, что динамическая связь этапов и ситуации протекает по линии исходных, промежуточных и конечных задач поисково-познавательной деятельности субъектов. Переход от одного этапа к другому — это переход от одной ситуации к другой, от одних задач к другим. Каждый этап имеет свое начало и свой конец. На «входе» в этап стоит одна ситуация, а значит, и ситуационно обусловленный ком-

плекс адекватных ей специфических задач и способов их разрешения, а на «выходе» — другая ситуация, являющаяся развитием предшествующей ситуации, с ее задачами и способами решения.

При анализе затронутой проблемы следует иметь в виду определенную условность положения о смене ситуаций и переходе от одной ситуации к другой. Эволюция ситуаций не является абсолютной. Каждая последующая ситуация не есть в чистом виде новая по всем показателям, параметрам ситуация, в корне отличающаяся от предыдущей. Все ситуации сохраняют в своем составе какие-то элементы, черты, стороны, переходящие в неизменном или частично измененном виде из предшествующих ситуаций, включая исходную. В то же время все ситуации, развивающие исходную, всегда содержат в себе элементы нового, того, что не было представлено вообще в предыдущей ситуации. В сущности, механизм практического следоведения представляет собой процесс истинного развития исходной ситуации, изменения ее содержания, качественных характеристик¹⁶. В связи с чем в схеме можно выделить отдельными блоками ситуации предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях (в порядке ст. ст. 141, 143, 144 УПК РФ), ситуации, возникающие в процессе ознакомления прокурора с материалами поступившего к нему с обвинительным заключением уголовного дела. Наконец, схему можно дополнить более крупными блоками, например, такими как криминалистическая характеристика оперативно-розыскной и розыскной деятельности как разновидности криминалистической деятельности¹⁷. Изучение их в частных методиках позволит повысить эффективность криминалистических рекомендаций в расследовании преступлений.

На практике оправдывает себя следующая структура этапов предварительного расследования преступлений.

Первоначальный этап предварительного расследования. Его пространственно-временные границы находятся в пределах с момента возбуждения уголовного дела и до вынесения мотивированного постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Для исходных данных на этом этапе характерна значительная неполнота, которая нередко хотя и остается на дальнейшем этапе, но степень ее неопределенности существенно снижается, то есть субъект доказывания на дальнейшем этапе обладает достаточным объемом доказательств, в частности, для предъявления обвинения. Основными же задачами и доминирующей направленностью деятельности субъектов доказывания на первоначальном этапе явля-

ются «выявление необходимой доказательственной и тактически-информации и ее носителей (источников)»¹⁸. Эти задачи решаются исходя из складывающихся судебно-следственных ситуаций, путем проведения комплекса следственных, оперативно-розыскных действий и мероприятий, а также иных процессуальных и организационных действий, в ходе которых субъекты доказывания выдвигают версии, собирают и проверяют доказательства.

Основной задачей первоначального этапа, как правило, является установление личности преступника. С момента привлечения лица в качестве обвиняемого сбор доказательств идет с учетом позиции обвиняемого (признания, отрицания вины, наличия или отсутствия доказательств и т.д.), в связи с чем уточняются и задачи расследования. Весь процесс становится более целенаправленным, как бы персонифицированным, что позволяет эффективно выдвигать и отрабатывать следственные версии, которые ранее не носили столь определенного характера.

Для некоторых видов и групп преступлений целесообразно в первоначальном этапе расследования выделить его подэтапы как структурные элементы, связанные с появлением фигуры подозреваемого (ст. 46 УПК РФ).

Выделение подэтапов диктуется необходимостью целенаправленной проверки версий относительно лица, подозреваемого в совершении преступления, как главного направления в расследовании, с учетом складывающихся в этот период следственных ситуаций, связанных с выявлением, установлением, задержанием подозреваемого, проверкой его показаний и т.д. Все это требует своих специфических приемов и методов расследования¹⁹.

Дальнейший этап предварительного расследования. Как уже было сказано выше, своеобразие этого этапа состоит в том, что к его началу субъект доказывания располагает достаточными доказательствами о причастности конкретного лица к совершению преступления. И если на первоначальном этапе, как правило, решаются задачи на поиск доказательств расследуемого события преступления и его отдельных обстоятельств, то для дальнейшего этапа характерны задачи на доказывание виновности обвиняемого. На наш взгляд, направление расследования будет зависеть от той ситуации, которая сложилась после допроса обвиняемого. Разрешать эти ситуации наиболее эффективно возможно с учетом закономерных связей, присущих всем элементам криминалистической характеристики преступления и элементам предмета доказывания. По этому поводу Л.Я. Драпкин верно отмечает, что об-

стоятельства предмета доказывания «следует считать комплексом вопросов, стоящих перед следователем, которые надо решать»²⁰, тогда как знания, содержащиеся в элементах криминалистической характеристики преступлений, следует считать вероятными ответами на эти вопросы.

Пространственно-временные границы этого этапа находятся в пределах от времени вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, его допроса (ст. ст. 171-174 УПК РФ) и до принятия решения об окончании предварительного расследования.

Заключительный этап предварительного расследования. Анализ следственной практики показывает, что на заключительном этапе большинство следователей и дознавателей сталкиваются с проблемами не только процессуального характера (выполнение действий, связанных с окончанием расследования), но и криминалистического. Задачи, решаемые субъектом доказывания на заключительном этапе, по сравнению с предыдущими имеют свою специфику. Пространственно-временные границы этого этапа будут начинаться с момента принятия решения об окончании расследования (ст. 215 УПК РФ). Для него характерно решение целого комплекса процессуальных, криминалистических и организационных задач, таких как систематизация и упрочнение всех материалов дела, их оценка с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, принятие тактико-криминалистического решения о переходе от развернутого доказывания всех обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, к «сворачиванию» расследования, подведению его итогов, составлению обвинительного заключения, а также по реагированию на возможные ходатайства в порядке ст. 219 УПК РФ. Кроме того, должно диагностироваться возможное будущее противодействие на последующих стадиях уголовного судопроизводства и приниматься меры упреждающего характера для обеспечения нормального хода судебного процесса и всех последующих стадий уголовного процесса. Заканчивается этап направлением дела через прокурора в суд.

Анализ материалов практики показывает, что вышеназванные этапы могут быть различными по своей продолжительности, что зависит от складывающихся судебно-следственных ситуаций и их информационной структуры. Причем каждому этапу соответствуют «свои» судебно-следственные ситуации с их специфической

системой следственных и иных действий, исходя из задач, возникающих на том или ином этапе.

Вопросам разрешения судебно-следственных ситуаций с учетом того этапов расследования будет посвящена следующая часть работы.

4.2. Судебно-следственные ситуации и их разрешение на первоначальном этапе предварительного расследования преступлений

Деятельность субъектов доказывания в уголовном процессе представляет собой сложное системное образование, которое проявляется в решении различных мыслительных задач, в творческом подходе к судебно-следственным ситуациям, требующим познавательной активности. С этих позиций процесс расследования следует рассматривать как постоянное возникновение в уголовном судопроизводстве криминалистических задач, которые должны решить, исходя из предмета доказывания по делу, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, судья и т.д.

Как в психологии, так и в криминалистике общепризнано, что любая задача имеет два компонента: условие или данные и конечную цель или требование²¹. Конечная цель нередко может быть достигнута решением промежуточных целей как ее составляющих. По ходу решения может происходить многократное преобразование цели и условий задачи. Уже по этой причине в процессе своего преобразования на каждом последующем этапе решения задача может так сильно видоизменяться, что нередко воспринимается как принципиально новая. Тем не менее всегда сохраняется структурная характеристика поставленной задачи, включающая в себя цели и условия ее решения, которые связаны между собой причинно-следственными связями так, что от решающего требуется их преобразование. Множество решаемых задач требует их объединения в определенные группы с учетом специфики содержания, способов решения и т.п., то есть их нужно классифицировать по различным основаниям. Так, с точки зрения роли в достижении конечной цели А.Д. Бойков выделяет исходные, непосредственные, промежуточные, частные и конечные²². В зависимости от типа решения — простые и сложные задачи²³. Применительно к уровням процесса расследования задачи классифицируют на стратегические (конечные) и тактические (промежуточные).

ные)²⁴. По способу решения Н.Л. Гранат и А.Р. Ратинов классифицируют задачи, решаемые путем: получения новой или дополнительной информации (в их условиях имеется явный дефицит информации, но известны или легко становятся таковыми способы и источники ее получения, то есть задачи на добор информации); преодоления барьера (инерции, традиций, шаблонов, эмоциональных препятствий и т.п.) через их снятие или обход; восстановления события, явления, процесса, предмета и т.п. методом ретросказания; рефлексии; осознания и анализа многопроблемности конкретных ситуаций через определение и последовательное вычленение подзадач, для решения которых есть достаточно данных²⁵.

Как названные, так и другие системы классификации оснований в решении криминалистических задач вполне приемлемы и отвечают потребностям практики расследования преступлений. Вместе с тем, с нашей точки зрения, важно при решении криминалистических задач правильно распознать судебно-следственную ситуацию, ее информационные компоненты как базовые для принятия решений по расследуемому уголовному делу.

Естественно, что наибольшие трудности в принятии решения по существу, как отмечено в психологии, вызывают проблемные судебно-следственные ситуации.

Действительно, как показывает следственная практика, в расследовании преступлений нет и не может быть непроблемных судебно-следственных ситуаций. Любая ситуация, с которой сталкивается следователь вплоть до окончания расследования, является проблемной. Однако следует заметить, что проблемность ситуации мы рассматриваем в психологическом аспекте, как возникновение мышления, мыслительной деятельности. Так, в повседневной жизни ситуации, в которых осуществляется деятельность человека, достаточно полно соответствуют ему, то есть ситуации отражают ту действительность человека, в которой он действует, понимая смысл и значение элементов ситуации и своих действий с ними. По-другому дело обстоит в ситуациях, складывающихся в процессе расследования уголовного дела. Судебно-следственные ситуации всегда означают некоторое несоответствие между субъектом доказывания и окружающим его миром, но предполагают деятельность по устранению этого несоответствия. Результатом такой деятельности являются новые информационные потоки, новые знания, которые, в конечном счете, должны привести к раскрытию преступления. Но не любое знание вызывает проблемную следственную ситуацию, а такое, которое связано с проблемностью по-

знания и предположением о возможности получения новой информации для решения задач уголовного судопроизводства.

Интерес, на наш взгляд, представляет сам процесс определения следственной задачи, включающий в себя восприятие ее содержания, оценку и отбор тех элементов, которые составят ее содержание.

Как это уже было сказано выше, отличительными признаками задачи являются ситуация и цель, противоречивое отношение между которыми порождает задачу.

Цель в доказывании выполняет регулятивную функцию и чаще всего носит вероятностный характер, поскольку субъекту доказывания не известно, как на самом деле развивалось расследуемое событие. Поэтому не случайно выделяются конечные (стратегические) и промежуточные (тактические) цели.

Конечные (стратегические) цели, полагаем, даны в ст. 73 УПК РФ и заключаются в установлении всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Конкретизация данных обстоятельств при расследовании определенного вида преступления осуществляется в соответствии со статьями Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ. Весь круг таких обстоятельств подлежит обязательному доказыванию при расследовании всех преступлений.

Тактические (промежуточные) цели ставятся субъектом доказывания в процессе расследования, носят индивидуальный характер и в законе не определены. Реализация же всех тактических целей осуществляется во взаимодействии друг с другом с учетом определенной последовательности их постановки в процессе достижения стратегических целей, с одной стороны, и характером информационной структуры складывающихся в процессе расследования следственных ситуаций — с другой.

При определении криминалистической задачи через отношение ситуации к цели, процесс постановки задачи субъектом доказывания протекает в определенных рамках и предполагает следующую динамику мыслительной деятельности.

Субъект доказывания как система представляет собой единство с тем, что его составляет (данного субъекта), действительность, которую он непрерывно создает своей деятельностью и этой же деятельностью обеспечивает ее предметность, в силу чего действительность предстает как реальность, как ситуация, в которую, в конечном счете, и преобразуются цели и условия. В момент восприятия субъектом доказывания следственной задачи существует несоответствие между тем, что «задано», то есть теми элементами

[криминалистической характеристики преступления, которые известны, и тем, что должно быть установлено как результат решения (цель). Степень же установления этого несоответствия полностью зависит от индивидуальных возможностей субъекта. Решая 1 проблему «постулата двойного отражения», мы считаем, что существует диапазон соответствия человека задаче, внутри которого обеспечивается проблемность, способная придать деятельности поисковый характер. Когда человек сам обнаруживает и ставит мыслительную задачу, то это происходит потому, что он в некотором предмете отразил свои возможности познания этого предмета. Не любое несоответствие вызывает переживание возможности перехода к мышлению. Только «соответствующее несоответствие» может лечь в основу мыслительной деятельности⁹⁶, т.е. те элементы окружающего мира, которые, по мнению субъекта, не вписываются в общую картину, но имеют для него (субъекта) ценностно-смысловое содержание.

Вышесказанное поясним следующей ситуацией предварительного следствия.

В Центральном районе г. Барнаула в своей квартире с признаками насильственной смерти был обнаружен труп Чаршина. Одной из первоочередных задач, стоявших перед следствием на первоначальном этапе, являлось обнаружение следов, указывающих на лицо, совершившее преступление. Хотя осмотр места происшествия позволил воссоздать картину убийства, однако следов, указывающих на лицо, совершившее преступление в квартире обнаружено так и не было. Следовательно, мысленно «прокручивая» создавшуюся ситуацию, перебирал пути ее решения. Окончив осмотр и собираясь уходить, он обратил внимание на вешалку в коридоре. О чудо! Его внимание привлек пиджак, по размеру явно не принадлежащий потерпевшему. При его осмотре следователя ждал «сюрприз» — во внутреннем кармане пиджака был обнаружен паспорт на имя Федотова, который, как впоследствии установило следствие, и совершил это убийство²⁷.

Вполне вероятно, что в ходе осмотра пиджак мог «не попасть» в судебно-следственную ситуацию, в связи с чем следствие лишилось бы важнейшей доказательственной информации. Это, в свою очередь, могло привести к затягиванию сроков расследования, приостановлению уголовного дела, а, в конечном счете, возможно, и его прекращению.

В исходный момент первичного восприятия субъект доказывания не может еще установить смысл различных элементов ситуа-

ции. Например, по обнаруженным на месте происшествия отпечаткам пальцев нельзя сказать, кому они принадлежат: потерпевшему, преступнику или третьему лицу. Но для следователя, как профессионального лица, на этом этапе становится ясным, какие действия и с какими элементами надо предпринять для того, чтобы выйти к цели.

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод: субъект доказывания не может сконструировать для себя судебно-следственную ситуацию, не определив, так или иначе, значение и смысл элементов объективного мира, формирующих ее, однако определение их возможно только в конце мыслительной деятельности, как ее результат, как решение следственной задачи. Несответствие целей и условий является главным побудительным фактом, стимулирующим самостоятельное целеобразование²⁸. **Субъект доказывания на базе «объективно заданных» условий конструирует свою цель и свои условия в складывающихся судебно-следственных ситуациях.** Именно поэтому расследование преступлений имеет ситуационный и индивидуальный, творческий характер.

Можно с уверенностью сказать, что развитие судебно-следственной ситуации начинается с знания тех ее элементов (наличия или отсутствия фактических данных о времени, месте, потерпевшем, способе преступления и т.д.), которые имеют наибольший смысл для субъекта доказывания в решении задач уголовного судопроизводства. Только благодаря такому знанию следствия судебно-следственная ситуация может развиваться направленно, осмысленно, упорядоченно. Анализ уголовных дел, позволивших своевременно развернуть расследование и раскрыть преступление, показывает, что оперативно-розыскные, организационно-технические мероприятия, следственные и иные действия подчинены логике судебно-следственных ситуаций, которая диктует смыслы деятельности субъектов, участвующих в расследовании. Поэтому не случайно в науке криминалистики идет речь о типовой методике расследования, в основе которой лежит судебно-следственная ситуация с ее объективными, субъективными и случайными компонентами.

Чтобы связать воедино цель, условия и задачу расследования, все задачи, полагаем, можно классифицировать по признаку соотношенности целей и условий, то есть насколько конечная цель может представить критерии оценки исходной ситуации.

Применительно к методике расследования отдельных видов и групп преступлений можно, на наш взгляд, выделить четыре типа задач.

Для первого типа задач характерно то, что в исходной судебно-следственной ситуации (СС)] по делу известны все важнейшие элементы криминалистической характеристики расследуемого преступления. В данном случае цель познания (СС)] совпадает с целью познания конечной ситуации (ССг) по содержанию (ситуация развивается с учетом конечной цели, которая известна). Это так называемые простые задачи расследования, вытекающие из судебно-следственной ситуации, которые решаются путем выполнения ряда заранее известных правил (алгоритмов). Выполнение действий, направленных на решение такого рода задач, не вызывает каких-либо затруднений. Данный тип задач возможен как на первоначальном, так и дальнейшем этапах расследования.

Так, не вызывают особых трудностей действия следователя, проводимые им по окончании предварительного следствия. Признав, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, следователь уведомляет об этом обвиняемого и разъясняет ему предусмотренное ст. 217 УПК РФ право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника, законного представителя, о чем составляется протокол в соответствии со ст. ст. 166 и 167 УПК РФ.

Другое дело, что могут возникнуть трудности по уведомлению обвиняемого (в связи с тем, что он уклоняется от явки либо скрывается от следствия). В этом случае простая задача может перерасти в сложную.

Ко второму типу задач можно отнести те, в которых в исходной судебно-следственной ситуации (ССО известен один или несколько элементов криминалистической характеристики преступления, но требуется установить остальные, недостающие ее элементы. В этих задачах ситуация не совпадает с конечной целью. При решении задач второго типа характерно возникновение промежуточных (тактических) целей, играющих подчиненную роль по отношению к конечной цели. На отдельных этапах расследования эти цели могут иметь самостоятельное информационно-поисковое значение. Промежуточные (тактические) цели возникают как результат развития некоторых возможностей, открывающихся в ситуации.

Для наглядности можно привести пример из практики. Обстоятельства преступления приводились нами ранее (см. п. 39 настоящей работы). Коротко напомним, что в одну из июльских ночей в г. Бийске при проверке документов у одинокого мужчины, шедшего по улице с фонариком, получил огнестрельное ранение сотрудник ГИБДД. Преступник выстрелил, не вынимая пистолет из кармана брюк.

Таким образом, в исходной судебно-следственной ситуации были известны некоторые элементы криминалистической характеристики преступления, такие как: время, способ совершения преступления, потерпевший, однако требовалось установить остальные, недостающие, и в первую очередь личность преступника.

Подозрение пало на находившегося в федеральном розыске Кулакова, который имел семь судимостей за совершение краж, грабежей и разбоев. В подтверждение выдвинутой версии о причастности Кулакова к этому преступлению говорило и то, что в октябре 2002 г. при аналогичных обстоятельствах был ранен милиционер, который хотел проверить личность двух подозрительных мужчин, шедших ночью с фонариком.

Кроме того, изучение оперативно-поисковых дел показало, что на территории г. Бийска имеется еще два нераскрытых преступления, совершенных с применением огнестрельного оружия. По всем преступлениям имелись пули, изъятые с места происшествия и направленные в ЭКУ ГУВД Алтайского края и ЭКЦ МВД России. Объединяло преступления еще и то, что все они были совершены вблизи частного сектора в одном из районов города.

Для установления местонахождения подозреваемого был проведен ряд мероприятий, в том числе оперативная отработка жилого массива, во время которой два участковых уполномоченных милиции получили информацию о появлении в одном из домов схожего по приметам мужчины. Подойдя к указанному; дому, они увидели подъехавший автомобиль ВАЗ-2101, в котором находились мужчина и женщина. Потребовав выйти из автомобиля, участковые стали проверять документы у женщины, которая была за рулем, и осматривать содержимое багажника. В это время мужчина, воспользовавшись моментом, скрылся. Женщина предъявила документы на имя Табашниковой, о которой имелась информация как о сожительнице Кулакова.

При осмотре машины был обнаружен и изъят револьвер с шестью патронами, который немедленно направили на экспертизу, а также множество отпечатков пальцев рук разыскиваемого Кула-

кова. При осмотре дома Табашниковой сыщиков ждали не менее важные находки. Было обнаружено другое огнестрельное оружие и ряд предметов, схожих по приметам с похищенными вещами.

Таким образом, преступнику в результате непрофессиональных действий сотрудников милиции удалось в очередной раз скрыться, однако были получены важные доказательства о причастности Кулакова к покушению на жизнь милиционера.

На следующем этапе была проведена экспертиза изъятого револьвера и патронов. И здесь сыщиков ждала удача. Согласно заключению экспертизы, пуля, извлеченная из тела сотрудника ГИБДД, выпущена из представленного револьвера. Кроме того, пуля, извлеченная из трупа гр-на Ющенко, также была выпущена из этого оружия.

Вовремя «вспомнили» и о направлявшихся еще год назад для постановки на централизованный учет пульх, извлеченных из руки сотрудника ОВО и тела гр-на Цаплина. Во всех четырех случаях пули оказались идентичны! Такой поворот событий не оставлял никаких сомнений в виновности Кулакова во всех четырех преступлениях.

Основная задача на следующем этапе заключалась в обнаружении и задержании Кулакова. Для этого были задействованы практически все силы УВД, а также привлечено население города. Проведение таких масштабных мероприятий, потребовавших огромных сил и средств, обеспечило получение новой информации о местонахождении разыскиваемого преступника. 31 июля 2003 г. в 18 час. 30 мин. позвонившее анонимное лицо сообщило, что 20 мин. назад гражданин, схожий по приметам с Кулаковым, в одной из квартир продал мастеру телеателье телевизор.

Проверка указанного адреса позволила установить хозяина квартиры, который пояснил, что сдает ее гр-ке Табашниковой, а запасные ключи он недавно передал ее сожителю. По предъявленной фотографии он опознал Кулакова.

Медлить было нельзя, необходимо было как можно быстрее провести задержание Кулакова. Однако, проникнув в квартиру, сотрудники ОМСН обнаружили Кулакова мертвым. Вскрытие показало, что причиной его смерти явилось отравление неизвестным ядом²⁹.

Вот так неординарно разрешилась эта ситуация, анализ которой показывает, что ее решение осуществлялось не только «сверху» — от конечной цели, но и «снизу» — от элементов ситуации,

развития их смысла, приводящего к возникновению промежуточных (тактических) целей.

Рассмотренный тип задач характерен для первоначального и дальнейшего этапов расследования. Эти задачи относятся к сложным задачам, связанным с эвристическим подходом к их решению.

К задачам третьего типа относятся такие задачи, которые характеризуются наибольшим по сравнению с двумя предыдущими типами «отрывом» целей от условий. Эти задачи отличаются тем, что **конечная цель, по крайней мере, на ранних стадиях поиска решения, не может дать прямых критериев оценки судебно-следственной ситуации, ее элементов и действий с ними**, то есть данных недостаточно для принятия того или иного решения. Так, при обнаружении трупа (при отсутствии других данных) можно выдвинуть несколько типовых версий о характере события. Это может быть убийство, самоубийство, несчастный случай или скоропостижная смерть, и следствие может пойти по любому из этих направлений. Но может пойти только тогда, когда следователь «увидит» возможность организации следствия по тому или иному направлению, то есть увидит возможность организации судебно-следственной ситуации. Отсутствие такой возможности, во-первых, заставляет следователя искать и формировать эти возможности; во-вторых, использовать в ходе расследования возможности для формирования на их основе промежуточных (тактических) целей, берущих на себя основную регуляцию деятельности.

Задачи третьего типа — это творческие, индивидуальные задачи. Регуляция мыслительной деятельности совершается через целеобразование, процесс постановки «собственных» задач, которые, хотя и весьма относительно, но все же направляются конечной (стратегической) целью, указанной в законе (ст. 73 УПК РФ). Названный выше тип задач возникает на всех этапах расследования, когда информации в источниках недостаточно и проблемная ситуация встает как никогда остро. При этом риск возникновения возможных ошибок и упущений в уяснении судебно-следственных ситуаций возрастает, если не актуализируется творческое, основанное на высоком профессионализме решение криминалистических задач.

Это можно проследить на конкретном примере из следственной практики.

1. В 17 час. 10 мин. в ОВД Октябрьского района г. Барнаула с заявлением о разбойном нападении обратилась продавец Зала-

Исаева. Она сообщила, что в 10 минут назад под угрозой пистолета Незнакомый мужчина, который был в нетрезвом состоянии, требовал товар, находящийся в продаже. Оперативная группа немедленно выехала на место происшествия и благодаря умело проведенным мероприятиям задержала мужчину, схожего по приметам с нападавшим. При личном обыске задержанного был изъят пистолет «Вальтер» 1993 года выпуска с магазином без патронов. В ходе объяснений, полученных от Заламаевой и очевидцев события Игнатенко и Бонашко, было выяснено, что: в этот день Заламаева находилась на своем рабочем месте, в коммерческом киоске. Около 17 часов к киоску подошел парень, который был в нетрезвом состоянии и без разрешения взял с витрины бутылку лимонада. Она потребовала вернуть лимонад, но парень ее просьбу проигнорировал. Заламаева выхватила из его рук лимонад, в ответ на это мужчина достал из кармана пистолет, стал его демонстрировать, а затем через окно киоска направил пистолет на Заламаеву. Испугавшись, что пистолет может выстрелить, она закричала. После этого выбежала из киоска и сообщила о случившемся своему мужу — Игнатенко, который со своим другом Бонашко находился недалеко от киоска, в машине. Выскочив из машины, они подбежали к мужчине. Угрожая им пистолетом, тот попытался скрыться. В это время Заламаева вызвала сотрудников милиции, которые впоследствии задержали преступника. На основании этого было возбуждено уголовное дело по п. «в», «г» ч.2 ст. 162 УК РФ (разбой с незаконным проникновением в помещение, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия).

2. На данный момент сложилась исходная судебно-следственная ситуация, которая характеризовалась определенными фактическими данными, достаточными для определения направления расследования в отношении подозреваемого Миронычева. Ее образовали следующие источники и содержащиеся в них данные: протокол задержания подозреваемого Миронычева, объяснения пострадавшей и очевидцев, сведения оперативного характера и др.

3. Оценка сложившейся ситуации свидетельствовала о взаимосвязи в ней элементов криминалистической характеристики разбоя (способ, механизм, место, время, мотив и др.).

4. Исходя из этого, у следователя не было сомнения, что Миронычев совершил разбойное нападение с применением оружия. Именно с подтверждением этой версии следователь связывал прогнозирование будущего расследования, для чего был намечен и

проведен широкий комплекс следственных, оперативных и иных действий: назначена судебно-баллистическая экспертиза по пистолету, проведены допросы потерпевшей, свидетелей и подозреваемого, очные ставки между ними, так как Миронычев отриц^{ал} свою вину и указывал на то, что потерпевшая ему знакома, он часто покупал у нее сигареты. В этот раз он решил с ней пошутить. События, в силу опьянения, помнит плохо, умысла на разбой у него не было.

5. В результате была получена новая информация, учет которой позволил следователю сформулировать новую следственную ситуацию и внести дополнения в предполагаемый механизм преступления. Выяснилось, что Заламаева действительно была знакома с Миронычевым. Пистолет он приобрел в 1993 г. на рынке у незнакомого мужчины, без патронов, никогда из него не стрелял и хранил у себя дома. Вину признает частично, так как умысла на разбой у него не было. Таким образом, сложилась новая судебно-следственная ситуация, в которой данные, относящиеся к элементам криминалистической характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ, по мнению следователя, не подтверждались, а указывали на состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 161 УК РФ. В связи с чем Миронычеву было предъявлено обвинение по ст. ст. 30 и ч. 2 ст. 161 УК РФ как покушение на грабеж.

6. Процесс оценки, прогнозирования, выдвижения и проверки версий в сложившейся следственной ситуации продолжался, в результате чего была получена новая информация, а именно: в ходе оперативных мероприятий были установлены и допрошены новые свидетели, Курявин и Люкшин, которые пояснили, что в день совершения преступления они вместе с Миронычевым пили пиво, затем Миронычев, направляясь к киоску, сказал, что пошутит над продавцом. Они не придали этому значения, а через некоторое время услышали у киоска крики и увидели, что Миронычева задержали сотрудники милиции. Изъятый при личном обыске Миронычева пистолет, согласно заключению баллистической экспертизы, огнестрельным оружием не является. Кроме того, были проведены дополнительные допросы потерпевшей Заламаевой и свидетелей Игнатенко, Бретнева (участкового милиционера, который задержал Миронычева) и других свидетелей, характеризующих личность обвиняемого, а также проведены оперативно-розыскные мероприятия по установлению личности мужчины, у которого Миронычев приобрел пистолет. После чего Миронычеву было предъ-

явлено новое обвинение по п. п. «б», «в», «г» (разбой, совершенный неоднократно, с незаконным проникновением в помещение, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия) ч. 2 ст. 162 УК РФ. В связи с чем сложилась новая судебно-следственная ситуация, в которой не подтвердился состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 161 УК РФ, но указывались признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ и ч. 4 ст. 222 УК РФ.

Процесс оценки, прогнозирования, выдвижения и проверки версий в сложившейся ситуации продолжался до установления всех обстоятельств дела, вплоть до направления в суд по обвинению Миронычева в совершении преступления, предусмотренного п. п. «в», «г» ч. 2 ст. 162 и ч. 4 ст. 222 УК РФ.

Однако с такими выводами предварительного следствия суд не согласился. В приговоре действия Миронычева были переквалифицированы на ч. 1 ст. 213 УК РФ — хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся угрозой применения насилия к гражданам.

При этом суд исходил из следующего. В судебном заседании умысел Миронычева на завладение чужим имуществом не нашел подтверждения. Как пояснил сам подсудимый, а также свидетели, Миронычев был постоянным покупателем в этом киоске. Кроме того, свидетель Кухтеев пояснил, что деньги у подсудимого в тот вечер были. Сами по себе требования подсудимого о передаче сигарет и лимонада бесплатно незначительны и также могут свидетельствовать о хулиганском характере действий Миронычева с газовым пистолетом. Поэтому органами следствия они квалифицированы правильно по ч. 4 ст. 222 УК РФ — незаконное приобретение и ношение газового оружия.

Анализ этого дела показывает, что оно довольно типичное. Кажущаяся простота исходной судебно-следственной ситуации обманчива, так как ее неправильная оценка по связи элементов криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ, и в первую очередь по мотиву преступления, неотыскание необходимого количества доказательств, невыдвижение и непроверка всех возможных версий, в том числе о хулиганстве привели к ошибкам в расследовании и неправильной квалификации действий Миронычева³⁰.

К задачам четвертого типа относятся смешанные задачи, в которых сочетаются все вышеперечисленные признаки. Процесс

решения протекает как алгоритмическим, так и эвристическим (творческим) путем. Этот тип задач наиболее часто встречается в поисково-познавательной деятельности по расследованию преступлений.

Итак, следственная задача складывается следующим образом: расследуя событие преступления, субъект доказывания встречается с рядом проблем предмета доказывания, определяет и выделяет условия, характерные для данной судебно-следственной ситуации (время, место, способ совершения преступления и т.д.), а также ставит (образует) цель (цели) для их решения. Деятельность разных субъектов доказывания по отношению к судебно-следственной ситуации (проблеме) объясняется тем, какое значение и смысл имеют те или иные элементы ситуации для этого субъекта. В связи с чем в судебно-следственной ситуации переплетаются, переходят друг в друга как объективные факторы с их противоречием и единством, так и субъективные, исходящие от субъекта доказывания (во всей совокупности своих потребностей, возможностей, знаний, умений и т.д.).

Схематично это можно представить следующим образом.

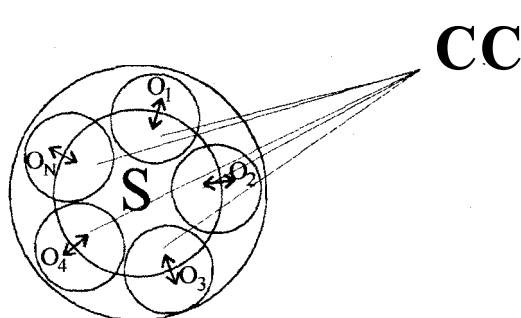

Схема 6

где: 1) S — субъект доказывания;

2) O1, O2, O3, O4, O5 — элементы объективного мира (люди, предметы и т.д.), которые для субъекта доказывания имеют определенный смысл и ценность;

3) СС — судебно-следственная ситуация, возникающая при взаимодействии S и O.

При таком подходе в методике расследования можно наиболее полно реализовать идеи тех исследователей, которые полагают возможным в деятельности субъекта доказывания выделить не-

сколько взаимосвязанных аспектов: информационно-познавательный, информационно-логический, доказательственный, управленческий и т.д.³¹

Поэтому совершенно прав Л.Я. Драпкин, говоря, что «необходимо обязательно учитывать сочетание объективных и субъективных факторов, составляющих содержание процесса формирования следственных ситуаций, понятие следственной ситуации неотделимо от отражения реальной обстановки мышлением следователя, от осознания следователем характера складывающейся ситуации и сопряжения (соединения) ее условий с выявленной проблемой, конфликтом, состоянием риска или организационной неупорядоченности, или наоборот — с бесконфликтностью, полным отсутствием тактического риска. Именно поэтому информационное отражение основных характеристик ситуации, их предварительная, самая общая оценка должны входить в понятие следственной ситуации»³². Из чего впоследствии он делает вывод, что «осознание наиболее общих свойств реальной ситуации (проблемность — не-проблемность, конфликтность — бесконфликтность и т.д.) можно рассматривать как этап динамической структуры следственной ситуации, без которого не может возникнуть и само это понятие...»³³.

Главной же задачей деятельности субъектов доказывания в уголовном судопроизводстве является получение системы доказательств, позволяющей установить лицо, совершившее преступление, и раскрыть механизм совершения преступления. Ее достижение осуществляется посредством производства различного рода следственных и оперативно-розыскных действий. Совокупность процессуальных и иных действий, направленных на решение общей задачи (тактической или стратегической), образуют тактическую операцию (комбинацию). Несмотря на различные определения тактических операций (комбинаций), ученые едины в главном, что они представляют взаимосвязанную систему процессуальных и иных действий, направленных на решение задач в условиях сложившейся судебно-следственной ситуации»³⁴.

Реализация тактической операции (комбинации) должна характеризоваться единым руководством и плановостью. Изучение и оценка сложившейся судебно-следственной ситуации позволяет определить проблему, подлежащую разрешению в процессе проведения тактической операции. В свою очередь, возникшая в ходе следствия проблема открывает путь к решению задач расследования, которые могут рассматриваться в данном случае как цели

операции³⁵. Поскольку судебно-следственная ситуация является основой деятельности субъектов доказывания, постольку субъект доказывания действует с учетом той информационной структуры судебно-следственной ситуации, которая ему известна. Чтобы действовать, субъекту необходимо сначала получить представление о содержании и объеме криминалистической информации, содержащейся в каждой ситуации. Для этого следует установить закономерные связи между известными элементами криминалистической характеристики преступления в этой ситуации и через них идти к другим, еще неизвестным элементам.

Сведения, относящиеся к элементам криминалистической характеристики и обстоятельствам, условиям расследуемого события преступления, можно назвать признаками судебно-следственной ситуации.

На формирование судебно-следственной ситуации оказывают влияние центральные и вспомогательные источники.

Центральный источник криминалистической информации определяется следующим:

- 1) возникновение его в процессе совершения преступления;
- 2) обязательность его исследования и использования;
- 3) содержание в нем криминалистической информации о доказываемом или доказательственных фактах³⁶;
- 4) наличие в нем закономерных связей со всеми элементами криминалистической характеристики преступления.

В ходе расследования преступлений и оформлении следственных действий центральный источник криминалистической информации будет разный. Так, например, в одних судебно-следственных ситуациях это будет субъект преступления, в других — способ преступления, в третьих — потерпевший и т.д. Тогда закономерные связи между элементами системы сложной ситуации устанавливаются своими специфическими методами и идут по схеме; от способа преступления к субъекту преступления; от потерпевшего к субъекту преступления; от мотива преступления к субъекту преступления и т.д.

Что же касается вспомогательных источников, то они не всегда связаны между собой. Так, например, потерпевшие до преступления могут и не знать друг друга. Через способ совершения преступления не всегда можно выявить субъект преступления.

Правильное определение и оценка центрального и вспомогательных источников являются залогом того, что задачи расследования будут решены оптимально. Определяющим фактором при

выборе очередности, совместности и параллельности решения отдельных (как стратегических, так и тактических) задач будет судебно-следственная ситуация, складывающаяся к первоначальному этапу расследования. С учетом проведенных исследований по корыстно-насильственным преступлениям (массив 850 уголовных дел по грабежам, разбоям, убийствам из корыстных побуждений, а равно сопряженных с вымогательством, разбоем и др.) можно выделить основные стратегические задачи, представляющие наибольшую сложность в достижении и имеющие решающее значение для оптимального расследования. Ими являются установление общего характера события преступления и подозреваемого (обвиняемого). Установление таких задач, как способ совершения преступления, обстановка преступления, орудие преступления и мотив, часто осуществляется на протяжении как первоначального, так и дальнейшего этапов расследования. Так, почти в 90% изученных уголовных дел одновременно с установлением субъекта преступления решались задачи по установлению способа и мотива преступления (70%), потерпевшего (90%), орудия преступления (25%), обстановки (35%). Сам же процесс формирования и развития судебно-следственной ситуации, а также постановку целей и задач на первоначальном этапе расследования можно проследить на конкретном примере.

В начале апреля 1996 г. в реке Барнаулке возле Центрального рынка г. Барнаула был обнаружен труп неизвестного мужчины с признаками насильственной смерти. Осмотр показал, что на трупе имеются повреждения в области головы, левая кисть отсутствует, ноги в коленных суставах перевязаны изолянтной.

На этом этапе следователь поставил две основные тактические задачи — установление личности потерпевшего и способа совершения преступления, вследствие чего был проведен ряд мероприятий.

Актом физико-технического исследования было установлено, что:

- 1) отчленение левого предплечья (кожного края) на трупе произведено неоднократным воздействием орудия с острой кромкой, вероятно, рубящим;
- 2) рана на кожном лоскутке из области правого коленного сустава и повреждения на правой штанине брюк причинены рубящим орудием;

3) две раны на кожных лоскутах с головы трупа причинены твердым тупым предметом с ограниченной удлиненной поверхностью.

В ходе оперативно-розыскных действий была установлена личность потерпевшего, им оказался Сидоров, предприниматель из г. Барнаула. Труп Сидорова опознал его отец. Таким образом, центральным источником информации на данном этапе расследования стал труп Сидорова. Дальнейшие поиски были направлены на выявление связей потерпевшего с предполагаемым преступником, а также мотивы и цели преступления. Была получена новая значимая для следствия информация. Так, при допросе Сысоевой выяснилось, что потерпевший имел дело со Стародубцевым, который задолжал ему крупную сумму денег. Брат потерпевшего, подтвердив показания Сысоевой, назвал адрес Стародубцева.

Таким образом, при выяснении образа жизни и связей потерпевшего Сидорова у следствия появилась первая «ниточка» в общей схеме «потерпевший — способ — субъект преступления». Помимо других версий, проверялась и версия причастности Стародубцева к убийству Сидорова. Так, жена Стародубцева сообщила, что ее муж в настоящее время работает в коммерческом киоске на Центральном рынке и что к нему часто заходил Сидоров. Конфликтов между ними не было, а приблизительно в декабре 1995 г. муж рассказал об исчезновении Сидорова. Кроме того, она сообщила, что в январе 1996 г. сдала дубленку мужа в химчистку, так как на рукавах и карманах были темные пятна. Свидетель Дубов рассказал о том, что в конце декабря 1995 г. он был свидетелем ссоры между Сидоровым и Стародубцевым в киоске у последнего. Чтобы он им не мешал, попросили Дубова выйти на улицу, сказав, что скоро выйдут. Подождав около 15 минут, Дубов уехал домой. С тех пор он Сидорова больше не видел.

Эта и другая информация давала основания подозревать Стародубцева в убийстве Сидорова, что и послужило поводом его вызова и допроса по возвращению из «командировки». Неожиданно для следствия исходная следственная ситуация, возникшая на момент возбуждения уголовного дела, изменилась в благоприятную сторону. Было установлено, что 26 декабря 1995 г. в киоск к Стародубцеву пришли Сидоров, Дубов и «Александр» — грузчик на рынке. Они все вместе выпивали. Потом между Стародубцевым и Сидоровым произошла ссора, в ходе которой Сидоров ударил железным ящиком, стоявшим в киоске, по голове Стародубцева, а тот в свою очередь выхватил ящик и ударил Сидорова в об-

ласть шеи. После чего посадил его на стул, но тот не шевелился. Свидетелем всего этого, со слов Стародубцева, был Александр, который сказал, что Сидоров мертв, взял топор и ударил им по телу Сидорова, сняв предварительно шапку и пальто. Стародубцев в это время вышел из киоска, а когда зашел, то увидел, что Александр связывает ноги Сидорову изолентой. После чего они выкинули труп в реку Барнаулку, а Александр сказал, чтобы о случившемся он никому не рассказывал.

Дальнейшее решение задачи по установлению подозреваемого и его причастности к совершению преступления решалось на основе исследования связей между теми элементами криминалистической характеристики преступления, которые были известны на это время и той криминалистически значимой информации, которую составили свидетель, место происшествия, проведенные оперативно-розыскные мероприятия и т.д. Заключение в них информация в совокупности позволяла установить причастность подозреваемого к совершению расследуемого преступления, что и послужило поводом к задержанию Стародубцева и его допросу в качестве подозреваемого, в ходе которого он подтвердил ранее дававшиеся им показания.

Таким образом, имеющиеся доказательства позволяли поставить центральную тактическую задачу — получение правдивых показаний от Стародубцева. Одновременно решались и другие тактические задачи, тесно связанные с центральной, — выяснение мотива, цели преступления, способа его совершения и сокрытия, обстановки преступления, механизма преступления и др. В процессе расследования проводились не только процессуальные действия, но и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление «Александра», которые к успеху не привели. В ходе следственного эксперимента и обыска в киоске у Стародубцева были обнаружены и изъяты топор, одеяло, шланг, нож. Все эти предметы давали положительную реакцию с «гемофаном», что свидетельствовало о том, что на них может быть кровь. Кроме того, в процессе решения тактической задачи на обнаружение следов преступления была проведена выемка дубленки у Стародубцева. Проведенные после этого биологические экспертизы дали положительные результаты. Из их заключений свидетельствовало, что на всех изъятых вещах имеется кровь, групповая принадлежность которой не исключает происхождения от потерпевшего Сидорова.

Заключением физико-технической экспертизы установлено, что «отчленение предплечья (кожного края), рана в области коленного сустава справа причинены рубящим орудием, возможно представленным плотницким топором, а раны на кожных лоскутах головы... причинены воздействием твердого тупого предмета... Таким предметом мог быть обух топора».

Все собранные данные в своей совокупности давали достаточное основание, чтобы предъявить обвинение Стародубцеву в убийстве Сидорова, что и было сделано 19 апреля 1996 г. Стародубцеву было предъявлено обвинение по п. п. «а», «г», «н» ст. 102 УК РСФСР (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, совершенное из корыстных побуждений, с особой жестокостью, по предварительному сговору группой лиц)⁷⁷.

Таким образом, в приведенном примере хорошо прослеживается динамика судебно-следственных ситуаций на первоначальном этапе расследования, заключающаяся в том, что, проанализировав и оценив исходную информацию, следователь, выдвигая версии, ставит с учетом своего опыта, знаний, навыков различные задачи. Но, так или иначе, все свои действия следователь проводит с учетом известных элементов криминалистической характеристики преступлений, выделяя из них главный, центральный элемент (источник), который связан с другими элементами закономерными связями.

Действия, направленные на исследования центрального источника, — это действия, направленные на решение центральной тактической задачи. Это могут быть розыскные, следственные и иные действия. В последнюю очередь проводятся действия по конкретизации собранной уголовно значимой информации.

Проведенным исследованием установлено, что динамическим фактором развития судебно-следственной ситуации, определяющим ее направленность и интенсивность, может выступать тот смысл, который имеет уголовно значимая для субъекта доказывания информация, в каждый момент времени на определенном этапе расследования. С учетом этого можно выделить два вида смысловых (лично-относительных) образований в структуре судебно-следственной ситуации.

Первые — это те элементы судебно-следственной ситуации, которые оцениваются субъектом доказывания с точки зрения достижения тактической цели (например, обнаружение следов преступления, установление лица, подозреваемого в совершении преступления и т.д.).

Вторые — те элементы судебно-следственной ситуации, которые обуславливают дальнейшее целеобразование, то есть иницируют формулирование новых тактических целей, выступающих как промежуточные цели деятельности субъектов доказывания³⁸.

Следует также учитывать и то, что специфика доказывания в уголовном судопроизводстве требует, чтобы решение тактических и стратегических задач на том или ином этапе расследования проходило параллельно. Параллельно должны проводиться и те действия, результаты которых не зависят друг от друга. Например, проведение одновременно опросов и осмотра места происшествия, обысков, допросов и т.д.

Мероприятия оперативно-розыскного характера, проводимые параллельно со следственными и иными действиями в ходе тактических операций (особенно на первоначальном этапе расследования), должны быть подчинены быстрому установлению местонахождения подозреваемого, его задержанию, а также розыску похищенного имущества и очевидцев преступления.

Примером умелого проведения оперативно-розыскных мероприятий, повлекших раскрытие ряда преступлений, может служить дело о банде Кочегарова.

8 ноября 2002 г. около 20 часов неизвестные лица с применением пистолета и двух обрезов напали на двух жителей г. Горно-Алтайска и, завладев автомобилем «Тойота Марк 2», скрылись. Нападавшие были одеты в камуфлированные костюмы, на головах маски черного цвета с прорезями для глаз.

В конце 2002 г. сотрудниками УБОП была получена оперативная информация о возможной причастности к совершению данного преступления участников организованной группы. При реализации полученной информации в ходе проведения оперативных мероприятий были задержаны: Цыба (при проверке установлено, что данный гражданин живет под чужим паспортом, его настоящая фамилия — Мустаев, находится в федеральном розыске за совершение ряда тяжких преступлений) и Задворов.

В ходе дальнейшей работы установлено, что задержанные являются активными членами банды Кочегарова. Дополнительно был установлен еще один участник банды — Панченко.

В УБОП была получена оперативная информация о причастности указанных лиц к ряду разбойных нападений на пункты металлолома на территории Алтайского края и Республики Алтай.

При дальнейшей разработке арестованных Мустаева и Задворова они сознались еще в двух разбойных нападениях:

4 сентября 2002 г. около 11 часов члены банды ворвались в пункт металлолома в г. Бийске, где, смертельно ранив гр-на Карташова, похитили имущество, деньги и с места преступления скрылись.

При аналогичных обстоятельствах было совершено преступление в г. Горно-Алтайске в октябре 2002 г.

Впоследствии все члены банды понесли заслуженное наказание³⁹.

Оперативно-розыскные мероприятия являются, таким образом, средством выявления источников доказательственной информации. Кроме того, анализ судебно-следственной практики показывает, что обнаружение организованных групп и выявление их преступной деятельности осуществимо лишь оперативно-розыскным путем, то есть путем агентурно-оперативного, оперативно-технического наблюдения за криминальной средой, вскрытия в этой среде устойчивых криминальных связей, а вслед за этим и складывающихся или уже сложившихся организованных структур, установления организаторов, исполнителей и иных лиц, в той или иной форме содействующих организованному преступному формированию в осуществлении его криминальной деятельности⁴⁰.

Важным звеном в организации работы субъектов доказывания на первоначальном этапе расследования является осуществление комплекса организационных мероприятий в судебно-следственных ситуациях, направленных на установление и розыск похищенного имущества, а также преступников. Алгоритм их разрешения в основном можно свести к проверке по криминалистическим учетам, постановке на учет похищенных вещей, изучению материалов ранее раскрытых и нераскрытых аналогичных преступлений. Необходимо как можно полнее использовать информацию, полученную в результате взаимодействия органов дознания и предварительного следствия. Это, на наш взгляд, позволит значительно увеличить объем поступающей к следователю ориентирующей информации, обеспечит максимальный поисковый эффект, который, как известно, способствует неременному установлению и задержанию лиц, причастных к совершению преступления, а это в свою очередь позволит точно определить и решить задачи дальнейших этапов расследования.

М.З. Судебно-следственные ситуации и их разрешение

• на дальнейшем и заключительном этапах предварительного расследования преступлений

Первоначальный этап расследования характеризуется значительной неполнотой источников криминалистически значимой информации, которая нередко остается и на дальнейшем этапе расследования, но степень ее неопределенности значительно снижается. На этом этапе субъект доказывания, как правило, обладает достаточным объемом доказательств, требующих дальнейшей всесторонней проверки. И если для первоначального этапа характерны в целом задачи на поиск и закрепление доказательств, то для дальнейшего этапа расследования — на доказывание. Сказанное не означает, что на первоначальном этапе расследования вообще не осуществляется доказывание. Субъект доказывания на этом этапе не только обнаруживает и исследует доказательства о событии преступления и лице, его совершившем, но и, как только появляется это лицо, характер решаемых задач существенно меняется. Продолжается собирание доказательств и дальше, но уже с учетом позиции обвиняемого (подозреваемого), имеющимися доказательствами, условиями, в которых проводятся отдельные следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, тактические операции, а в целом со складывающимися судебно-следственными ситуациями по делу. Личность обвиняемого (подозреваемого) на дальнейшем этапе приобретает значение центрального источника информации в доказывании, в связи с чем существенно меняются средства и методы процессуальной и негласной работы.

К типичным судебно-следственным ситуациям на этом этапе, полагаем, можно отнести следующие:

1. Обвиняемый дает показания по существу расследуемого события преступления, признает себя виновным полностью под тяжестью доказательств, свою виновность может подтверждать новыми доказательствами.

2. Обвиняемый признает себя виновным в совершении преступления полностью, но в деле недостаточно убедительных доказательств, его изобличающих. Возникает проблема с получением доказательств виновности обвиняемого.

3. Несмотря на убедительные, проверенные доказательства, уличающие обвиняемого в совершении преступления, виновным он себя не признает полностью. В подтверждение этого он может

приводить факты, аргументы либо, наоборот, замкнуться в себе и не отвечать на вопросы в соответствии со ст. 51 Конституции РФ.

4. Обвиняемый признает себя виновным частично (в части эпизодов), а в части эпизодов называет другие эпизоды и факты своей преступной деятельности и деятельности других лиц. Признание подкреплено собранными доказательствами.

5. Обвиняемый признает себя виновным частично (в части эпизодов), доказательств, полностью его изобличающих, недоста-

41

точно .

Первая ситуация является наиболее благоприятной для расследования. Она, как правило, не вызывает затруднений у субъекта доказывания, ее решение не отмечается конфликтностью и разрешается типовыми методами. Направление расследования для этой ситуации: систематизация, оценка полученных доказательств и принятие решения об окончании предварительного расследования с направлением уголовного дела через прокурора в суд (ст. ст. 220-222 УПК РФ).

Для второй ситуации необходимо сосредоточить усилия на проверке показаний обвиняемого, получении новых доказательств с помощью специалистов, экспертов, использовании психологических особенностей обвиняемого (соучастников), свидетелей с тем чтобы можно было применить к ним наиболее эффективные тактические приемы повторных допросов. Очень результативным может оказаться взаимодействие следователя при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Что же касается других ситуаций (3, 4, 5), то они встречаются чаще всего (70%) и вызывают наибольшую проблему у субъекта доказывания. Для этих ситуаций характерны элементы конфликтности (80%), тактического риска (около 40%). Кроме того, именно в них ярко выражено противодействие следствию со стороны заинтересованных лиц (около 70%).

В этих судебно-следственных ситуациях в первую очередь необходима проверка фактов, которые сообщил обвиняемый, закрепление уже имеющихся доказательств и получение новых, свидетельствующих о причастности обвиняемого к совершенному преступлению.

В процессе расследования преступлений вся информация, имеющая значение для дела, может быть получена при производстве процессуальных, розыскных и оперативно-розыскных действий. Различные источники криминалистически значимой инфор-

мации порождают не только ее отличающий правовой режим, но и имеют неодинаковое методическое и тактическое значение.

Кроме того, следует заметить, что оперативные работники осуществляют свою деятельность не только в складывающихся судебно-следственных ситуациях (например, проводят следственные действия, принимают участие в составе следственно-оперативной группы и т.д.), но и в так называемых **оперативно-розыскных ситуациях**, для которых характерны в первую очередь методы негласной работы.

Понятие «оперативно-розыскная ситуация» не стало еще предметом широкого обсуждения среди ученых, однако появившиеся в последнее время отдельные работы (в основном, ограниченного пользования) свидетельствуют о том, что это достаточно перспективное направление, которое требует своего дальнейшего изучения⁴².

Под **оперативно-розыскной ситуацией** мы понимаем сложную динамическую систему информационного характера, возникающую в деятельности субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и влияющую на дальнейшую организацию этой деятельности в целях решения задач, стоящих перед оперативными аппаратами, путем применения ими специальных средств, приемов и методов.

При всей схожести с судебно-следственными ситуациями оперативно-розыскные ситуации имеют и существенные отличия.

Во-первых, они возникают в деятельности специальных субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Во-вторых, в отличие от субъектов доказывания, которые свою деятельность осуществляют в соответствии с уголовно-процессуальным законом гласно, оперативные работники в своей деятельности руководствуются Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон «Об ОРД») и применяют в своей работе как гласные, так и негласные средства, приемы и методы.

В-третьих, в отличие от целей, стоящих перед субъектами доказывания в рамках уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), основной целью субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, является непосредственное выявление и использование фактических данных, необходимых для решения задач оперативно-розыскной деятельности, указанных в ст. 2 Закона «Об ОРД».

В-четвертых, с учетом указанных выше отличий, восприятие окружающей действительности субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, отличается от восприятия этой же действительности субъектами доказывания. В связи с чем, полагаем, можно говорить о совершенно иной природе возникновения и развития оперативно-розыскной ситуации в отличие от судебно-следственной и, как следствие, об ином характере криминалистически значимой информации.

Учитывая это, по критерию значимости для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, вся криминалистическая информация, полагаем, может быть разделена на:

1) информацию об обстоятельствах расследуемого преступления, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ) — например, о месте преступления (квартира, подъезд, открытая местность); каким способом совершено преступление; каков характер и размер вреда, причиненного преступлением, и т.д.;

2) информацию о доказательственных фактах;

3) ориентирующую информацию (например, известно, что в преступлении принимали участие мужчина и женщина, высокого и низкого роста; преступники скрылись с места происшествия на легковом автомобиле иностранного производства зеленого цвета).

Определенные трудности возникают у субъектов доказывания в связи с невозможностью получения доказательств из известных источников. Поэтому особое значение приобретают вопросы повышения эффективности взаимодействия органов дознания и предварительного следствия и вытекающие отсюда проблемы использования оперативно-розыскной информации в доказывании, на что правильно обращается внимание в литературе⁴³.

Необходимость взаимодействия возникает:

1) по уголовным делам, возбуждению которых предшествовало проведение оперативно-розыскных мероприятий с целью документирования неочевидных, замаскированных преступных эпизодов;

2) по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно (ст. 157 УПК РФ), либо которые возбуждены органом дознания, но впоследствии направлены прокурором для производства предварительного следствия в порядке ст. 226 УПК РФ;

3) при расследовании преступлений, когда не выявлено лицо, совершившее преступление;

4) когда неизвестно местонахождение обвиняемого;

5) когда требуется установить имущество (как похищенное, так и подлежащее аресту);

6) когда следователь испытывает затруднения в обнаружении доказательств, и др.

Практикой выработаны различные формы взаимодействия, основными из которых являются:

1) рассмотрение органами дознания поступивших заявлений и сообщений о преступлениях;

2) принятие мер по охране места происшествия и задержанию предполагаемого преступника;

3) участие следователя в оценке оперативных материалов при решении вопроса о возбуждении уголовного дела;

4) совместное выполнение следственных действий и розыскных мероприятий;

5) выполнение органом дознания поручений следователя;

6) взаимный обмен информацией о добытых по делу данных;

7) согласованное планирование, то есть совместная работа следователя и органа дознания при планировании расследования и др.

Анализ практики по корыстно-насильственным преступлениям показывает, что одним из наиболее сложных вопросов на дальнейшем этапе расследования является вопрос о розыске похищенного имущества. Нередко следователи полностью перекалывают всю работу по выявлению этого имущества на органы дознания, многократно возлагая надежды на оперативно-розыскные мероприятия. Такая практика, безусловно, ошибочна. Передовой опыт работы показывает, что этот вопрос успешно решается тогда, когда сам следователь подключается к его решению при активном участии оперативных работников. Так, поставив на учет еще в начальный период расследования по делу все похищенные вещи, следователь в дальнейшем должен систематически обращаться к этой картотеке с целью проверки, не значатся ли они по учету как изъятые при обыске у тех или иных недавно арестованных, задержанных, помещенных в медвытрезвитель лиц⁴⁴.

Важное значение также имеет оперативное обслуживание мест возможного сбыта похищенного. Практика показывает, что с места преступления преступники зачастую устремляются в заранее определенные места, где продают похищенное по договорной (как правило, сильно заниженной) цене продавцам коммерческих киосков, промтоварных и продуктовых магазинов, работникам

столовых, парикмахерских и др. Иными словами, идут туда, где есть большая вероятность сбыть похищенное.

Так, в один из апрельских вечеров в г. Барнауле на привокзальной площади было совершено разбойное нападение на гр-на Васильева, у которого были похищены вещи на достаточно крупную сумму. Была выдвинута и отработана версия, согласно которой преступник мог быстро и дешево сбыть вещи в близлежащих магазинах — индивидуальных торговых точках. Версия подтвердилась. В ходе опроса очевидцев оперативники вышли на продавца коммерческого магазина — Павленко, который признался, что действительно купил вещи у неизвестного мужчины, ничего не зная об их похищении. В то же время он указал, что неизвестный достаточно часто появляется у торговых точек с различным «товаром». В результате дальнейших оперативных мероприятий был задержан гр-н Курусканов, который признался в совершении аналогичных преступлений⁴⁵.

Целесообразно также регулярно проверять невостребованные из камер хранения вещи, среди которых зачастую встречаются похищенные.

Взаимодействие органов следствия и дознания чаще всего выражается в соединении усилий по раскрытию преступлений, а также в согласованности действий и самостоятельном выполнении каждым из них своих обязанностей, при строгом соблюдении законности и руководящей роли следователя (ч. 1 ст. 152 УПК РФ).

Взаимодействие указанных органов обусловлено, прежде всего, их общими задачами и целями в совместной деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений.

Данные, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, не являются доказательствами, они содержат лишь вспомогательную информацию. Однако эта информация имеет огромное практическое значение для оптимизации расследования.

Посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые, как известно, сам следователь проводить не вправе, орган дознания может получить интересующие следствие и необходимые для его раскрытия данные. Получив их, следователь может более целенаправленно проводить расследование и получать доказательства. Поэтому для успешного решения задач предварительного расследования необходимо объединение усилий следователя и органа дознания на всех его этапах.

При расследовании преступлений всегда встает задача: каким образом можно ввести оперативно-розыскную информацию в про-

цесс доказывания, не опасаясь за то, что будут рассекречены применяемые оперативными работниками негласные методы и средства и источники ее получения?

В настоящий момент среди ученых-юристов нет принципиальных разногласий о возможности ввода в процесс доказывания информации, полученной в результате оперативно-розыскных мероприятий. Однако следует заметить, что неурегулированность в законе (и прежде всего в УПК РФ) открытых способов введения этой информации, неразработанность практических рекомендаций создает ряд проблем, до настоящего времени не получивших однозначного решения ни в науке, ни в правоприменительной практике⁴⁶.

Сразу оговоримся, что в настоящей работе мы не ставим цели исследовать все вопросы, касающиеся этой тематики, а остановимся лишь на некоторых, которые так или иначе возникают при расследовании корыстно-насильственных преступлений.

Для того чтобы сведения, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, приобрели доказательственное значение, их необходимо ввести в процесс доказывания, то есть придать им процессуальную форму. Процессуальная форма закрепления оперативно-розыскной информации повышает уровень ее достоверности и обеспечивает результативное проведение различных следственных действий и тактических операций в процессе расследования, что также позволяет позже использовать ее в суде при доказывании.

Для использования результатов ОРД в доказывании по уголовному делу, на наш взгляд, необходимо:

1) обеспечить точное исполнение предусмотренных законом правил их проведения и предоставления в органы дознания, следствия, прокуратуры и суда.

2) установить порядок введения предоставленных данных в уголовный процесс — формирование на их основе процессуальных доказательств.

Изучение складывающейся судебно-следственной практики показывает, что введение данных, полученных в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, происходит чаще всего при помощи следственных действий. Так, в 97% случаев, если проводился опрос, то впоследствии полученная информация вводится в процесс доказывания путем производства допроса, следственным осмотром предшествует такое мероприятие, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности

транспортных средств (60%), назначению и производству судебной экспертизы — исследованию предметов и документов (85%) \ получения образцов для сравнительного исследования, а также производству судебной экспертизы — сбор образцов для сравнительного исследования (90%) и т.д.

Оперативно-розыскными мероприятиями, проводимыми органами дознания применительно к следственным ситуациям по корыстно-насильственным преступлениям, как показали исследования, являются:

- выявление и опрос очевидцев преступления;
- применение служебно-розыскной собаки;
- преследование по горячим следам;
- установление засад;
- прочесывание окружающей местности;
- розыск лиц, как совершивших преступление, так и потерявших;
- оперативное наблюдение в местах вероятного появления преступников, а также реализации похищенного (рынки, ломбарды и т.д.);
- проверка лиц, задержанных за совершение незначительных преступлений, и лиц, доставленных в медвытрезвитель, с целью обнаружения у них похищенных предметов либо следов преступления на одежде, теле и т.д.

Так, в ходе проверки анонимного заявления по факту исчезновения Бессонова оперативными мероприятиями было установлено, что убийство Бессонова совершила его сожительница — Гладышева. Полученная информация была введена в доказывание при помощи комплекса типичных для данной судебно-следственной ситуации следственных действий: осмотра места происшествия, осмотра трупа Бессонова, допросов свидетелей, подозреваемой (обвиняемой), проведения судебно-медицинской, судебно-биологической, физико-технической, психиатрической экспертиз, следственного эксперимента и др., что позволило полностью доказать причастность Гладышевой к совершению убийства⁴⁷.

Таким образом, следователь выбирает следственное действие и, учитывая ту оперативную информацию, которая будет вводиться, обеспечивает его проведение. Само же введение информации в процесс доказывания представляет собой взаимосвязанную деятельность следователя и оперативного работника, которая, как и весь процесс расследования, осуществляется поэтапно, с учетом

судебно-следственных ситуаций, складывающихся на тот или иной промежуток времени.

Другой сложной тактической задачей, которая возникает на первоначальном, а чаще всего на дальнейшем этапе расследования, является «нейтрализация противодействия со стороны заинтересованных лиц».

Интерес к проблеме противодействия расследованию как одной из ключевых проблем криминалистической тактики и методики ученые проявляли давно. Этому было посвящено немало работ⁴⁸. Одним из первых, обратившихся к этой проблеме, был А.Р. Ратинов, который разработал ряд рекомендаций, не потерявших своей актуальности и сегодня. В целях нейтрализации противодействия, по его мнению, необходимо:

- формирование у заинтересованных лиц ошибочного представления об осведомленности следователя относительно подлинных целей, которых они добиваются;
- формирование целей, попытка достижения которых поставит заинтересованных лиц в проигрышное положение;
- формирование у заинтересованных лиц намерения воспользоваться противозаконными средствами;
- создание затруднений для правильной оценки заинтересованными лицами подлинных целей следователя.

Поскольку не всегда можно скрыть от причастных к делу лиц свои намерения, то выполнять необходимые действия подчас лучше так, чтобы вывод о целях следователя был многозначным и допускал множество толкований. Тогда противостоять всем возможным замыслам следователя затруднительно, и нужная цель будет достигнута легче⁴⁹.

Как показали исследования, противодействие предварительному расследованию в корыстно-насильственных преступлениях чаще всего проявляется в действиях, препятствующих выявлению события преступления в целом или его отдельных обстоятельств, установлению участия субъектов в преступлении и их роли, а также иных обстоятельств, характеризующих личность виновного и влияющих на степень и характер его ответственности. Это проявляется в основном в отказе от дачи показаний (35%), в даче ложных показаний (20%), невыполнении требуемых действий (10%), сокрытии, уничтожении предметов посягательства (10%), запугивании свидетелей и других участников процесса (8%). Рассмотрим следующую типичную судебно-следственную ситуацию,

по делу об убийстве Сидорова, характеризующуюся дачей ложных показаний.

Неоднократно допрошенный в ходе следствия обвиняемый Стародубцев по делу об убийстве Сидорова⁵⁰ постоянно менял свои показания об обстоятельствах конфликта с потерпевшим, делая всякий раз акцент на якобы агрессивный натиск Сидорова, а свои действия сводил не к превышению пределов необходимой обороны, а к состоянию, когда они, его действия, повлекшие смерть человека, становятся правомерными. Так, в своих первоначальных показаниях Стародубцев пояснил, что Сидоров избивал Александра и Дубова перед началом конфликта с ним. При проведении очной ставки с последним отказался от этого, впоследствии заявил, что убийство совершил якобы некий «Александр», а он нанес лишь один удар. При допросе в качестве обвиняемого Стародубцев виновным себя в убийстве Сидорова из корыстных побуждений не признал и сообщил, что убийство совершил его друг — Калкин. Раньше этого не говорил, потому что боялся расправы и думал, что будет осужден за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, но 21 июня 1996 г. встретил Калкина в СИЗО и потому решил рассказать всю правду.

Проверяя эту версию, следователь допросил Калкина, который подтвердил показания Стародубцева. Однако показания Стародубцева вызвали сомнение своими противоречиями. Выполняя отдельное поручение следователя, оперативные работники установили, что Калкин и Стародубцев некоторое время содержались в одной камере СИЗО. Проведенным расследованием было достоверно установлено, что к убийству Сидорова Калкин не имеет никакого отношения. Так, по заключению биологической экспертизы, на куртке-дубленке, изъятой у Стародубцева обнаружены пятна крови, которые могли принадлежать потерпевшему, причем пятна были в виде мелких брызг, что противоречило утверждению Калкина о механизме их образования. Кроме того, в ходе допросов Калкин, подробно рассказывая о мелких деталях произошедшего, путался в существенных вещах, и его показания противоречили материалам дела. Не соответствовали действительности прежде всего его показания о местах нанесения ударов Сидорову топором при расчленении трупа. Из протокола осмотра места происшествия и заключения судебно-медицинской экспертизы по трупу Сидорова следовало, что голова трупа не отчленялась, в то же время Калкин указывал на данное обстоятельство. При проведении

следственного эксперимента с целью проверки его показаний на месте было установлено, что Калкин, собственноручно нарисовавший схему расположения киоска Стародубцева, при допросе не ориентируется в обстановке и не мог указать данный киоск — место убийства. Все это свидетельствовало о том, что, находясь в одной камере СИЗО, Калкин и Стародубцев вступили в сговор с целью освобождения Стародубцева от уголовной ответственности, а в последующем и Калкина. Эти обстоятельства подтвердились в суде. Стародубцев был признан виновным в убийстве Сидорова и приговором суда осужден к лишению свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Следует заметить, что чем больше остаются невыясненными в процессе расследования обстоятельства, относящиеся к элементам криминалистической характеристики преступлений, тем больше трудностей возникает с преодолением противодействия виновными.

Между объемом уголовно значимой информации и противодействием имеется, на наш взгляд, прямая зависимость. Противодействие со стороны обвиняемого может возникать уже с момента предъявления обвинения. Следует заметить, что обвиняемый всегда располагает достоверным знанием о всех деталях совершения преступления, между тем субъект доказывания оперирует лишь его вероятностной моделью, в отдельных деталях которой имеются пробелы и недостоверные знания. Нередко складывается типичная судебно-следственная ситуация, которая характеризуется тем, что следователь, применяя тактические приемы, старается получить новую интересующую его информацию. При этом он оперирует теми данными, которые уже известны, и той информацией, которую ему «предлагает» обвиняемый. Так как интересы участников крайне противоположны, то каждый из них вырабатывает заранее линию своего поведения. Причем обвиняемый, как правило, старается уйти от ответственности, выгородить себя и поэтому создает «свой» вариант происшедшего события. Следует учитывать, что, создавая «свой» вариант, обвиняемому очень сложно удерживать в памяти все детали, и поэтому, как показывает практика, он начинает путать то, что было, и то, что он старается выдать за достоверное, в результате чего следователь может достаточно легко «поймать его на противоречиях». С учетом этого в криминалистике разрабатываются многие тактические приемы⁶¹. По мере получения новых фактических данных и формирования судебно-следственной ситуации уточняется комплекс следственных и иных

действий и дальнейшее направление расследования. Этот комплекс зависит от складывающейся по делу судебно-следственной ситуации и ее информационной структуры. Субъект доказывания старается провести такие действия, которые бы давали больш. информации и способствовали «развертыванию расследования», выдвижению и проверке более или менее исчерпывающего круга версий.

Таким образом, постановка и разрешение криминалистических задач, разработка тактических операций подчиняются определенным закономерностям складывающегося хода и состояния расследуемого события преступления. При этом необходимо учитывать субъективные качества следователя, лица, производящего дознание, прокурора, судьи, условия, в которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия.

Чем бóльшим запасом знаний типичных судебно-следственных ситуаций и алгоритмов их решения они обладают, тем эффективнее идет процесс раскрытия и расследования преступления. Конкретная разработка их и составляет главную проблему частных методик⁵².

Деятельность субъекта доказывания с точки зрения системного подхода применительно к расследованию преступлений можно представить как мысленное творческое сопоставление конкретной ситуации с типичной, ранее известной. В случае если они однотипны, предлагаемый алгоритм решения типичной судебно-следственной ситуации может быть использован для ситуации конкретной. Сопоставление субъектом доказывания имеющейся у него информации с типичной ситуацией позволяет определить:

- 1) какие элементы ситуации отсутствуют;
- 2) какие проблемы в их выявлении имеются;
- 3) каким образом эти проблемы можно решить.

Но для того чтобы прийти к решению этих задач, субъект доказывания должен оценить ту судебно-следственную ситуацию, в которой осуществляется его деятельность, то есть «состояние» уже известных элементов ситуации. В самом общем виде доказывание в уголовном процессе можно представить как заполнение пустых ячеек недостающей информацией с учетом той, которая известна на этот период, принимая во внимание, что все эти ячейки соединены закономерными связями, которые игнорировать нельзя. Чем больше ячеек заполнено, тем больше становится поток информации и открываются новые связи, которые в свою очередь позволя-

ют выявить дополнительную информацию. Так происходит до тех пор, пока все ячейки не будут заполнены.

••• Определить же искомое можно по формуле:

$$a + b + c + \dots = x$$

где а, В, С... — известные элементы ситуации,

Х — то, что требуется установить.

Сама же формула представляет собой ту судебно-следственную ситуацию, в которой эту задачу необходимо решить. При этом необходимо учитывать типичную криминалистическую характеристику соответствующего вида преступления, а также закономерные связи между ее элементами.

Диагностируя судебно-следственную ситуацию и определяя данные об элементах криминалистической характеристики, которые уже известны, а какие сведения еще подлежат дополнительной проверке (то есть какую еще информацию необходимо выявить), субъект доказывания определяет конкретные цели и задачи выбранного им процессуального и иного действия.

Неустановление того или иного элемента криминалистической характеристики повышает вероятность того, что задачи расследования не будут решены, а проблема обострится.

Нередко такие проблемы возникают в связи с установлением личности обвиняемого (умышленная замена виновными фамилии, имени, отчества, даты рождения и т.д.)

Так, например, Шмелев, обвинявшийся в совершении грабежа в отношении Плясунова, в судебном заседании заявил, что он назвался именем своего родного брата — Алексея, хотя на самом деле он Андрей.

При выяснении других обстоятельств было установлено, что в материалах дела имеется справка о судимости Шмелева Андрея, где указано, что у него судимостей нет. По справке же ГИЦ МВД России видно, что Шмелев Андрей осужден в мае 1993 г. к двум годам лишения свободы за кражу, но 4 июля 1994 г. бежал из места заключения, находящегося в Кемеровской области.

По мнению суда, предоставленная в суд дактилоскопическая карта с отпечатками пальцев и ладоней, принадлежащих якобы Шмелеву Алексею, не может являться документом, удостоверяющим личность подсудимого. С учетом этого суд направил дело на дополнительное расследование.

В своем частном протесте прокурор утверждал, что определение суда о направлении дела на дополнительное расследование

незаконно, так как заключение ГИЦ МВД России о принадлежности отпечатков пальцев рук и ладоней Шмелеву Алексею Геннадьевичу, 1972 года рождения, является документом, удостоверяющим личность подсудимого. Прокурор также просил отменить определение и направить дело на новое судебное рассмотрение.

Судебная коллегия Алтайского краевого суда, проверив материалы дела, заслушав прокурора, поддержавшего протест, обсудив доводы протеста, нашла определение районного суда законным и обоснованным.

В своем определении коллегия указала, что в соответствии с УПК РФ, при производстве предварительного следствия подлежат доказыванию событие преступления (место, время, способ и другие обстоятельства совершения преступления), а также обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. В период же предварительного следствия личность обвиняемого не была надлежащим образом установлена. Согласно обвинительному заключению и постановлению о привлечении в качестве обвиняемого к уголовной ответственности привлечен Шмелев Андрей Геннадьевич, 1969 года рождения. В судебное заседание было представлено заключение ГИЦ МВД России, согласно которому по отпечаткам пальцев и ладоней рук Шмелева Андрея Геннадьевича он признан как Шмелев Алексей Геннадьевич, 1972 года рождения, ранее неоднократно судимый, последняя судимость 7 мая 1993 г. по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР к двум годам лишения свободы, совершивший побег из места заключения 4 июля 1994 г. Данное обстоятельство влияет на квалификацию содеянного Шмелевым, требует времени, в случае установления вины Шмелева в хищении имущества, квалифицирующего признака — совершение преступления повторно, что отягчает вину Шмелева, поэтому не может быть решено судом.

С учетом того, что перечисленные проблемы предварительного следствия невосполнимы в судебном заседании, судебная коллегия оставила определение Железнодорожного районного суда г. Барнаула о направлении дела на дополнительное расследование без изменения, а частный протест прокурора — без удовлетворения.

В процессе дополнительного расследования было установлено, что обвиняемый по делу действительно является Шмелевым Алексеем, и что именно он совершил преступление. Впоследствии он был осужден по двум статьям, как за уклонение от отбывания наказания осужденным, отбывающим наказание в колонии — поселении (ст. 188¹ УК РСФСР), так и за грабеж, совершенный неод-

нократно (п. «б» ч. 2 ст. 161 УК, РСФСР), поскольку имел непогашенную судимость за совершение аналогичного преступления⁵³.

Выявление отдельных обстоятельств информационной структуры судебно-следственной ситуации способствует определению основных направлений расследования, первоочередных задач, выдвижению следственных версий как общих (относительно общей характеристики события преступления в целом), так и частных (относительно отдельных обстоятельств расследуемого преступления). Эффективное же использование данной информации связано с хорошим знанием и умелым применением методических рекомендаций об основных направлениях расследования на первоначальном, дальнейшем и заключительном этапах расследования.

Успешному выдвижению следственных версий о круге лиц, среди которых может быть преступник, а также других обстоятельствах расследуемого преступления должно служить знание о вероятностно-статистических связях между элементами криминалистической характеристики отдельных видов (групп) преступлений (орудие преступления — лицо, совершившее преступление — потерпевший; потерпевший — мотив преступления — лицо, совершившее преступление; способ совершения преступления — лицо, совершившее преступление, и т.д.).

Знание об отдельных обстоятельствах расследуемого события позволяет также конкретизировать круг источников криминалистически значимой информации, на основе которых можно выдвинуть и проверить версии о мотиве преступления и личности предполагаемого преступника: образе жизни потерпевшего, круге знакомых, интересах и т.д.

Криминалистически значимая информация, прямо указывающая на подлежащие установлению обстоятельства, облегчает определение круга факторов, выяснение которых позволило бы проверить данную информацию и считать само обстоятельство доказанным. Определение таких источников должно осуществляться на основе выяснения закономерных связей между доказываемым обстоятельством со всеми остальными элементами, входящими в систему криминалистической характеристики преступления⁵⁴.

Например, при расследовании убийства Сидорова⁵⁰, виновность Стародубцева могла быть доказана лишь при наличии системы доказательств, подтверждающих выдвинутую следствием версию. И они были получены.

Следователь рассудил, что в случае виновности Стародубцева между ним и потерпевшим Сидоровым должны были существо-

вать закономерные связи взаимодействия, следы которых могли остаться на орудиях преступления (кровь потерпевшего на топоре и других предметах, обнаруженных при осмотре места происшествия); на одежде подозреваемого (кровь потерпевшего и микрочастицы его одежды); на теле потерпевшего (характер телесных повреждений должен был свидетельствовать о связи между орудием преступления и временем их нанесения). Кроме того, связь между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым) должна была заключаться и в наличии мотива, объяснявшего действия Стародубцева.

Следователь проделал большую работу по установлению этих связей. Были допрошены свидетели (многие из них повторно), проведен дополнительный осмотр места происшествия, назначен ряд судебных экспертиз, проведен следственный эксперимент с участием Калкина.

Было установлено, что Стародубцев задолжал потерпевшему крупную сумму денег и последний требовал ее вернуть с процентами. В день убийства Сидоров собирался зайти к Стародубцеву именно за получением долга, о чем говорил своим друзьям.

Выяснение этих связей в совокупности свидетельствовало о виновности Стародубцева и позволило определить круг новых источников информации, а также полностью доказать непричастность Калкина к этому преступлению, который настаивал на том, что именно он совершил убийство Сидорова.

Сведения о новых возможных источниках криминалистически значимой информации всегда должны сопоставляться с той информацией, которая уже известна по уголовному делу и ее источниками. Это позволяет правильно определить место подлежащего исследованию источника информации среди уже исследованных, а также содержание предположительно заключающейся в нем информации. Такой анализ способствует обоснованному принятию решения о виде, очередности, тактике и технике следственного действия, направленного на их исследование. К сведениям о возможных источниках криминалистически значимой информации следует отнести не только такие, которые позволяют индивидуализировать их, но и определяющие лишь направления поиска таких источников.

Примером может служить дело по обвинению Скворцова в совершении им разбойного нападения на Белозерова и Загайнову. При обыске в квартире у подозреваемого были обнаружены и изъяты документы (паспорт на имя Кострицина, документы на

АОЗТ «Черный рай» и др.), различные вещи, патроны. Эти доказательства стали центральными по уголовному делу, были выдвинуты версии, вещи и документы проверены по картотекам, проведены следственные и оперативно-розыскные мероприятия, в ходе которых была выявлена причастность задержанного к другим аналогичным преступлениям. В ходе исследования связей «орудие преступления — преступник — потерпевший; предмет преступного посягательства — потерпевший — преступник»; «способ совершения преступления — преступник» установлено, что, используя поддельный паспорт, Сворцов совершал сделки по купле-продаже автомобилей, а через документы АОЗТ брал под реализацию продукты питания и строительные материалы, после чего скрывался. Таким образом, было раскрыто несколько преступлений, которые уже длительное время были приостановлены либо прекращены⁰⁶.

С учетом вышеизложенного следует констатировать, что методика расследования может основываться на принципе знания закономерностей информационной структуры судебно-следственной ситуации:

- во-первых, данных об элементах криминалистической характеристики соответствующего вида преступления;
- во-вторых, данных об элементах криминалистической характеристики его раскрытия, расследования и предупреждения как на предварительном следствии, так и в ходе судебного разбирательства.

С этих позиций представляют определенный интерес связи между элементами криминалистической характеристики корыстно-насильственных преступлений на дальнейшем этапе расследования с учетом личности обвиняемого.

В тех ситуациях, когда потерпевший установлен, первоначальному поиску подлежит информация о его социальных связях, контактах, его поведении в предкриминальной и криминальной ситуациях. Потерпевший, оказывая сопротивление преступнику, может оставить как на нем, на его одежде, так и в иной информационной обстановке следы, анализ которых позволяет получить информацию о способе, субъекте преступления, механизме преступного поведения и т.д.

Преступник, оценивая предкриминальную ситуацию, учитывает личность будущей жертвы (пол, возраст, телосложение, интеллект и т.д.) и именно с учетом этого выбирает способ совершения преступления, а в некоторых случаях время и место его совершения. <';

В конце 90-х гг. в Алтайском крае была обезврежена банда Воробьева, которая совершала разбойные нападения и убийства водителей, занимавшихся частным извозом. Преступления совпадали по одному, заранее спланированному сценарию. В вечернее или ночное время в автомобиль садились несколько мужчин из которых 1-2 обязательно сзади водителя. Под различным предлогом отъезжали в безлюдное место, где сидящий сзади набрасывал петлю на шею водителю либо душил его руками. После чего забирали выручку и вещи, имеющие ценность. Машину же бросали либо поджигали. Правоохранительным органам долго не удавалось выйти на след банды, несмотря на то что были задействованы все силы и средства. Оперативники дежурили круглосуточно, были установлены передвижные посты, информированы водители и население, однако никаких положительных результатов получено не было.

Помог, как это часто бывает, случай. Одному из потерпевших удалось бежать. Добравшись до города, он позвонил в милицию и описал приметы преступников и марку машины. В результате проведенной операции всех членов банды удалось задержать. Позднее они были осуждены и приговорены к длительным годам лишения свободы⁵⁷.

Если преступник использует какое-либо орудие преступления, то на нем или на объектах материального мира также остаются следы, закономерные связи между которыми позволяют идентифицировать это орудие.

В процессе расследования одного из убийств на месте происшествия был обнаружен нож с рукояткой, обмотанной изолентой. Криминалистическая экспертиза установила идентичность отпечатков, выявленных на липкой стороне ленты с отпечатками подозреваемого. В совокупности с другими доказательствами эта информация легла в основу обвинения о причастности лица к совершенному преступлению, что и подтвердилось в суде.

Участие потерпевшего и свидетелей в уголовном процессе имеет и тактическое значение, а именно позволяет более эффективно проводить вербальные следственные действия с их участием (допросы, очные ставки, предъявление для опознания, следственные эксперименты и т.д.), что в свою очередь способствует решению тактических и стратегических задач расследования.

Утром в квартире были обнаружены трупы молодой женщины и ее малолетнего ребенка. У женщины было перерезано горло, а ребенок был задушен. При этом старший сын потерпевшей спря-

Встался под кроватью и видел убийцу. В ходе расследования было установлено, что муж потерпевшей, сотрудник милиции, находился в командировке. Его сослуживец, завидуя успехам и продвижению по службе, в состоянии алкогольного опьянения решил выяснить с ним отношения. Под утро он пришел в квартиру, дверь открыла женщина. Узнав, что мужа нет дома, преступник ворвался в квартиру и стал избивать жертву, после чего перерезал ей горло. Зайдя в спальню, он задушил ребенка о спинку кровати. Старший ребенок часто находился у бабушки, поэтому преступник не стал его даже искать. О том, что мальчик находился дома и все видел, убийца не подозревал. Выждав какое-то время после ухода мужчины, ребенок побежал к соседям, которые и вызвали милицию.

Проведенное расследование успехов не дало. Спустя несколько месяцев среди пришедших гостей сын увидел убийцу, о чем сообщил отцу. В процессе дальнейшего расследования мальчик был допрошен в качестве свидетеля и подробно описал события того утра, когда были зверски убиты его мать и младший брат. В совокупности с другими доказательствами его показания позволили изобличить виновного, который был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу⁵⁸.

Что же касается связей обстановки совершения преступления с другими элементами криминалистической характеристики преступлений, то, по мнению П.П. Яблокова, она образуется взаимодействием совокупности следующих факторов: вещественных, пространственно-конструктивных, природно-климатических, временных, производственно-бытовых, поведенческо-психологических, и не учитывать их просто нельзя⁵⁹.

Так, например, при осмотре места происшествия исследование материальных следов и обстановки в целом позволяет следовательно выявить сведения следующего характера: какие из числа отмеченных условий и факторов непосредственно предшествовали преступлению, каково было их содержание и характер последующих изменений, что в обстановке совершения преступления было специально подготовлено преступником, а что не зависело от него; что препятствовало или способствовало подготовке преступления и сокрытию его следов; что привело к тем или иным несоответствиям в способе и механизме совершения преступления, какие факторы нетипичного для данной ситуации свойства отразились в обстановке, кто мог воспользоваться сложившейся обстановкой для совершения преступления и т.д.

Представляя обстановку преступления в виде закономерной связи «субъект преступления — обстановка преступления», следует учитывать, что исследование криминалистически значимой информации в этой системе позволяет субъекту доказывания установить обстоятельства по делу, применяя самые разнообразные методы расследования (системный, комплексный, моделирование, анализ, синтез и др.).

В связи с чем судебно-следственную ситуацию следует рассматривать в динамике, с учетом обстановки, предшествующей совершению преступления, обстановки совершения преступления и обстановки, сложившейся после совершения преступления.

С учетом изложенного целесообразно группировать имеющуюся информацию относительно: места преступления; места нахождения объекта преступного посягательства; места изготовления орудия преступления; места работы, отдыха, жительства потерпевших, обвиняемых, а также места предполагаемого сбыта похищенного имущества и т.д.

Это позволяет:

а) получить представление о начальной обстановке и этапах, предшествовавших преступному деянию, месте, времени, условиях, в которых действовал субъект преступления, его взаимоотношения с объектом посягательства, цели и т.п.;

б) обнаружить и использовать полученную информацию для дальнейшего расследования преступления⁶⁰.

Успешным результатом проведенных действий по сбору доказательств является формирование новых судебно-следственных ситуаций, когда субъект доказывания располагает достаточно полной информацией о совершенном преступлении и его участниках, что позволяет перейти к итоговому — **заключительному этапу расследования**. На этом этапе субъект доказывания, признав собранные доказательства виновности обвиняемого в совершении преступления достаточными для составления обвинительного заключения, объявляет заинтересованным лицам, что предварительное следствие по уголовному делу окончено и выполняет ряд действий, предусмотренных УПК РФ.

Для этого этапа характерны следующие типичные судебно-следственные ситуации:

1. После ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела никаких ходатайств с их стороны не поступало.

2. После ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела от них поступили какие-либо ходатайства.

3. Обвиняемый отказывается от ознакомления с материалами дела.

Если первая и третья судебнo-следственные ситуации характеризуются относительной стабильностью и решаются алгоритмическим путем (проведение определенного набора действий), то вторая судебнo-следственная ситуация может вызвать определенную проблему, выражающуюся в разрешении ходатайства (ст. 219 УПК РФ). В случае полного или частичного отказа в удовлетворении ходатайства следователь выносит отдельное постановление, которое должно быть мотивированным. При удовлетворении же ходатайства следователь сообщает о своем решении и производит необходимые действия. Об удовлетворении ходатайства или об отклонении его во всех случаях должно быть сообщено как обвиняемому, так и его защитнику, независимо от того, кто из них заявил ходатайство. В числе задач, решаемых субъектом доказывания на заключительном этапе, следует выделить: систематизацию всех материалов уголовного дела и ознакомление с ними тех участников, кому это право предусмотрено законом; рассмотрение ходатайств и при необходимости проведение дополнительных следственных и иных действий; подготовку окончательных выводов и их формулирование в обвинительном заключении (обвинительном акте); обобщение материалов о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, и принятие мер по их устранению и др.

В заключение можно сделать некоторые выводы.

Судебно-следственная ситуация является сложной динамической системой, возникающей в деятельности по расследованию преступлений как ее результат и одновременно как новообразование, влияющее на дальнейшую организацию этой деятельности. Это проявляется в том, что на разных этапах расследования преступлений конкретного вида (группы) существуют особые закономерности целеобразования, а также формирования смыслов элементов, которые составляют структуру судебнo-следственной ситуации. Так, если на стадии возникновения судебнo-следственная ситуация характеризуется объективированностью процесса целеобразования, то на дальнейших этапах расследования на ее формирование оказывают решающее влияние субъективные факторы (опыт, установки, знания, умения и т.д.). Вышесказанное позволяет рассматривать деятельность субъекта доказывания не только с учетом целей, действий, операций, но и личностного смысла, который элементы следственной ситуации для него имеют⁶.

Основные же принципы методики расследования отдельных видов (групп) преступлений, на наш взгляд, должны строиться на знании закономерностей информационной структуры судебно-следственной ситуации, что позволит оптимизировать процесс раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а в конечном счете, приведет к успешному разрешению судебно-следственных ситуаций в ходе судебного разбирательства уголовных дел.

4.4. Судебно-следственные ситуации и их разрешение в процессе судебного разбирательства

В предыдущих параграфах было отмечено, что криминалистика разрабатывает свои рекомендации в первую очередь для предварительного расследования с учетом тех следственных ситуаций, которые возникают на его этапах. Однако дальнейшее развитие криминалистики показывает, что некоторые ее рекомендации с успехом могут применяться и в процессе судебного разбирательства.

Одним из первых эту проблему поднял А.Л. Цыпкин, который указал на возможности использования судом данных криминалистики⁶², однако эта идея не сразу была поддержана учеными-криминалистами. Связано это было, полагаем, в первую очередь с ошибочным в то время толкованием предмета криминалистики, которая не признавалась правовой наукой. Ей, по традиции западноевропейских криминалистических школ, отводилась роль технической по отношению к уголовному процессу дисциплины. Криминалистика считалась полицейской дисциплиной, обслуживающей предварительное следствие⁶³.

Однако объективный ход становления и развития криминалистики и ее составляющих частей заставил исследователей переосмыслить прежние представления о предмете этой науки и сфере ее научного приложения, стали решительнее утверждения, что криминалистика не может быть ограничена рамками предварительного следствия. Ее рекомендации о следственных версиях, методах построения, проверки, планирования и другие могут быть использованы в судебном разбирательстве.

Поворотным пунктом такого взгляда явились работы Л.Е. Ароцкера, который успешно защитил докторскую диссертацию и издал фундаментальную монографию⁶⁴. Его идея получила

свое дальнейшее развитие в трудах Р.С. Белкина, В.Г. Танасевича, С.П. Митричева, Г.А. Воробьева, Т.Б. Чеджемова, А.М. Ларина, В.К. Гавло, Т.С. Волчецкой, В.М. Бозрова, Ю.В. Кореневского, В.И. Комиссарова и др.⁶⁵

В их работах были показаны некоторые теоретические положения и даны методические рекомендации по проведению судебного следствия.

Между тем ряд ученых не относят к предмету криминалистики необходимость разработки тактики и методики для судебного следствия. Так, А.Н. Васильев придерживался мнения, что не следует расширять предмет криминалистики в сторону судебного следствия, а «заслуживающие внимания вопросы планирования судебного следствия являются предметом изучения процессуальной науки»⁶⁶. Любопытно и то, что в учебниках по криминалистике нет криминалистических рекомендаций государственному обвинителю, судье (суду) по тактике и методике судебного следствия. Ничего не говорится о возникающих судебных ситуациях, — как они возникают, как разрешаются, какова должна быть тактика государственного обвинителя, какие тактические приемы целесообразно применять при производстве судебных действий и т.д. Даже почти в 1000-страничном, высоко оцениваемом нами учебнике для вузов под редакцией профессора Р.С. Белкина, правильно считающего, на наш взгляд, что объектом криминалистики является, в частности, и «судебное разбирательство»⁶⁷, в разделе «Криминалистическая тактика и технология» весьма кратко сказано «о разработке тактики судебного следствия»⁶⁸ и сделана оговорка, что «в последующем изложении речь будет идти преимущественно о тактике следственных действий и лишь в некоторых случаях — о тактике действий судебных»⁶⁹. Таких случаев здесь очень мало.

Об особенностях методики судебного следствия речь в данном случае тоже не идет⁷⁰. Почему? Ответа на вопрос нет.

В вышедших совсем недавно авторитетных учебниках по криминалистике Н.П. Яблокова⁷¹ и Е.П. Ищенко⁷² все рекомендации по расследованию преступлений даны применительно к досудебному производству. Никаких оговорок по дискуссионным проблемам тактики и методики судебного следствия в них нет. Почему? Ответа на вопрос тоже нет.

В последнее время получает дальнейшее развитие позиция ученых по применению данных криминалистики в судебном следствии, но уже для разработки тактики и методики профессио-

нальной защиты по уголовным делам. Приверженцами ее являются О.Я. Баев, М.О. Баев, Л.А. Зашляпин и др.⁷³ Не исключая самой возможности использования данных криминалистики в процессе судебного разбирательства уголовных дел, они тем не менее полагают, что не суд как таковой, а две состязающиеся стороны (обвинения и защиты) являются субъектами криминалистики при судебном рассмотрении уголовных дел: прокурор — государственный обвинитель и адвокат — защитник подсудимого. Именно они, осуществляя каждый свою процессуальную функцию, используют криминалистические средства для собирания, представления, исследования доказательств и убеждения суда в правомерности и обоснованности избранной позиции⁷⁴. Таким образом, они исключают суд из числа субъектов судебного исследования преступлений криминалистическими средствами.

Представляется, что суд (судья) из числа субъектов судебного разбирательства, который реально применяет криминалистическую тактику и методику при исследовании в суде всех обстоятельств дела с учетом судебного-следственных ситуаций, исключать нельзя. Исходя из принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), суд обязан создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Но создать такие условия, не зная и не применяя криминалистические знания по технике, тактике и методике ведения судебного следствия, просто невозможно. В этой связи весьма интересное, но противоречивое соображение высказала Т.С. Волчецкая⁷⁵. Противоречие мы видим в том, что, с одной стороны, она считает, что «говорить о каких бы то ни было тактических действиях судьи... не имеет смысла». Но когда она далее пишет, что «задача суда — слушать, исследовать и принимать законное и обоснованное решение», возникает много вопросов. Например, как можно суду в ходе судебного следствия (в соответствии с гл. 37 УПК РФ) исследовать, тем более «тщательно исследовать новую информацию», принимать решение, не располагая знанием тактики и методики исследования доказательств в той или иной судебной-следственной ситуации? В какой момент можно удовлетворить или не удовлетворить заявленные ходатайства, а с тактическим смыслом — как провести допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей допрос несовершеннолетних, эксперта (какие вопросы и в какой последовательности задавать и т.д.), назначить экспертизу, провести осмотры, следственные эксперименты и др.? Без знания тактики и методики судебного следствия и производ-

ства следственных действий судом (судьей) выполнить требования ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства и ст. 73 УПК РФ по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, невозможно. Все опрошенные нами судьи (в том числе мировые) — 73 человека — заявили о необходимости в дальнейшей разработке тактики и методики судебного следствия. Такие знания, как свидетельствует история развития науки криминалистики, обоснованно являются объектом и предметом ее исследования. Познавая их, криминалистика выполняет свою практическую задачу, разрабатывая суду (судье) оптимальные рекомендации по проведению судебных действий в складывающихся судебных ситуациях.

Нельзя согласиться с выводом Л.А. Зашляпина о том, что «в российской криминалистике как науке уже сформировалось и активно развивается теоретическое направление, имеющее своим предметом изучение профессиональной деятельности и нацеленное на разработку эффективных приемов осуществления этой деятельности на определенных этапах (тактике защиты), а также ее оптимизации в целом (стратегия защиты)»⁷⁶.

Криминалистика всегда изучала способы и механизмы совершения преступлений, уловки, к которым прибегают преступники, возможности уклонения от ответственности, противодействие следствию и суду, в том числе достигаемые с помощью тактической линии защиты. Учитывая такого рода негативные ситуации предварительного и судебного следствия, криминалистика разрабатывает свои технические, тактические и методические приемы и рекомендации по их преодолению для оптимального разрешения криминалистических задач. **Изучение и постижение тактики защиты криминалистикой вовсе не означает, что она это делает во имя «разработки эффективных приемов тактики и стратегии защиты», как ошибочно считает Л.А. Зашляпин**⁷⁷.

Подробно анализируя взгляды Л.А. Зашляпина и других сторонников, А.Г. Филиппов верно считает, что нет никаких оснований для включения теории профессиональной защиты в криминалистику⁷⁸. Криминалистике «свойственна не разработка стратегии и тактики защиты, — справедливо пишет Н.П. Яблоков, — а лишь разработка тактики отдельных судебных действий с участием защитников»⁷⁹.

Р.С. Белкин прав, последовательно утверждая, что изучаемые наукой криминалистики закономерности лежат в сфере судебного исследования, т.е. «совокупной деятельности органов дознания,

следствия, суда, экспертных учреждений по установлению истины в процессе судопроизводства»⁸⁰. В таком понимании предмета криминалистики нас привлекает точность очерчивания границ научных и практических интересов криминалистики, а именно: от дознания и предварительного следствия по делу о событии с признаками преступления до решения задач уголовного судопроизводства судом. На этом поле, полагаем, складывается единая, целостная информационно-познавательная система в деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству преступления. В основе ее лежат знания о преступной деятельности лиц по совершению преступлений, с одной стороны, и законной, правоохранительной деятельности — с другой.

Досудебное и судебное производство — это единое и неделимое поле деятельности для науки криминалистики⁸¹. Нельзя разрабатывать криминалистическую технику, тактику и методику для предварительного следствия без учета ситуаций судебного следствия, как и криминалистическую технику, тактику и методику судебного следствия без учета ситуаций предварительного следствия и деятельности участников уголовного судопроизводства. «Без знания рекомендаций криминалистики, без их грамотного использования, — как верно пишет В.И. Комиссаров, — суду уголовной юрисдикции вряд ли удастся объективно установить все процессуально значимые нюансы совершения преступления»⁸².

Криминалистика одинаково обслуживает и предварительное следствие, и судебное разбирательство с учетом целей и задач осуществления правосудия по уголовным делам, объединенным единым целым — предметом доказывания, в соответствии с новым УПК РФ — обстоятельствами, подлежащими доказыванию при производстве по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ) и пределами судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ). И совсем другое дело, когда данные криминалистики используются в других отраслях знаний, например в административном процессе (Е.В. Додин, В.И. Юркин), гражданском процессе (В.Г. Тихиня). Факт возможности и необходимости использования правовыми и иными науками криминалистических знаний как нельзя лучше отражает сущность применения ее знаний в других сферах познания, показывая тем самым **ее вспомогательную роль в решении специфических задач, стоящих перед другими науками**. Например, такковы многие факты восстановления текстов исторических документов, фрагментов некоторых археологических предметов методами криминалистики. Следует полностью разделить мнение Р.С. Бел-

кина, который на вопрос «Можно ли считать, что появились новые объекты, изучаемые криминалистикой?» (к таковым относят гражданско-правовые, административные, арбитражные споры) ответил отрицательно. «Использование данных криминалистики в иных, кроме уголовного судопроизводства, сферах правоприменительной деятельности происходит, — пишет Р.С. Белкин, — не за счет разработки специфических для этих сфер криминалистических средств и методов, а путем отбора из уже разработанных тех, которые могут быть эффективно использованы»⁸³.

Судебное следствие в состязательном процессе больше всего нуждается в использовании рекомендаций, разработанных криминалистической тактикой и методикой⁸⁴.

Криминалистическая методика расследования характеризуется интегративными приемами криминалистической техники и тактики, включает в себя познание закономерностей противоправной деятельности по подготовке, совершению, сокрытию отдельных видов преступлений и их противодействию расследуемым событиям, и правоохранительной, законом предусмотренной деятельности по их раскрытию, расследованию и судебному разбирательству **на основе целостного возникновения и движения по делу всей уголовно значимой информации.**

Именно в криминалистической методике расследования на этой основе возможны выделение и познание своеобразных закономерностей информационных структур, систем и процессов, разработка оптимальных вариантов (серий) правил и алгоритмов действий органу дознания, следователю, прокурору и суду в различных ситуациях возбуждения, расследования и разрешения дела по существу, в соответствии с задачами уголовного судопроизводства.

Традиционная структура криминалистической методики расследования, полагаем, должна быть перестроена, так как не отвечает уровню нынешнего развития криминалистики и требованиям судебно-следственной практики. В качестве ее составляющих можно выделить три взаимосвязанных блока: 1) криминалистическая характеристика совершения отдельных видов и групп преступлений; 2) криминалистическая характеристика раскрытия, расследования и предотвращения отдельных видов и групп преступлений на предварительном следствии; 3) криминалистическая характеристика судебного следствия отдельных видов и групп преступлений⁸⁵. В учебниках по криминалистике, полагаем, необходимо показывать особенности методики и судебного следствия.

Криминалистическая методика расследования преступлений при таком ее толковании может выступать как специфическая информационно-познавательная система в деятельности по решению задач уголовного судопроизводства, рассчитанная на определенные ситуации предварительного и судебного следствия.

Под ситуацией судебного следствия следует понимать сложную пространственно-временную динамическую систему информационного характера, складывающуюся в ходе судебного следствия, характеризующуюся наличием у суда установленных на предварительном следствии и в суде доказательств события преступления и лица, его совершившего, и условиями и обстоятельствами, в которых эти доказательства исследуются, устанавливаются и добываются новые, определяющие состояние и перспективу судебного разбирательства в целях осуществления правосудия^{*6}.

Поскольку судебные ситуации не дублируют судебносудебные ситуации предварительного следствия, постольку в суде не может быть использована методика расследования, рассчитанная на предварительное следствие с его судебными ситуациями. Познавание и использование этих ситуаций есть важнейшая задача криминалистической методики как раздела науки криминалистики в повышении качества предварительного следствия и судебного разбирательства дела⁸⁷.

Обращаясь к новому УПК РФ, необходимо констатировать, что в процессе судебного разбирательства имеются свои особенности проведения процессуальных действий, существенно отличающихся от норм УПК РСФСР. Так, например, если следственный осмотр (ст. ст. 177, 178 УПК РФ) следователь проводит в присутствии понятых, а также, в необходимых случаях, с участием других лиц (подозреваемых, обвиняемых, специалистов и т.д.) и оформляет это протоколом следственного действия, то судебный осмотр согласно ст. 287 УПК РФ проводит суд с участием сторон, а при необходимости, и других участников судебного разбирательства (свидетелей, экспертов, специалистов и т.д.). В судебном осмотре не требуется участие понятых. Весь ход и итоги судебного осмотра отражаются в протоколе судебного заседания. Огромные тактические возможности открываются перед судом в допросах с использованием тактического приема «перекрестный допрос», который является важным средством исследования доказательств в состязательном судопроизводстве. «Возможно, самым важным и, несомненно, самым трудным и опасным для допрашивающего. В

суде с участием присяжных заседателей значимость перекрестного допроса возрастает многократно: он становится **доминантой** судебного состязания»⁸⁸. Такие особенности характерны и для других действий.

Все это, несомненно, влечет за собой тактические особенности проведения процессуальных действий в ходе судебного разбирательства, что является прерогативой криминалистики⁸⁹. При этом для суда открывается творческий простор, рассчитанный на исследование конкретных ситуаций судебного следствия и их наиболее эффективное разрешение. Ситуационный подход, таким образом, позволяет разрабатывать конкретные методики по ведению судебного разбирательства с учетом складывающихся судебных ситуаций.

Существенный интерес при этом представляет вопрос о классификации судебных ситуаций, который в настоящее время находится в начальной стадии исследования и не стал еще предметом широкого обсуждения⁹⁰.

В зависимости от стадий уголовного процесса В.К. Гавло и С.Э. Воронин выделяют ситуации, возникающие в судах первой, кассационной и надзорной инстанций⁹¹.

В зависимости от уровня познания судебные ситуации необходимо подразделять на типовые и реальные, где типовые характеризуют теоретический, а реальные — эмпирический уровни познания. Реальные в свою очередь делятся на типичные и атипичные⁹².

Реальные ситуации можно именовать как индивидуальные (конкретные), т.к. понятие «реальная» само требует уточнения. Дело в том, что реальность, как это было показано в предыдущих параграфах работы, «предстает» перед субъектом стороны защиты и обвинения и судьей в субъективном аспекте, а поэтому для каждого субъекта ситуация будет своя, индивидуальная, как воспринятая и оцененная им по-своему.

Теоретическое и практическое значение имеет классификация, предложенная Л.Я. Драпкиным. Как отмечено выше, он предложил дифференцировать ситуации на пять классификационных групп: проблемные, конфликтные, тактического риска, организационно неупорядоченные, смешанные⁹³. Все они с различной степенью частоты встречаются в судебно-следственной практике.

Проблемная, конфликтная и типичная ситуации чаще всего проявляются при производстве отдельных следственных действий. Например, конфликтные ситуации часто возникают при допросе обвиняемых, свидетелей, потерпевших, особенно при перекрестном

допросе по сложным делам и противоречивых показаниях — 38%, в ситуациях, когда суд отказывает стороне защиты раскрыть подлинные сведения о лице, дающем показания в условиях визуальной недоступности, или при отказе потерпевшего от дачи показаний. Для преодоления таких ситуаций важно соблюдать требования уголовно-процессуального закона и тактические приемы, находящиеся в арсенале криминалистики⁹⁴. Но конфликтность не должна применяться для характеристики общей ситуации судебного разбирательства. С учетом того, что все ситуации являются проблемными, полагаем, конфликтность, тактический риск и организационная неупорядоченность могут считаться факторами, присутствующими в той или иной ситуации. В связи с этим важно выделить следующие судебные ситуации:

- 1) с элементами конфликтности;
- 2) с элементами тактического риска;
- 3) с элементами организационной неупорядоченности.

Судебные ситуации могут различаться по характеру возникшей и разрешаемой судом (судьей) проблемы, по исследованию судом доказательств, достаточных для принятия решения по существу дела (ст. 274 УПК РФ).

Таких можно выделить четыре:

1. Судебные ситуации, связанные с сохранением в суде доказательств, полученных на предварительном следствии.
2. Судебные ситуации, связанные с восполнением пробелов в материалах предварительного следствия.
3. Судебные ситуации, связанные с оценкой доказательств в суде.
4. Судебные ситуации, связанные с принятием решения по существу дела⁹⁵.

По степени информационной определенности судебные ситуации можно классифицировать на детерминированные и рандомизированные⁹⁶. Данная классификация необходима для раскрытия диалектики единства необходимости и случайности в развитии судебных ситуаций.

Одним из оснований классификации ситуаций, могут выступать те фактические и иные данные, которые формируют ситуацию относительно определения этапов и направления судебного разбирательства. С учетом изложенного целесообразно выделять:

1. Судебные ситуации, характеризующие ход и результаты судебного разбирательства в целом (общие судебные ситуации).

2. Судебные ситуации, характеризующие ход и результаты судебного разбирательства относительно отдельных эпизодов.

3. Судебные ситуации, характеризующие ход и результаты судебного разбирательства при производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий.

Преимущество этой системы классификации судебных ситуаций, полагаем, заключается в том, что она нацеливает суд и стороны на комплексное использование достижений криминалистики, накопленных ею в рамках тактики и методики расследования преступлений. При этом тактическое, организационно-управленческое и иное решение на том или ином этапе судебного разбирательства различно, поскольку содержательная, информационная база и условия формирования этих судебных ситуаций отличаются друг от друга, хотя они и находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

Взяв за основание оценочный критерий и качественную характеристику возможностей достижения целей уголовного судопроизводства, выделим судебные ситуации, благоприятные и неблагоприятные для судебного разбирательства. Благоприятными следует считать судебные ситуации, в которых цели достигаются при минимальных усилиях суда в бесконфликтных или слабоконфликтных ситуациях при наличии твердой и полной системы доказательств виновности или невиновности подсудимого, раскаяванием и признанием своей вины. Неблагоприятными, в нашем случае, будут такие судебные ситуации, которые характеризуются рядом сложнопреодолимых проблем и препятствий, острой конфликтностью сторон, тяжестью преступления, совершенного организованной группой лиц, нежеланием подсудимых давать показания, неявкой кого-либо из участников судебного разбирательства, выявление новых, неизвестных ранее, обстоятельств по делу и других.

С учетом мыслительной деятельности субъектов все судебные ситуации можно разделить на репродуктивные (алгоритмические) и продуктивные. Продуктивные, в свою очередь, — на эвристические и творческие.

В эвристических ситуациях субъект достигает поставленной (стратегической) цели, применяя для этого различные пути решения промежуточных задач. В творческих — субъект также достигает поставленной цели, но, в отличие от эвристических ситуаций, может в процессе своей деятельности изменять промежуточные цели (например, в случае выявления новых, существенных для дела обстоятельств, заявление подсудимым об алиби и т.д.).

С учетом этапов, выделяемых в уголовно-процессуальной науке, все ситуации судебного разбирательства, по нашему мнению, можно классифицировать следующим образом:

1) ситуации первоначального этапа судебного рассмотрения уголовных дел (охватывают подготовительную часть судебного разбирательства);

2) ситуации дальнейшего этапа судебного рассмотрения уголовных дел (охватывают судебное следствие, прения сторон, последнее слово подсудимого);

3) ситуации заключительного этапа судебного рассмотрения уголовных дел (охватывают постановление и провозглашение приговора).

Для ситуаций первоначального этапа судебного рассмотрения уголовных дел характерно то, что на этом этапе совершаются действия, направленные на проверку наличия процессуальных условий, необходимых для рассмотрения конкретного дела при данном составе суда (наличии состава участников разбирательства, прибывших в суд экспертов, свидетелей и т.д.). В случае обнаружения недостаточности каких-либо процессуальных условий (замена отведенного судьи, прокурора, эксперта; отсутствие потерпевшего, свидетеля и т.д.) необходимо принять меры по обеспечению явки, а также на подготовку нормального, отвечающего требованиям закона процесса во всех следующих частях судебного разбирательства.

Помимо процессуальных вопросов, определенных уголовно-процессуальным законом, участники судебного разбирательства оценивают следственную ситуацию, отраженную в обвинительном заключении (обвинительном акте), в самом общем виде с позиции возможности (невозможности) ее разрешения в ходе судебного разбирательства с учетом той ситуации, которая возникла на данный момент судебного разбирательства. Опросы судей показали, что почти каждое третье уголовное дело откладывается по различным причинам, среди которых первое место занимает неявка участников процесса (в 80% случаев).

Так, например, предварительное расследование по уголовному делу в отношении Чурсина, Булгакова и Устинова, обвинявшихся в разбойных нападениях на граждан, было окончено в срок. Тем не менее суд неоднократно откладывал судебное разбирательство в связи с неявкой потерпевшего Раченко и свидетеля Сысоева, признав их участие в судебном заседании обязательным в связи с

тем, что остальные потерпевшие отказались от явки в суд, боясь за свою жизнь⁹⁷.

Для ситуаций второго этапа судебного рассмотрения уголовных дел характерно то, что судом с участием сторон производится непосредственное исследование всех доказательств, необходимых для обоснования приговора, либо иного решения, которое может быть принято судом. Необходимо отметить то, что на этом этапе суд может выявить новые данные, и тогда они подвергаются новой, более глубокой проверке с привлечением как отсеявшихся, так и новых доказательств. Однако следует заметить, что в соответствии с УПК РФ доказательства должны рассматриваться в рамках предъявленного обвинения (ст. 252 УПК РФ). Здесь могут возникнуть новые версии, выявиться новые обстоятельства и новые доказательства, касающиеся мотивов преступления, обстоятельства его совершения, личности преступника, соучастников и т.д.

На данном этапе суд в процессе оценки следственной ситуации, сложившейся на момент окончания предварительного расследования и отраженной в обвинительном заключении, создает фундамент будущего приговора. В рассматриваемом этапе целесообразно выделять подэтапы (судебное следствие, судебные прения и т.д.). Выделение подэтапов диктуется необходимостью целенаправленной проверки версии в складывающихся новых ситуациях, если, например, в ходе судебных прений или последнего слова подсудимого могут появиться новые, существенные для дела обстоятельства (о способе преступления, соучастниках и т.д.), которые не были рассмотрены ранее. Для этих подэтапов характерны свои методы исследования доказательств, присущие той или иной судебной ситуации.

Ситуации заключительного этапа судебного рассмотрения уголовных дел характеризуются тем, что суд, оценив доказательства и доводы сторон, принимает решение о виновности или невиновности подсудимого и о применении или неприменении к нему наказания, то есть окончательно разрешает следственную ситуацию, отраженную в обвинительном заключении (обвинительном акте).

Все рассмотренные выше ситуации характеризует то, что восприятие и оценка информации судом существенно отличается от восприятия и оценки той же самой информации следователем⁹⁸, а значит, и следственная ситуация воспринимается этими субъектами по-разному. Это, на наш взгляд, проявляется в следующем.

Во-первых, в процессе предварительного расследования субъект доказывания работает по свежим следам, широко использует научно-технические средства, тактические приемы и методические рекомендации по расследованию преступлений. Суд же (в том числе и мировой судья) чаще всего исследует доказательства, которые отражены в материалах уголовного дела и получены в ходе судебного следствия.

Во-вторых, если судебное следствие происходит в суде присяжных, то присяжные заседатели, не имея специальной подготовки, оценивают собранные доказательства не с точки зрения закона, а со своих жизненных позиций (нравственности, этики, добра, справедливости и т.д.).

В-третьих, возможности суда ограничены, так как он в своей деятельности не может выходить за рамки предъявленного обвинения и рассматривает уголовное дело в пределах, установленных законом (ст. 252 УПК РФ). А это, в свою очередь, не может не отразиться на тактическом арсенале судебного разбирательства в складывающихся в суде ситуациях. Тактические приемы, применяемые в досудебном и судебном производстве, различны, что требует их дальнейшего разработки.

В-четвертых, различие между предварительным расследованием и судебным разбирательством заключается в различном значении выводов, которые делаются по результатам обнаружения и исследования доказательств.

Основная оценка доказательств и доказательственной информации в суде происходит в ходе судебного следствия и складывающихся ситуаций. Обобщение судебно-следственной практики позволяет по наличию или отсутствию доказательств, как главному критерию, выделить следующие, характерные для данного этапа, судебные ситуации и предложить общие алгоритмы их разрешения.

1. Доказательства предварительного следствия в суде подтверждаются полностью. Для этих судебных ситуаций характерно то, что версия обвинения полностью доказана материалами дела в ходе судебного следствия, а элементы состава преступления и доказательства, отраженные в обвинительном заключении (обвинительном акте), подтвердились в суде. По нашим данным, эти ситуации встретились в 60% от общего числа дел по корыстно-насильственным преступлениям, рассмотренным в суде первой инстанции.

Для государственного обвинителя в этой ситуации важно представить суду убедительную систему доказательств, свидетельствующих о совершении подсудимым преступления. В своих выступлениях он должен акцентировать внимание на доказательствах об умышленном характере совершенного преступления. Отраженные в обвинительном заключении, эти обстоятельства чаще всего устанавливаются в суде следующими алгоритмами действий: посредством допроса подсудимых, свидетелей, потерпевших, экспертов и других участников судебного заседания, предъявлением для опознания вещей, предметов, людей, осмотром вещественных доказательств и т.д.

Состязательный процесс предполагает высокую активность государственного обвинителя и профессиональной защиты. Государственный обвинитель должен предвидеть возможные контрдействия защиты, которые могут проявляться в предоставлении новых доказательств, выдвижении новых версий произошедшего события, заявлении ходатайств, подачи жалоб и т.д.

Защита в данной ситуации решает следующие задачи.

Во-первых, исследование всех существенных обстоятельств дела с учетом позиции обвинения.

Во-вторых, установление характера, пределов и степени виновности подсудимого. (В случае соучастия необходимо дать сравнительный анализ степени виновности подзащитного с другими подсудимыми.)

В-третьих, дать анализ личности подсудимого, его нравственного облика, поведения на следствии и в суде.

Не следует забывать и о случаях самооговора (оговора) или дачи показаний вследствие неправомερных действий органов предварительного расследования. В данном случае возникает проблемная ситуация, когда необходимо выяснить причины возможного оговора, на котором строится обвинение.

Так, в процессе судебного разбирательства по обвинению Басинского и Можарского в совершении разбойного нападения на Белозерова было установлено, что «участие» Можарского стало возможным в результате оговора Басинского и дачи ложных показаний свидетелями Ходыревым и Плотниковым. Впоследствии Можарский был оправдан⁹⁹

2. Доказательства предварительного следствия в суде подтверждаются частично. При этом могут быть изменения по объему обвинения, исключение некоторых эпизодов преступной деятельности, не нашедших своего отражения в судебном следствии,

изменение обвинения на менее тяжкое (но в пределах квалификации ст. УК РФ), неподтверждение некоторых признаков преступления. Исследования показали, что чаще всего в суде не подтверждаются данные о мотивах (23,3%), обстановке преступления (9,7%), действиях преступника, направленных на подготовку к преступлению (13,9%), его сокрытие (10,2%), в 4,6% не подтвердились данные о субъекте преступления.

Государственному обвинителю в первую очередь необходимо представить убедительную систему доказательств причастности подсудимого к преступлению. Для этого следует акцентировать внимание на протоколах осмотра места происшествия, допросов свидетелей и потерпевших, заключениях экспертов. Если приведенные доказательства взаимно дополняют друг друга и версия обвинения подтверждается, необходимо представить суду доводы относительно мотива и цели совершения преступления подсудимым.

После этого целесообразно в процессе допроса подсудимого акцентировать внимание на установление формы его вины и обстоятельств совершенного преступления.

Защита, в свою очередь, в этой ситуации тщательно исследует следующие важные вопросы:

1. Насколько безупречны и качественны источники доказательств, положенные следствием в основу обвинения?

2. Уделено ли внимание личности подсудимого, его нравственному облику?

3. Правильно ли квалифицированы действия подсудимого, и были ли основания у органов предварительного расследования рассматривать его действия иначе?

Этому вопросу следует уделить пристальное внимание, разобраться в нем серьезно, ибо от его решения будет зависеть правовая оценка, законность и обоснованность приговора, его соответствие собранным по делу доказательствам, юридическая безупречность.

Так, Сковцов и Жилкин обвинялись в совершении разбойного нападения на Белозерова и Заламаеву при следующих обстоятельствах: около 18 часов обвиняемые, вооружившись пистолетом и топором, остановили машину, на которой ехали потерпевшие, после чего, угрожая расправой, забрали у них золотые изделия на общую сумму свыше 500 долларов США.

В процессе расследования Жилкин свою вину признал полностью, а Сковцов от дачи показаний отказался.

В судебном заседании оба подсудимых свою вину не признали, а в кассационной жалобе указали, что при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела не были учтены некоторые, на их взгляд, важные обстоятельства совершения преступления.

В кассационной инстанции, действительно, ряд обстоятельств не подтвердились, поэтому в своем определении суд кассационной инстанции указал, что действия подсудимого Скворцова следует квалифицировать по п. п. «б», «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ — разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с угрозой применения такого насилия, совершенное неоднократно, с применением предметов, использованных в качестве оружия. Действия Жилкина — по ст. 213 УК РФ, как грубое нарушение общественного порядка, сопровождавшееся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, совершенное с применением предметов, используемых в качестве оружия.

При этом суд исключил из обвинения признаки «группой лиц по предварительному сговору» и «лицом ранее два раза судимым за хищения» как не установленные в ходе судебного заседания¹⁰⁰.

3. Доказательства предварительного следствия в суде не подтверждаются. Такая ситуация складывается чаще всего при неполноте предварительного следствия либо когда суд приходит к выводу, что подсудимый совершил иное преступление (предусмотренное другой статьей УК РФ).

В этих ситуациях сегодняшние условия, при которых осуществляется судебное разбирательство, создают, на наш взгляд, серьезные ограничения для отправления правосудия и решения задач уголовного судопроизводства.

Так, до 1999 г. суд имел право возвращать дело на дополнительное расследование по основаниям, указанным в ст. 232 УПК РСФСР.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 20.04.1999 г. указал, что «...положения п.п. 1 и 3 ст. 232 и ч.1 ст. 258 УПК РСФСР, как возлагающие на суд обязанность в случае невосполнимой в судебном заседании неполноты расследования, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, признать не соответствующими Конституции РФ»¹⁰¹.

Данное постановление было совершенно оправданным и продиктовано принципом состязательности, в соответствии с которым суд не вправе брать на себя функции обвинения и уголовного преследования.

Тем не менее в этом же постановлении Конституционный Суд предусмотрел норму, в соответствии с которой суд имел право возвращать уголовное дело на дополнительное расследование по мотивам неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, если имелись об этом ходатайства сторон¹⁰². Тем самым Конституционный Суд давал возможность сторонам (обвинению и защите) самим, с учетом исследованных в суде материалов, решать вопрос о возможности возвращения уголовного дела на дополнительное расследование. При этом Конституционный Суд указал, что «с точки зрения интересов защиты возвращение дела для производства дополнительного расследования в таких случаях не является необходимым, поскольку при полной или частичной недоказанности, а также сомнительности обвинения защита вправе рассчитывать на признание подсудимого виновным в менее тяжком преступлении, чем ему вменяли органы расследования...»¹⁰³.

Ни для кого не секрет, что в суде всегда возникали и продолжают возникать ситуации, в которых получение новых данных не представляет собой особой сложности, но эти данные не могут быть положены в основу приговора, пока не приобретут статус доказательств в процессе предварительного расследования.

Примером может служить дело в отношении Шмелева А.Г., обвинявшегося по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР (грабеж). В ходе судебного заседания, при выяснении личности подсудимого, Шмелев заявил, что он — Андрей, а обвинение предъявлено Алексею. У него есть родной брат Алексей, который был ранее судим. Хотя в деле и имелась дактилоскопическая карта с отпечатками пальцев и ладоней, принадлежащих якобы Шмелеву Алексею, суд в своем определении указал, что она не может являться документом, удостоверяющим личность подсудимого, а других документов (паспорта, формы № 1 и т.д.) в деле нет. На основании чего суд не мог в судебном заседании достоверно уточнить личность подсудимого, поэтому дело направил для производства дополнительного расследования¹⁰⁴.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый Государственной Думой 22.10.2001 г., вообще исключает возможность направления дела судом на дополнительное расследование в стадии

судебного разбирательства. Такой подход законодателя разделяется не всеми авторами, спорен, полагаем, ставит практические органы в затруднительное положение в ряде сложных ситуаций, особенно тогда, когда суд установит, что преступление имело место, но по различным причинам те или иные обстоятельства его установить в этой ситуации нельзя из-за сильного противодействия следователю, явного сговора и отказа свидетелей от прежних показаний, государственный обвинитель явно тактически проигрывает защите и т.д. Судебных ситуаций, когда требуется возвратить уголовное дело для дополнительного расследования немало, и количество таких дел исчисляется сотнями. Права потерпевших в таких судебных ситуациях, которые нуждаются в глубоком изучении, полагаем, не защищены должным образом.

Интересно на этот счет мнение Ю.В. Корневского, считающего, что «при существующей сейчас в России структуре уголовного судопроизводства, когда судебному разбирательству предшествует предварительное расследование, в задачи которого входит всестороннее и полное исследование обстоятельств дела, обойтись без института направления дела на дополнительное расследование вряд ли возможно»¹⁰⁵.

Это подтверждают и проведенные исследования. Так, из 50 опрошенных судей районных народных судов Алтайского края 47 отрицательно относятся к ограничению своих процессуальных полномочий (94%), а из 30 опрошенных судей — членов Президиума и коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда — 26 человек (86,7%) также отрицательно высказались против нововведения и отметили появившиеся проблемы в процессе принятия решений, в том числе при кассационном и надзорном пересмотре уголовных дел¹⁰⁶.

С введением УПК РФ обостряется ряд проблем, связанных с производством по уголовным делам, подсудным мировому судье (глава 41 УПК РФ). Учитывая то, что обязанность сбора доказательств по этим категориям дел возложена на стороны, которые лишены права проводить следственные действия, а судебное разбирательство имеет свою специфику, не трудно видеть, что мировые судьи нуждаются в методических рекомендациях, касающихся процессуальных и тактических вопросов возбуждения уголовных дел частного обвинения, подготовки их к слушанию, а также по рассмотрению данной категории дел в судебном заседании.

В связи с этим необходимы научные разработки и по такому забытому, но возрожденному вновь в УПК РФ производству, как

апелляционное. Эта процедура позволяет не формально, а по существу приговора, с новым исследованием доказательств в суд, вышестоящей инстанции проверить правосудность приговора, вынесенного по первой инстанции, с правом его замены новым решением (приговором), принятым на основе собственного познания фактов и обстоятельств дела¹⁰⁷.

Еще одной проблемой судебного разбирательства является проблема неадекватности оценки участниками процесса той судебной ситуации, которая рассматривается в суде. Корни этого мы видим в следующем.

Деятельность суда предполагает как одно из требований точную квалификацию преступления. В уголовно-правовой литературе обращено внимание на то, что «в области права квалифицировать — значит выбрать ту правовую норму, которая предусматривает данный случай, — иными словами — подвести этот случай под общее правило»¹⁰⁸. Именно подведение под общее правило поневоле «огрубляет» восприятие действительности, лишает ее массы оттенков, что влечет за собой формализацию деятельности. В этой связи деятельность суда тяготеет к тому, что не всегда выясняется личностный смысл, которым руководствовался совершивший преступление и в котором отражается соотношение мотива деяния и его цели. В этом проявляется так называемая профессиональная деформация, нередко выражающаяся в обвинительном уклоне, в распространении на людей свойств, наблюдаемых у преступников. Ее трагичность заключается в том, что работники правоохранительных органов (к которым относятся и судьи) не осознают зависимости своего сознания и своих оценок от них. Опрошенные нами судьи (около 60%) указали на то, что уже на момент начала судебного разбирательства у них сложилась достаточно твердая позиция в отношении подсудимого, а 40% опрошенных почти определились с видом и размером наказания. Нередко это приводит к тому, что подсудимый в судебном разбирательстве не узнает той ситуации, участником которой он является, так как его действия содержали иной смысл, нежели тот, который был реконструирован в ходе судебного разбирательства. Помимо этого, как судьи, так и присяжные заседатели при оценке ситуации связаны с конкретным мировоззрением, существующим в той социальной группе, слое, классе к которому они себя относят.

Для подтверждения сказанного проанализируем развитие судебно-следственной ситуации по делу об убийстве Турова.

Первый этап. Задержанный Рубаник показал, что он 1 октября около 21 часа возвращался от своей матери. Проходя мимо дома своего соседа Турова, увидел, что Туров и его знакомый Чаршин распивают спиртное. Во дворе дома между Рубаником и Чаршиным возникла ссора, в ходе которой Рубаник нанес последнему не менее 14 ударов ножом в области головы, лица, живота, верхних и нижних конечностей, от которых Чаршин скончался на месте.

Второй этап. В процессе предварительного расследования были проведены следственные и иные действия, направленные на установление обстоятельств совершенного преступления и личность виновного (осмотр места происшествия, допросы свидетелей, экспертизы, следственный эксперимент, очные ставки и т.д.). С самого начала следствие заняло обвинительную позицию. В материалах дела появились такие фразы, как: «из личных неприязненных отношений», «будучи в нетрезвом состоянии», «возник умысел на убийство» и т.д. Такого рода клише часто встречаются в протоколах следственных действий. Они способствуют квалификации преступления, но, превратившись именно в клише, только в какой-то мере передают смысл происходящего и тем более побуждения участников. Они скорее отражают стереотипное восприятие событий, нежели помогают в каждом конкретном случае выявить всю полноту картины преступления. Поэтому это и придало событиям смысл, который был понятен лишь одной стороне.

Потерпевший превратился в положительного человека, хотя из материалов усматривалось, что он злоупотреблял спиртными напитками, был агрессивным и мог позволить себе «поучить» других при помощи силы.

Соседи и родственники Рубаника полагали, что он не мог завязать ссору, так как в состоянии опьянения оставался спокойным и контролировал свои действия.

Свидетель Туров давал противоречивые показания. Причину изменения своих показаний объяснял тем, что сначала жалел Чаршина, кроме того, к нему приезжали незнакомые мужчины и просили оговорить Рубаника, так как ему все равно «сидеть», но, так как его «мучила совесть», все-таки решился рассказать правду.

Его показания совпадали с показаниями самого обвиняемого — Рубаника, который пояснил, что Чаршин первым начал оскорблять его, пытался «поучить молодого», ударил ломом, попавшимся «под руку», и он, защищаясь, нанес несколько ударов ножом.

Следователь не придавал этому значения и окончил дело, направив его в суд с обвинительным заключением за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств. В ходе следствия не исследовались и нормы поведения, бытующие среди той группы населения, к которой принадлежали Рубаник и Чаршин. Конечно, они не могли оказать влияние на квалификацию, но они помогли бы установить не только причины, способствовавшие совершению преступления, но и, наверняка, убедили бы обвиняемого в неправомерности действий.

Третий этап. В судебном заседании государственный обвинитель в своей речи дал оценку ситуации с помощью обобщенных фраз типа «именно систематичное пьянство Рубаника привело к преступлению», «образ жизни подсудимого способствовал совершению преступления» и т.д.

Защитник построил свое выступление на «высвечивании» светлых пятен в биографии подсудимого, тем самым как бы принял позицию обвинения.

Вопросы судьи и народных заседателей касались в основном деталей, способных уточнить квалификацию. Не случайно речь прокурора и решение суда вызвали у осужденного протест, так как это был его образ жизни. В этой связи сложилось впечатление, что приговор излишне суров и поэтому несправедлив¹⁰⁹.

Исследование других дел показало, что выявленное положение не редкость. Так, почти в 90% случаев осужденные и их защитники в кассационной жалобе указывали такие основания, как: необоснованность приговора, недостаточное рассмотрение всех обстоятельств дела, игнорирование судом смягчающих обстоятельств и т.д. В итоге это ведет к тому, что осужденные не убеждены в справедливости оценки, данной на суде, а значит, и в наказании. Следовательно, индивидуальный опыт как бы уже подготавливает осужденного к негативному восприятию морального и нормативного сознания сообщества, складывающегося в местах лишения свободы.

Эту проблему, полагаем, может преодолеть суд присяжных, возродившийся в России как альтернативное судопроизводство с 1993 г. Анализ научной литературы и судебно-следственной практики показывает, что суд присяжных является определенным компромиссом между формальными нормами общества, закрепленными в законе, и социальными представлениями о их справедливости в обыденном сознании¹¹⁰.

Суд присяжных примечателен тем, что двенадцать представителей народа самостоятельно решают вопрос о виновности подсудимого, а представители обвинения и защиты стараются доказать присяжным заседателям виновность или невиновность подсудимого. Так как это обычные люди, оценивающие деяние с позиции «суда улицы», то и обвинение и защита обращаются в первую очередь не к проблеме квалификации и даже не к анализу изобличающих или оправдывающих доказательств, а к обрисовке побудительных причин, толкнувших человека к нарушению закона. Поэтому разворачивающаяся перед присяжными картина «внутренней» жизни подсудимого помогает им понять побудительные силы поступка, а принимаемое ими решение отвечает и представлениям подсудимого о том же. В связи с чем ему уже труднее противиться решению суда как несправедливому.

При вынесении «вердикта» присяжные заседатели оценивают ситуацию совсем по-другому, нежели профессиональные судьи, и даже не так, как народные заседатели, мнение которых зачастую совпадает с мнением судьи. В их оценке лежит иная ценностно-смысловая структура восприятия ситуации. В частности, основное значение играет внешний облик прокурора, защитника, подсудимого и других участников, а также их речь и поведение во время судебного разбирательства. Это подтверждают и исследования, проведенные Н.А. Яновой по заказу Алтайской краевой прокуратуры. Они показали, что основными смыслообразующими критериями восприятия прокурора присяжными являются следующие факторы:

- 1) профессионализм, поведение и внешние признаки;
- 2) осмотрительность в поведении;
- 3) волевой характер и прямота в общении;
- 4) восприятие убежденности прокурора в правоте;
- 5) активность в позиции;
- 6) умение быть интересным.

Главными же факторами обыденного сознания в восприятии присяжных являются первый и четвертый¹¹. Причем для присяжных в фактор «успешности» (доверия) вошли не только профессионально значимые качества, отражающие объективность и справедливость обвинителя, но и внешние характеристики поведения, связанные с умением расположить к себе (симпатичность, обаятельность, интересность), и антропометрический показатель — рост. Прокурор высокого роста характеризуется присяжными принципиальностью, объективностью, но при этом не является

чистосердечным. Таким образом, можно сделать вывод, что присяжные заседатели подсознательно проецируют внешние поведенческие характеристики на данные профессиональные качества и могут подменять одни другими¹¹². Это необходимо учитывать всем участникам судебного разбирательства (прокурору, защитнику и т.д.). В связи с чем возникает вопрос о необходимости разработки методических и тактических рекомендаций для судебного разбирательства с учетом конкретных ситуаций и включения их в предмет криминалистики. Отрадно отметить появление интересных диссертационных работ, выполненных под руководством В.И. Комиссарова¹¹³, Т.С. Волчецкой¹¹⁴ и др.

Ситуационный подход, таким образом, позволяет объективно полно, всесторонне исследовать ситуации судебного следствия, складывающиеся в процессе судебного разбирательства уголовного дела, выявлять все обстоятельства дела, используя разнообразные тактические приемы и методики ведения судебного следствия.

Примечания к главе 4

¹ *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. — Томск, 1985. — С. 212-216; *Драпкин Л.Я., Кокурин Г.А.* Организационные и тактические основы поисковой деятельности в расследовании преступлений: Учебное пособие. — Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 1997; *Воронин С.Э.* Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве. — Барнаул: АГУ, 2000 и др.

² *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. — М., 1996. — С. 355; *Образцов В.А., Богомолов СИ.* Криминалистическая психология. — М.: ЮНИТИ-Дана, Закон и право, 2002. — С. 168-314.

³ *Образцов В.А.* Выявление и изобличение преступника. — М., 1997. — С. 16.

⁴ *Мусинко А.В., Сомченко В.А.* Расследование по конкретному уголовному делу. — Волгоград, 1985. — С. 5.

⁵ *Образцов В.А.* Указ. раб. — С. 17.

⁶ *Герасимов И.Ф.* Этапы раскрытия преступлений // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. — Свердловск, 1975. — С. 10.

⁷ *Сегін§ В., ЗсНайИсН К.* БегҮисі Гиг КпгшпаНзлеп. — ВегИп, 1955. — 5.43-45. См. Также: *БепагаЧ ?.* Наирl\уе^е гиг ЕгтйПип^ слез ип-бекаплеп Талегз *Im* Апґап^зз^йашт етег кпттШзспеп Пплег-зисҮип^. — КпттaНзЫк ипс! Гогепз15сһе МззепзспaПеп. — 1976. — № 25. - 5.5-16.

⁸ *Золотарев А.С.* Методика расследования корыстно-насильственной организованной преступной деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1998. - С. 59-60.

⁹ *Малков В.П., Зинатуллин З.З., Стремовский В.А.* Актуальные проблемы организации и производства предварительного следствия в СССР // Правоведение. - 1980. - № 6. - С. 111.

¹⁰ *Драпкин Л.Я.* Ситуационный подход в криминалистике и проблема периодизации процесса расследования преступлений // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. — Свердловск, 1988. - С. 8.

¹¹ *Гавло В.К.* Указ. раб. - С. 249.

¹² См., напр.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. *П.А. Лупинская.* — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристь, 1999. — С. 15; Уголовный процесс России: Учебник / *А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва;* Науч. ред. *В.Т. Томин.* - М.: Юрайт-Издат, 2003. - С. 29-30 и др.

¹³ Подробнее см.: *Степанов В.В.* Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. — Саратов, 1972. — С. 3-80; *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. — М, 1988. — С. 194; *Драпкин Л.Я.* О некоторых дискуссионных проблемах периодизации процесса расследования // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. — Свердловск, 1988. — С. 3-4 и др.

¹⁴ *Образцов В.А.* Криминалистическая характеристика раскрытия преступлений // Борьба с преступностью на современном этапе. — Барнаул, 1982. - С. 120.

¹⁵ *Гавло В.К.* Указ. раб. - С. 216.

¹⁶ *Образцов В.А.* Криминалистика: Курс лекций. — М., 1996. — С. 117.

¹⁷ См.: *Попов В.И.* Розыскная деятельность при расследовании преступлений. - М., 1965. - С. 12; *Самыгин Л.Д.* Расследование преступлений как система деятельности. — М, 1989. - С. 70; Криминалистика / Под ред. *Н.П. Яблокова.* - М., 1995. - С. 26-27; *Дубягин Ю.Л.* Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств. — М., 1997; *Воинов В.В., Мешков В.М.* Правовые и криминалистические

аспекты преступной деятельности в сфере незаконного оборота оружия: (по материалам Северо-западного федерального округа России): Научно-практ. пособие / КЮИ МВД России, Прокуратура Калинингр. обл. — Калининград: ГП КГТ, 2001 и др.

¹⁸ *Драпкин Л.Я.* Ситуационный подход в криминалистике и проблема периодизации процесса расследования преступлений // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. — Свердловск, 1988. — С. 9.

¹⁹ *Гавло В.К.* Указ. раб. — С. 250; *Макаренко Е.И.* Расследование разбойных нападений с проникновением в жилища: Учеб. пособие. — М., 1991; *Расследование преступлений против личности: Учеб. пособие / Под ред. О.Я. Баева.* — Воронеж, 1998; *Иванов К-Г.* Теоретические проблемы и практика поисковой деятельности в раскрытии и расследовании преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2002. — С. 112-152 и др.

²⁰ *Драпкин Л.Я.* Основы теории следственных ситуаций. — Свердловск, 1987. — С. 35.

²¹ Подробно см.: *Гранат Н.Л., Ратинов А.Р.* Решение следственных задач: Учебное пособие. — Волгоград, 1978. — С.34 и др.

²² *Бойков А.Д.* Проблемы эффективности судебной защиты: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1974. — С. 9.

²³ *Корноухов В.Е.* Курс криминалистики. — Т. 1. — Красноярск, 1996. — С. 148; *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. М., 1996. — С. 359 и др.

²⁴ *Шиканов В.И.* Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. — Иркутск, 1983. — С. 9; *Образцов В.А.* К вопросу о методике раскрытия преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. 27. — М., 1977. — С. 108; *Васильев А.Н.* Тактический прием — основа следственной тактики // Соц. законность. — 1974. — № 4. — С. 46 и др.

²⁵ *Гранат Н.Л., Ратинов А.Р.* Указ. соч. — С. 2.

²⁶ *Ключко В.Е.* Инициация мыслительной деятельности: Дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1991. — С. 264.

²⁷ По материалам следственной практики прокуратуры Центрального района г. Барнаула за 2004 г.

²⁸ Подробнее см.: *Ключко В.Е.* Инициация мыслительной деятельности: Дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1991; *Ким Д.В.* Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности

по расследованию преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 1999. — С. 19.

²⁹ По материалам практики УВД г. Бийска за 2003 год.

³⁰ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Дело № 1-1143/97.

³¹ См. подробнее: *Белкин Р.С., Винберг А.И.* Криминалистика и доказывание. — М., 1969. — С. 167; *Полевой Н.С.* Методические и правовые основы решения криминалистических задач с использованием математических методов и вычислительной техники: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1984. — С. 26; *Крылов В.В.* Основы криминалистической теории расследования преступлений в сфере информации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1998; *Гавло В.К., Алешин В.В.* Расследование преступлений, сопряженных с отчуждением жилья граждан: Учеб. пособие. — Барнаул, 1998. — С. 34-53; *Козкег А., Яонге К.* Везопйегбелеп сгег 11пегбисипийбрлапипий бел сгег ВекатрГигш УОП Вгепприпккп. — Рогит бег КпттаИзИк, 1976. — № 2. — 5. 18 и др.

³² *Драпкин Л.Я.* Основы теории следственных ситуаций. — Свердловск, 1987. — С. 16-23.

³³ Там же. — С. 22.

³⁴ См., напр.: *Шиканов В.И.* Разработка теории тактических операций — важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений (общие положения). — М., 1976. — С. 156-157; *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. — Т. 3. — М., 1997. — С. 210; *Комаров ИМ.* Криминалистические операции в досудебном производстве: Монография. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002 и др.

³⁵ *Образцов В.А.* Выявление и изобличение преступника. — М., 1997. — С. 57.

³⁶ *Ким К.В.* Комплексное применение криминалистических методов расследования. — Караганда, 1995. — С. 120.

³⁷ Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Дело № 1-1033/96.

³⁸ *Ким Д.В.* Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 1999. — С. 21.

³⁹ По материалам практики ГУВД Алтайского края за 2003 год.

⁴⁰ См.: Теория и практика использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. К.К. Горяинова. — М.: ВНИИ

МВД России, 2002; *Кириченко С.А., Мешков В.М.* Использование криминалистически значимой информации, полученной оперативно-розыскными методами, при расследовании проявлений организованной преступности: Науч.-практ. пособие. — Калининград: Калинингр. юрид. ин-т МВД России, 2002; *Чечетин А.Е.* Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура: Препринт. — Барнаул: БЮИ МВД России, 2004 и др.

⁴¹ Подробно см.: *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. — Томск, 1985. — С. 251.

⁴² См., напр.: *Гребельский Д.В.* О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. — М., 1984. — С. 70; *Воронин С.Э.* Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном производстве. — Барнаул: АГУ, 2000. — С. 86-128; *Шумилов А.Ю.* Новый оперативно-розыскной закон России. — М.: Изд-ль И.И. Шумилова, 1998; *Букев Н.М., Мальцев В.В.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений. — Томск: Печатная мануфактура, 2001. — С. 16-65 и др.

⁴³ *Белкин А.Р.* Теория доказывания: Науч.-метод. пособие. — М.: Изд-во НОРМА, 1999. — С. 85-139, 167-176; *Азаров В.А., Сунрун С.В.* Охрана имущественных интересов личности в сферах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности: Монография. — Омск: Омская академия МВД России, 2001; *Корневский Ю.В., Токарева М.Е.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. — М.: ООО «Юрлитформ», 2000. — С. 56-83; Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: Учеб.-практ. пособие / Под общ. ред. *В.В. Черникова, В.Я. Кикотя.* — М.: ИНФРА-М, 2002; *Чечетин А.Е.* Новый УПК и оперативно-розыскная деятельность // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: Мат-лы науч.-практ. конф. — Ч. 1. — Барнаул: БЮИ МВД России, 2002. — С. 109-113 и др.

⁴⁴ По данным *Е.И. Макаренко* и *И.И. Клименко*, более 85% изученных ими дел о разбойных нападениях, совершенных с проникновением в жилище граждан и охраняемые территории, не содержат в своих материалах свидетельств обращения следователей к данному криминалистическому учету. См.: *Макаренко Е.И.* Расследование разбойных нападений с проникновением в жилища. — Ташкент, 1991. — С. 49; *Клименко И.И.* Проблемы расследования и судебного следст-

вия по делам о разбойных нападениях, совершенных организованными группами с проникновением в охраняемые помещения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2001. — С. 3-15 и др.

⁴⁵ Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула. Дело №1-25/97.

⁴⁶ См.: *Бедняков Д.И.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений. — М., 1991. - С. 115-117; *Кручинина Н.В., Шиканов В.И.* Процессуальные аспекты использования результатов оперативной видео-, кино-, фото-, звукозаписи при расследовании преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. — Свердловск, 1992. — С. 395; *Доля Е.А.* Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. - М., 1996. - С. 4; *Белкин А.Р.* Теория доказывания: Науч.-метод. пособие. — М.: НОРМА, 1999. — С. 85-139 и др.

⁴⁷ Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Дело № 1-621/96.

⁴⁸ *Колесниченко А.Н.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступления. — Харьков, 1965. - С. 18-19; *Лузгин И.М., Лавров В.П.* Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение. — М., 1980; *Карагодин В.Н.* Преодоление противодействия предварительному расследованию. — Свердловск, 1992; *Яблоков Н.П.* Криминалистические основы борьбы с организованной преступностью. Основы борьбы с организованной преступностью. Гл. IV. — М., 1996. — С. 237-317; *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. — В 3 т. - Т. 3. - М., 1997. - С. 355-378 и др.

⁴⁹ *Ратинов А.Р.* Теория рефлексных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. — М., 1970. — С. 194-196.

⁵⁰ Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Дело №1-1033/96.

⁵¹ См., напр.: *Дулов А.В.* Судебная психология. — Минск, 1971; *Порубов Н.И.* Научные основы допроса на предварительном следствии. — Минск, 1978; *Баев О.Я.* Тактика следственных действий. — Воронеж, 1995; *Лившиц Е.М., Белкин Р.С.* Тактика следственных действий. — М., 1997; *Кривошей И.Т.* Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. - С. 72-111 и др.

⁵² См., напр.: *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. — Томск, 1985. — С. 265; *Гринькин В.А.* Теоретические проблемы и практика расследования убийства лиц, занятых в сфере бизнеса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Барнаул, 2000; *Гармаев Ю.П.* Теоретические основы формирования криминалистических методик расследова-

ния преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2003; *Щукин А.М.* Особенности раскрытия и расследования преступлений, связанных с организацией и деятельностью наркопритонов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Барнаул, 2004; *Яблоков Н.П., Головин А.Ю.* Криминалистика: природа и система. — М.: *Юрист*, 2005. — С. 32-164 и др.

⁵³ Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула. Дело № 1-271/97.

⁵⁴ *Гавло В.К.* Проблемы разработки методики расследования корыстно-насильственных преступлений // Проблемы применения нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. — Томск, 1997. — С. 77-81; *Ким К.В.* Комплексное применение криминалистических методов расследования. — Караганда, 1995. — С. 82.

⁵⁵ Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Дело № 1-1033/96.

⁵⁶ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Дело № 1-762/97.

⁵⁷ Из практики прокуратуры Алтайского края. Уголовное дело № 82203.

⁵⁸ Из практики прокуратуры Карагандинской области Республики Казахстан.

⁵⁹ *Яблоков Н.П.* Криминалистическая методика расследования. — М., 1985. — С. 60-61.

⁶⁰ *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. — Томск, 1985. — С. 181-182.

⁶¹ *Ким Д.В.* Ценностно-смысловая структура следственной ситуации как предмет криминалистического исследования // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в современных условиях: Мат-лы междунар. конф. — Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. — С. 44-47; *Он же.* Следственная ситуация как системообразующий фактор в расследовании преступлений // Российская правовая система: становление, проблемы, пути совершенствования: Мат-лы Республиканской науч. конф. / Под ред. *В.К. Гавло, В.Я. Музюкина, В.В. Невинского.* — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. — С. 326-330.

⁶² *Цыпкин А.* Криминалистика и судебное следствие // Соц. законность. — 1938. — № 12.

⁶³ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. — СПб., 1908. — С. 7.

⁶⁴ Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. — М., 1964.

⁶⁵ Танасевич В.Г. О предмете советской криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. - Вып. 24. - М., 1976. - С. 120-121; Воробьев Г.А. Планирование судебного следствия. — М., 1978; Чеджемов Т.Б. Судебное следствие. — М., 1979; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. — Томск, 1985. — С. 66-74; Белкин Р.С. Курс криминалистики. — В 3 т. — Т. 1: Общая теория криминалистики. — М., 1997. — С. 288-298; Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. — М. — Калининград, 1997. — С. 111-114; Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 1999. — С. 40-45; Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. — М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2001; Кисленко С.Л., Комиссаров В.И. Судебное следствие: состояние и перспективы развития. — М.: Юрлитинформ, 2003. - С. 51 и др.

⁶⁶ Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. — М., 1984. — С. 43-44.

⁶⁷ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика. - М: НОРМА, 2000. - С. 32.

⁶⁸ Там же. - С. 467.

⁶⁹ Там же. - С. 471.

⁷⁰ Там же. - С. 680.

⁷¹ Яблоков Н.П. Криминалистика: Учебник для вузов. - М.: Норма-Инфра, 2000.

⁷² Ищенко Е.П. Криминалистика: Краткий курс. — М.: «Контакт», Инфра, 2003.

⁷³ См.: Баев М.О., Баев О.Я. Об особенностях тактики судебного следствия в современном уголовном процессе // Эволюция права и закона как фактор изменения криминалистики: генезис профессиональной защиты и представительства. — Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2003. — С. 5-18; Гуськова А.П. Развитие криминалистики как необходимое условие для решения задач уголовного судопроизводства // Там же. — С. 39-46; Зашляпин Л.А. Эволюция права и закона как фактор развития криминалистики и возникновения теории адвокатской деятельности // Там же. - С. 66-80 и др.

⁷⁴ См.: *Баев О.Я.* Российская криминалистика начала XXI в.: направления развития, современные проблемы // Вестник криминалистики / Отв. ред. *А.Г. Филиппов*. - Вып. 1. - М.: Спарк, 2000. - С. 10; *Баев М.О.* Тактика профессиональной защиты от обвинения в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 1998. - С 8-9; *Баев О.Я.* Основы криминалистики: Курс лекций. — М.: Экзамен, 2001. — С. 30-35; Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования / Сост. *Л.А. Зашляпин*. ~ Екатеринбург, 2002 и др.

⁷⁵ *Волчецкая Т.С.* 50 лет в криминалистике. К 80-летию садня рождения Р.С. Белкина. — Воронеж: ВГУ, 2002. — С. 69.

⁷⁶ Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам. — Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, — С. 54.

⁷⁷ См. подробнее: *Гавло В.К.* Методические аспекты и некоторые пути развития криминалистики // Актуальные проблемы криминалистики: Мат-лы междунар. конф. — Харьков, 2003. — С. 18-21.

⁷⁸ Подробнее см.: *Филиппов А.Г.* Криминалистика и теория профессиональной защиты по уголовным делам // Вестник криминалистики. - Вып. 1(5). - М.: Спарк, 2003. - С. 15-21.

⁷⁹ *Яблоков Н.П.* Нужно ли менять предметную область и систему современной криминалистики? // Актуальные проблемы криминалистики: Мат-лы междунар. конф. — Харьков, 2003. — С. 16.

⁸⁰ *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. — М.: Юрид. лит., 1987. — С. 47.

⁸¹ Подробнее см.: *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения криминалистической методики отдельных видов преступлений. — Томск, 1985. — С. 66-74.

⁸² *Комиссаров В.И.* Проблемы борьбы с преступностью и их место в предмете криминалистики // Актуальные проблемы криминалистики: Мат-лы междунар. конф. — Харьков, 2003. — С. 27.

⁸³ *Белкин Р.С.* Указ. соч. — С. 32.

⁸⁴ См., напр., интересное учебное пособие: Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. *О.Н. Коршуновой*. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. - С. 15; См. также: *Эксархонупо А.А.* Основы криминалистической теории. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1992; *Макарова З.В.* Гласность уголовного процесса. — Челябинск: Изд-во Южноурал. гос. тех. ун-та, 1993. - С. 116 и др.

⁸⁵ Подробно см.: *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения криминалистической методики отдельных видов преступлений. - Томск, 1985. - С. 130-212.

⁸⁶ *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. — Томск, 1985. — С. 69; *Он же.* Проблемы рассмотрения уголовных дел мировыми судьями (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Информационный бюллетень Управления Судебного департамента при ВС РФ в Алтайском крае. - Барнаул, 2002. - С. 17-20.

⁸⁷ См.: *Гавло В.К.* Проблемные вопросы предмета и структуры криминалистической методики расследования преступлений // Современное российское право: федеральное и региональное измерение: Мат-лы конф. / Под ред. *В.Я. Музюкина, В.В. Невинского.* - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. - С. 14-20.

⁸⁸ *Александров А.С., Гришин С.П.* Перекрестный допрос. - М: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2005. — С. 3; *Закатов А.А., Цветков СИ.* Тактика допроса при расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами. — М., 1998. - С. 3-15; *Гуськова А.П.* Теоретические и практические аспекты установления данных личности обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве. — М.: Юрист, 2002. - С. 98 и др.

⁸⁹ См., напр.: *Карагодин В.Н.* Перспективы расширения предмета криминалистической тактики // Современное российское право: федеральное и региональное измерение. — Барнаул, 1998. — С. 213-217; *Гавло В.К., Воронин СЭ.* Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учебное пособие. — Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. - С. 17-37; *Корневский Ю.В.* Криминалистика для судебного следствия. — М: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2001. — С. 142-190 и др.

⁹⁰ *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия. — М. - Калининград, 1997. — С. 111-114; *Ким Д.В.* Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 1999. — С. 130-145; *Гавло В.К., Воронин СЭ.* Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учебное пособие. - Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. - С. 17-37 и др.

⁹¹ *Гавло В.К., Воронин СЭ.* Указ. соч. - С. 18.

⁹² *Гавло В.К.* О диалектике типичного и атипичного в методике расследования // Повышение эффективности расследования. — Иркутск, 1986. - С. 21-30.

⁹³ *Драпкин Л.Я.* Основы теории следственных ситуаций. — Светловск, 1987. — С. 11.

⁹⁴ Интересные рекомендации на этот счет см.: *Александров А.С., Гришин С.Н.* Перекрестный допрос. — М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2005. — С. 156; *Печерский В.В.* Типовые программы допроса на предварительном и судебном следствии: Учеб.-практ. пособие. — М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2005. — С. 24-64; *Панасюк А.* Разрешение конфликтных ситуаций; стратегия и тактика судьи // Российская юстиция. — 1997. — № 5. — С. 51-52; *Кореневский Ю.В.* Криминалистика для судебного следствия. — М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2001; *Комаров ИМ.* Криминалистические операции в досудебном производстве: Монография. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002 и др.

⁹⁵ *Воронин С.Э.* Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2001. — С. 37-38.

⁹⁶ *Гавло В.К., Воронин С.Э.* Указ. раб. — С. 35.

⁹⁷ Архив Колпашевского городского суда Томской области. Уголовное дело № 1-42/98.

⁹⁸ *Хмыров А.А.* Косвенные доказательства. — М.: Юрид. лит., 1979. — С. 3-18; *Ковтун Н.Н.* О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса // Государство и право. — 1998 — № 6. — С. 59-63; *Белкин А.Р.* Теория доказывания: Науч.-метод. пособие. — М.: НОРМА, 1999; *Орлов Ю.К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе: Науч.-практ. пособие. — М.: Проспект, 2000; *Алиев Т.Т., Межуева Е.А., Понамаренков В.А., Громов Н.А.* Понятие и структура уголовно-процессуального доказывания // Следователь. — 2003 — № 2. — С. 12-20 и др.

⁹⁹ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Уголовное дело № 1-675.

¹⁰⁰ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Уголовное дело № 1-762/97.

¹⁰¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой, статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 17. — Ст. 2205.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула. Уголовное дело №1-271/97.

¹⁰⁵ *Корневский Ю.В.* Криминалистика для судебного следствия. — М.: АО «Центр ЮРИнфоР», 2001. — С. 97; *Гавло В.К., Дудко Н.А.* Необходимость совершенствования института возвращения судом уголовных дел на дополнительное расследование // Известия Алтайского государственного университета. — № 2(20). — 2001. — С. 45-50.

¹⁰⁶ *Гавло В.К., Воронин С.Э.* Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учеб. пособие. — Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. — С. 33.

¹⁰⁷ *Александров А.С., Ковтун Н.Н.* Апелляционное производство в уголовном процессе России: Учебное пособие. — Н. Новгород: Нижегородский юрид. ин-т МВД России, 2000. — С. 4.

¹⁰⁸ См.: *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. — М., 1972. — С. 6; Уголовное право. Особенная часть / Под ред. *А.И. Рароеа*. — М., 1997. — С. 9-13; Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. *Б.В. Здравомыслова*. — М., 1996. — С. 12-15 и др.

¹⁰⁹ Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Уголовное дело № 1-683.

¹¹⁰ Суд присяжных: Пособие для судей. — М., 1994; *Паишин С.А.* Судебная реформа и суд присяжных. — М., 1995; *Радутная Н.В.* Зачем нам нужен суд присяжных. — М., 1995; *Немытина М.В.* Российский суд присяжных: Учеб.-метод. пособие. — М., 1995 и др.

¹¹¹ *Янова Н.А.* Социальный имидж прокурора в стереотипах обыденного сознания коллегии присяжных: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Барнаул, 1999. — С. 16.

¹¹² Там же. — С. 16-17.

¹¹³ *Кисленко С.Л.* Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2002.

¹¹⁴ *Фалеев В.И.* Уголовно-процессуальные аспекты выявления и устранения судебных ошибок: Дис. ... канд. юрид. наук. — Калининград, 2003; *Кузнецова О.Д.* Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. — Калининград, 2004; *Румянцева И.В.* Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. — Калининград, 2004.

. Оглавление

Глава 1. Введение в проблематику психолого-криминалистического аспекта судебно-следственных ситуаций	3
<i>Примечания к главе 1</i>	18
Глава 2. Понятие «ситуация» и ее методологическое значение в исследовании судебно-следственных ситуаций	20
2.1. «Ситуация» как полидисциплинарное понятие.....	20
2.2. «Ситуация» как элемент психологического тезауруса.....	30
2.3. «Психологическая ситуация» как многомерное явление.....	42
2.4. Инициация мыслительной деятельности: проблемная ситуация.....	55
<i>Примечания к главе 2</i>	64
Глава 3. Понятие, классификация судебно-следственных ситуаций и развитие представления о них как о системе знаний, необходимых для решения криминалистических задач	67
3.1. Понятие и классификация судебно-следственных ситуаций.....	67
3.2. Криминалистическая характеристика преступлений как направление познания и систематизации криминалистически значимой информации о преступной деятельности, необходимой для решения криминалистических задач в складывающихся судебно-следственных ситуациях.....	97
<i>Примечания к главе 3</i>	125
Глава 4. Ситуационный подход в уголовном судопроизводстве как процесс постановки и решения криминалистических задач в складывающихся судебно-следственных ситуациях	138

4.1. Криминалистическая характеристика расследования преступлений как направление познания и систематизации технико-, тактико- и методико-криминалистических средств, приемов и методик, применяемых для решения криминалистических задач в складывающихся судебно-следственных ситуациях.....	138
4.2. Судебно-следственные ситуации и их разрешение на первоначальном этапе предварительного расследования преступлений.....	148
4.3. Судебно-следственные ситуации и их разрешение на дальнейшем и заключительном этапах предварительного расследования преступлений.....	169
4.4. Судебно-следственные ситуации и их разрешение в процессе судебного разбирательства.....	190
<i>Примечания к главе 4</i>	212

Научное издание

Гавло Вениамин Константинович
*заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

Ключко Виталий Евгеньевич
*заслуженный работник культуры Российской Федерации,
доктор психологических наук, профессор*

Ким Дмитрий Владимирович
кандидат юридических наук, доцент

СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ: ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Монография

Редактор

Е.Г. Авдюшкин

Подготовка

оригинала-макета

М.В. Торгашевой

Подписано в печать 25.04.2006 г. Формат 60х90 1/16.
Гарнитура литературная. Ризография. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 11. Тираж 600 экз. Заказ 392.

Издательство Алтайского государственного университета.
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

Отпечатано УОП ОНИРИО Барнаульского юридического института
МВД России. Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
656038, Барнаул, ул. Чкалова. 49; \\улу.Ылпус1.пи.